КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

АВГУСТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

АВГУСТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1882 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

(Окончаніе).

III.

Вскорѣ послѣ совращенія замостьскихъ православныхъ церквей и братствъ въ унію и введенія въ Замостьѣ базиліанъ, состоялся извѣстный замостьскій соборъ 1720 года, положившій яркую печать на послѣдующую исторію уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, съ которою отселѣ связана была и судьба замостьскаго уніатскаго николаевскаго монастыря. Ко времени замостьскаго синода уже закончилось совращеніе православныхъ монастырей въ унію: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до конца существованія Польши. Поэтому уніаты могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ „схизматиками", чтобы изъ-за нихъ придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ, и уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что̀ и не замедлили сдѣлать. Еще во второй половинѣ XVII вѣка холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ папѣ чрезъ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями тридентскаго собора, которыя отчасти и приняты были въ основаніе Nexus'а или союза базиліанъ съ уніатскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составленнаго въ 1686 году. Но болѣе полное примѣненіе правилъ тридентскаго собора къ уніатской церкви и базиліанамъ сдѣлано было на замостьскомъ соборѣ 1720 года, при уніатскомъ митрополитѣ Львѣ Кишкѣ. Постановленія

этого собора дали уніатамъ тему для развитія уніатской церкви въ духѣ латинства и въ частности—постановленій тридентскаго собора и примѣнялись и къ соединенію всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности уніатской церкви по образцу католической церкви и проч. Такъ, съ 1720 года базиліане заняты были преимущественно рѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базиліанскую конгрегацію; а съ половины XVIII вѣка производилась внутренняя работа надъ переустройствомъ базиліанскаго ордена на началахъ католической церкви.

Относительно соединенія уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ на замостьскомъ соборѣ постановлено было слѣдующее: „поелику дознано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, что нѣтъ болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ начальникамъ и не имѣющіе своихъ орденскихъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или конгрегацію, то св. синодъ, слѣдуя по стопамъ сихъ каноновъ, постановилъ, чтобы монастыри владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета и по полученіи пригласительной грамоты превелебнѣйшаго митрополита, собрались на конгрегацію и потомъ каждое четырехлѣтіе выбирали генерала, провинціала и орденскихъ визитаторовъ и постановляли и рѣшали все прочее, что можетъ казаться необходимымъ для надлежащаго управленія всею провинціей и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательствовать-же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшій протоархимандритъ провинціи литовской, дабы участвовавшіе долгое время въ сихъ генеральныхъ капитулахъ могли дѣломъ и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же протоархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться св. престолъ [1]). Такимъ образомъ, замостьскимъ собо-

---

[1]) Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamoscia an. 1720, Romae, 1724, титулъ XI – «О монастыряхъ и положеніи монаховъ».

ромъ проэктировались двѣ провинціи базиліанскаго ордена, соотвѣтствовавшія главнымъ составнымъ частямъ Польши, Литвѣ и собственно Польшѣ, къ которой принадлежала и юго-западная Русь, т. е. провинціи литовская, прежде существовавшая, и польская или русская, вновь образуемая. Созванная въ силу этого постановленія замостьскаго синода базиліанская генеральная капитула 1727 г. не состоялась вслѣдствіе возникшихъ споровъ между польскими и литовскими базиліанами изъ-за двѣнадцати монастырей, находившихся въ предѣлахъ Польши, но еще прежде вошедшихъ въ составъ литовской базиліанской провинціи. И только при преемникѣ Льва Кишки, уніатскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ, на львовской конгрегаціи 1739 года, митрополитъ, управлявшій епархіями кіевской, львовской, галицкой и каменецкой, и епископы владимірскій, луцкій, перемышльскій и холмскій освободили подчиненные имъ монастыри, за исключеніемъ архимандричьихъ, изъ-подъ своей власти, которая поэтому перешла къ самому базиліанскому ордену и къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. Но при этомъ митрополитъ и епископы предложили такое условіе, „что, если какіе-либо отдѣльные монастыри, вслѣдствіе визитаціи (ревизіи) будущаго протоархимандрита, по бѣдности ихъ фундуша должны будутъ упраздниться, то принадлежащіе имъ фундуши должны быть отданы въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и присоединены къ приходскимъ церквамъ“. За епископами оставалась также ревизія монастырей, имѣющихъ приходы, каковыми были холмскій и замостьскій [1]). Въ послѣдствіи времени, папскимъ декретомъ 2 мая, 1744 года, предписано было уніатскому митрополиту Аѳанасію Шептицкому, вмѣстѣ съ начальниками базиліанскаго ордена, упразднить малочисленные монастыри или присоединить ихъ къ другимъ, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [2]). Вслѣдствіе этого, на дубенской консультаціи (совѣщаніи) 1745 года было рѣшено оставить въ польской или русской провинціи самостоятельными 38 монастырей, присоединить къ

---

[1]) Акты этой конгрегаціи въ библіотекѣ волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Bullae et brevia Summorum pontificum..., congregationem Ruthenorum ordinis S. Basilii Magni concernentia, и проч., Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 1—60.

другимъ 60 и упразднить 25 монастырей, если только послѣдніе не обезпечены будутъ со стороны фундаторовъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8 монаховъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальники базиліанскаго ордена обратились къ папѣ съ просьбой не упразднять монастырей, достаточныхъ для содержанія *пяти* монаховъ, при чемъ обѣщали совсѣмъ закрыть всѣ прочіе, не могущіе содержать по *пяти* монаховъ; просили однако, чтобы, въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ, сохранить и тѣ небольшія монашескія обители, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ. Эти послѣдніе, въ силу декрета 2 мая 1744 года, неизбѣжно должны были подлежать упраздненію, но монахамъ и ихъ не хотѣлось отдавать свѣтскому клиру, какъ о томъ имъ объявлено было бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, потому они просили сдѣлать новое исключеніе для монастырьковъ, не имѣющихъ приходовъ, заявляя, что монастыри съ приходами они безпрепятственно готовы отдать свѣтскому клиру. Папа согласился оставить за базиліанами на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденціи, въ коихъ можетъ содержаться до пяти монаховъ, но требовалъ при этомъ, что бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были ими всѣ остальные монастыри, резиденціи и миссіи, т. е. не могущія содержать и пяти монаховъ, и чтобы впредь не допускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ. Въ числѣ оставляемыхъ за базиліанами монастырей, резиденцій или миссій, не могущихъ содержать и по пяти монаховъ, папа различалъ такіе, которые принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы, и такіе, которые основаны монахами и приходовъ не имѣли. Первые изъ нихъ онъ предписывалъ безусловно передать во владѣніе епископа или свѣтскаго клира той епархіи, въ которой они числятся; вторые, согласно 5 главѣ 21 сессіи тридентскаго собора, разрѣшалъ приписать къ сосѣднимъ базиліанскимъ монастырямъ, но съ тѣмъ, что бы монахи не имѣли болѣе тамъ постояннаго жительства, а находящіяся при нихъ церкви подлежали, наравнѣ съ приходскими, власти и вѣдѣнію мѣстнаго епи-

---

[1]) См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 14 и 60.

скопа [1]). Но, взамѣнъ этой невольной уступки свѣтскому клиру, базиліане привлекли къ своему ордену архимандричьи монастыри и самихъ архимандритовъ, прежде подчинявшихся непосредственно митрополиту. Nexus'омъ или союзомъ уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго съ базиліанскимъ орденомъ, 1743 года, въ архимандричьихъ монастыряхъ протоархимандриту или генералу предоставлена власть только надъ монахами, а не надъ архимандритомъ, который долженъ былъ подчиняться митрополиту [2]). Но, вслѣдствіе домогательства базиліанъ, папскимъ декретомъ 30 марта 1756 года, постановлено было, чтобы и архимандриты монастырей помянутой конгрегаціи подчинялись непосредственной власти протоархимандрита, какъ главнаго начальника, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ отъ митрополита посвященіе и предъ нимъ же приносилъ присягу на вѣрное служеніе, но инсталляцію, т. е. самое назначеніе на должность настоятеля извѣстнаго монастыря, безъ чего ему пришлось-бы остаться съ однимъ лишь саномъ, получалъ отъ протоархимандрита [3]).

Такимъ образомъ ядро польско-русской базиліанской провинціи и всего базиліанскаго ордена составляли архимандричьи и игуменскіе самостоятельные и, слѣдовательно, болѣе богатые монастыри. Они высылали на провинціальныя и генеральныя конгрегаціи своихъ настоятелей и депутатовъ, на что не имѣли права приписные, филіальные монастыри. Эти конгрегаціи или съѣзды созывались черезъ четыре или много черезъ восемь лѣтъ для избранія генерала ордена, провинціаловъ для каждой провинціи и другихъ орденскихъ чиновниковъ, для перемѣны монастырскихъ настоятелей, а также для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ монастырскихъ дѣлъ извѣстной провинціи или всего ордена. Нѣкоторое подобіе этихъ конгрегацій или съѣздовъ представляютъ нынѣшніе съѣзды православнаго бѣлаго духовенства, обще-епархіальные и окружные.

---

[1]) См. акты почаевской провинціальной капитулы 1755 г., сесс. 1, въ рукоп. волынской дух. семинаріи, № 1289.

[2]) Акты дубенской капитулы 1743 г., сесс. 7, 9 и 11, въ рукописи волынской дух. семинаріи, № 1289.

[3]) Bullae et brevia Summorum pontificum, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.

Какое-же мѣсто и значеніе имѣлъ въ общемъ строѣ базиліанскаго ордена замостьскій николаевскій уніатскій монастырь? Мы оставили его еще въ томъ зачаточномъ, переходномъ состояніи, когда онъ собственно и не былъ еще монастыремъ, а былъ лишь приходскою церковію, при которой, вмѣсто бѣлаго священника, служилъ уніатскій монахъ. Казалось бы, монастырь этотъ долженъ былъ стушеваться въ массѣ другихъ ничтожныхъ базиліанскихъ монастырей и закрыться въ силу приведенныхъ нами папскихъ опредѣленій, допускающихъ существованіе только такихъ монастырей, которые могли содержать не менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ не менѣе пяти монаховъ; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Эти-же самыя папскія опредѣленія, кажущіяся на первый взглядъ строгими и стѣснительными для базиліанъ, на самомъ дѣлѣ лишь содѣйствовали увеличенію и процвѣтанію базиліанскаго ордена и отдѣльныхъ его монастырей, вызывая въ бѣдныхъ монастыряхъ всю энергію для сохраненія своего существованія и соревнованіе съ другими болѣе богатыми и значительными монастырями. Такіе бѣдные монастыри употребляли всѣ ухищренія для того, чтобы пріобрѣсть фундушъ, достаточный для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ, и попасть въ число монастырей, пользовавшихся правомъ голоса на базиліанскихъ съѣздахъ. Большею частію они выпрашивали необходимое содержаніе у фундаторовъ своихъ или другихъ благотворителей, или-же мало по малу пріобрѣтали недвижимыя имущества на свои собственныя средства. Такъ постепенно поднимался на ноги и замостьскій уніатскій монастырь, послѣдовательно испытавъ всѣ превращенія отъ личинки до бабочки. Сначала онъ былъ, кажется, простою резиденціей или подворьемъ, потомъ—миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и, наконецъ, самостоятельнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему нужно было преодолѣть всѣ препятствія, какія представлялись ему и со стороны мѣстныхъ церковныхъ братствъ, и со стороны епископской власти, не хотѣвшей выпустить его изъ своихъ рукъ; но онъ не остановился передъ этими препятствіями и преодолѣлъ ихъ.

До 1739 года, замостьская никольская церковь и ея настоятель базиліанинъ визитовались или ревизовались мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ихъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, 26 мая 1721 года визитовалъ братство никольское

епископъ холмскій Іосифъ Левицкій [1]), а въ 1726 году тотъ-же епископъ опредѣлилъ границы обоихъ замостьскихъ приходовъ, городскаго никольскаго и предгороднаго вознесенскаго, такимъ образомъ, чтобы къ городской никольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ самой крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подгроблѣ и Яновичахъ, а къ предгородной вознесенской — предмѣстье Львовское, Новый свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька Калиновская; онъ подтвердилъ также постановленія коммисіи 1699 и 1701 годовъ относительно погребенія умирающихъ при той церкви, при которой они пожелаютъ, съ уплатою четвертой части погребальнаго дохода приходскому священнику. Въ 1732 году визитовалъ или ревизовалъ обѣ замостьскія церкви и состоявшія при нихъ братства холмскій уніатскій епископъ Феліціанъ-Филиппъ Володковичъ [2]), при чемъ подтвердилъ пункты устава старшаго братства замостьскаго св. Николая, данныя ему прежде православнымъ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ и кіевскимъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управленія дѣлами братства.

Если сравнить эти пункты [3]) съ прежними уставами братства, то въ нихъ невольно бросается въ глаза видная, подавляющая роль базиліанскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одинъ актъ братства. Вслѣдствіе этого, самое братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и сдѣлалось въ рукахъ послѣдняго только послушнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія цѣлей базиліанъ, какъ отчасти сознавались въ этомъ и сами замостьскіе базиліане. Въ 1781 году замостьскій игуменъ Филаретъ Мочарскій писалъ въ своей замѣткѣ о происхожденіи замостьскаго монастыря, что сюда введены были базиліане

---

[1]) Объ этой визитѣ упоминается въ визитѣ никольской церкви 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Акты этихъ визитацій 1732 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Punkta po zakączoney wizycie w klastorze zamoyskim... podane, 9 окт., 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

„на полныхъ правахъ, безъ всякой зависимости отъ братства“ [1]). Понятно, такое приниженіе братства не могло нравиться его членамъ, которые, поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ и обнаружили желаніе отдѣлаться отъ базиліанъ. Случай этотъ представился вскорѣ по освобожденіи уніатскихъ монастырей изъ-подъ епископской власти на львовской базиліанской конгрегаціи 1739 года и по соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ.

Мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что уніатскіе епархіальные архіереи недовольны были освобожденіемъ уніатскихъ монастырей изъ подъ ихъ власти [2]) и потому старались возможно менѣе уступить базиліанамъ и ограничить, по возможности, постепенно расширявшійся кругъ ихъ вліянія. Такія же чувства и намѣренія сталъ питать къ замостьскимъ базиліанамъ и холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ. 12 мая, 1740 года, т. е. на другой годъ послѣ львовской конгрегаціи, онъ далъ предписаніе холмскому провинціалу Карпинскому и замостьскому декану Павлу Соколовскому—назначить администратора къ предгородной замостьской вознесенской церкви, которая въ то время приписана была къ городской церкви, дабы вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви, находящейся внутри крѣпости“ [3]).

Съ теченіемъ времени, пользуясь многочисленностію монаховъ замостьскаго монастыря и папскими постановленіями о подобнаго рода монастыряхъ, епископъ Володковичъ простиралъ виды и на самый замостьскій монастырь и въ этомъ отношеніи сошелся съ желаніями и стремленіями никольскаго братства и дѣйствовалъ съ нимъ за одно, чтобы изгнать базиліанъ изъ Замостья.

---

[1]) Origo monasterii zamoscensis, 1781 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. протестъ митрополита и уніатскихъ епископовъ, 1742 г, противъ освобожденія базиліанъ отъ подчиненности митрополиту въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 7; см. Труды кіев. дух. академіи, февраль 1871 г., стр. 318—320.

[3]) Instrumentum Володковича отъ 20 мая 1740 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

Что въ это время замостьскій монастырь былъ еще не значителенъ и малочисленъ, это видно изъ того, что на дубенской консультаціи 1745 года этотъ монастырь не признанъ былъ самостоятельнымъ, слѣдовательно не имѣлъ и восьми монашествующихъ лицъ и приписанъ былъ къ верхратскому монастырю польской или русской провинціи [1]). А такъ какъ замостьскій монастырь имѣлъ и прихожанъ, то, на основаніи постановленій замостьскаго собора и папскихъ распоряженій, никольская церковь и состоявшее при ней братство подлежали ревизіи мѣстнаго уніатскаго епископа, а не орденскаго начальства, которое вѣдало только самихъ монаховъ базиліанъ. Въ одну изъ такихъ епископскихъ ревизій, въ 1752 году, и возбужденъ былъ вопросъ объ обращеніи замостьскаго никольскаго монастыря по прежнему въ приходскую церковь и объ удаленіи изъ Замостья монаховъ базиліанъ. Въ это время члены братства заявили, а епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ записалъ въ акты ревизіи, что „находящіяся въ архивѣ братства права и привиллегіи гласятъ, дабы замостьскою каменною церковію управлялъ свѣтскій священникъ, какъ и дѣйствительно на памяти всѣхъ людей послѣднимъ управителемъ и поссессоромъ былъ нѣкогда велебный отецъ Машкевичъ, по смерти коего какимъ способомъ велебные отцы базиліане завладѣли тою церковію, объ этомъ неизвѣстно болѣе изъ преданія людей помнящихъ, кромѣ того, что блаженной памяти его милость отецъ Іосифъ Левицкій, епископъ холмскій, непосредственный предшественникъ превелебнаго теперешняго визитатора, назначилъ на время администраторомъ духовныхъ дѣлъ вдовствующей частопоминаемой церкви своего капеллана, велебнаго отца Миколая Блещинскаго чина св. Василія Великаго, послѣ котораго ихъ милости отцы базиліане присвоили себѣ это мѣсто и церковь, какъ ясно видно, безъ законной уступки со стороны свѣтскаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи. Посему нисколько не будетъ противорѣчить первоначальной презентаціи патрона, если бы на основаніи вышепомянутыхъ правъ и привиллегій, распорядителемъ и поссесоромъ каменной замостьской церкви былъ отецъ приходской священникъ свѣтскій, русино-греко-уніатскій; особенно

[1]) Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 44 и 60.

если принять во вниманіе декретъ счастливо надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ господствующаго святѣйшаго отца Бенедикта, того имени XIV папы римскаго, которымъ повелѣвается, чтобы велебные отцы базиліане, владѣющіе приходскими церквами, если не имѣютъ фундуша, достаточнаго для содержанія восьми монаховъ, и надлежащей ограды, отдавали ихъ въ руки и распоряженіе епископамъ. Посему велебные отцы базиліане, живущіе при городской замостьской церкви, такъ какъ содержатся одной только милостынею, должны въ теченіи полугода отъ нынѣшняго акта или позаботиться о надлежащемъ фундушѣ на восемь монаховъ и о томъ, чтобы была монастырская ограда, или же отступиться отъ этой церкви, которою владѣютъ безъ всякаго права“ [1]). Обезпеченными же монастырями, по базиліанскимъ постановленіямъ, считались тѣ монастыри, коихъ фундушъ ежегодно могъ доставлять имъ по 500 или, по крайней мѣрѣ, по 400 злотыхъ польскихъ на человѣка [2]). Слѣдовательно фундушъ, необходимый для содержанія полнаго самостоятельнаго монастыря, долженъ быть такой, который бы ежегодно давалъ монастырю процентовъ не менѣе 3200 злотыхъ. Въ то время большею частію получалось съ капитала по 7%; слѣдов., капиталъ, необходимый для содержанія самостоятельнаго монастыря, долженъ быть не менѣе 50,000 злотыхъ польскихъ.

Очевидно, замостьскіе базиліане, жившіе доселѣ одною почти милостынею, не могли въ теченіе полугода образовать фундушъ въ 60000 злотыхъ и должны были уступить никольскую церковь свѣтскому клиру или мѣстному епископу; но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ они постарались освободиться изъ-подъ опеки нерасположеннаго къ нимъ никольскаго братства, или по крайней мѣрѣ подорвать его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились о пріобрѣтеніи капитала, который бы обезпечивалъ ихъ существованіе на будущее време.

Для противодѣйствія никольскому братству, въ которомъ жили еще прежнія православныя традиціи, базиліане основали при той же никольской церкви новое братство св. Онуфрія и на утвержде-

---

[1]) Визита никольской замостьской церкви 16 ноября 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) См. Труды кіевской дух. академіи, май, 1871 г., стр. 308.

ніе его испросили папскую буллу, отъ 5 мая 1753 г. Святѣйшій отецъ, желая поддержать новоучрежденное братство, цѣль котораго была ему понятна, не поскупился на одну лишнюю индульгенцію, какъ самое заманчивое средство для привлеченія въ братство возможно большаго числа членовъ. „Получили мы, говоритъ онъ въ указанной буллѣ, извѣстіе, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основаться одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія (но не для людей одного спеціальнаго ремесла), коего братчики и сестрицы обыкновенно совершаютъ или имѣютъ въ виду многія дѣла благочестія и любви: потому, дабы братство получило съ теченіемъ времени большій успѣхъ, по милосердію всемогущаго Бога и власти св. его апостоловъ Петра и Павла, даемъ милосердно о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ обоего пола во Христа вѣрующимъ, которые вступая въ братство впослѣдствіи,—въ первый день ихъ поступленія, если истинно покаявшись и исповѣдавшись, примутъ святѣйшее таинство евхаристіи; также полную—какъ записавшимся, такъ и на будущее время имѣющимъ записаться въ помянутое братство братьямъ и сестрамъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, если также, истинно покаявшись и исповѣдавшись, пріобщатся, или, если этого не могутъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеніемъ произнесутъ устами имя Іисусово, или сердцемъ благочестиво призовутъ; равно также полную—и тѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ братьямъ и сестрамъ помянутаго братства, тоже истинно покаявшимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые каждый годъ будутъ набожно посѣщать церковь братства, или капеллу, или ораторію въ главный праздничный день помянутаго братства, разъ навсегда избранный означенными братьями и утвержденный епископомъ, отъ наступленія вечера до захода солнца этого дня, и тамъ возносить усердныя молитвы къ Богу о мирѣ всѣхъ христіанъ, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви. Сверхъ сего (даемъ)—семь лѣтъ и столько же четыредесятницъ помянутымъ братьямъ и сестрамъ, тоже истинно кающимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые будутъ посѣщать церковь, или капеллу, или ораторію въ другіе четыре годо-

вые праздники, или въ непраздничные, или въ воскресные дни, разъ навсегда избранные помянутыми братчиками и утвержденные тѣмъ же епископомъ, какъ о томъ сказано выше, и будутъ тамъ молиться, на тотъ день, въ который они исполнятъ все это. Если же они будутъ присутствовать на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ, поемыхъ и читаемыхъ въ церкви, или капеллѣ, или ораторіи, или на публичныхъ и частныхъ собраніяхъ сего братства, дѣлаемыхъ гдѣ либо, или будутъ принимать бѣдныхъ, или водворять миръ между врагами, или будутъ содѣйствовать примиренію или постараются о немъ, или кто приметъ участіе въ погребеніи тѣлъ какъ умершихъ братьевъ и сестеръ, такъ и другихъ, или будутъ сопровождать какія либо процессіи, совершаемыя съ разрѣшенія епископа, и святое таинство евхаристіи въ процессіяхъ къ больнымъ, и другія, совершаемыя гдѣ либо и какимъ либо образомъ, или, въ случаѣ невозможности, произнесутъ однажды, услышавъ звукъ колокольчика, молитву Господню и ангельское привѣтствіе за души усопшихъ братій и сестеръ, или кого либо совратившагося наставятъ на путь спасенія и научатъ невѣдущихъ заповѣдямъ Божіимъ и тому, что̀ относится ко спасенію, или совершатъ какое либо другое дѣло благочестія и любви; то за исполненіе каждаго изъ перечисленныхъ дѣлъ снимаемъ шестьдесятъ дней изъ наложенныхъ на нихъ или иначе какимъ либо образомъ обязательныхъ эпитемій въ принятой церковію формѣ. Но мы желаемъ, чтобы, въ случаѣ дарованія помянутымъ братьямъ и сестрамъ, исполняющимъ вышесказанное, другихъ индульгенцій постоянныхъ, или простирающихся на время еще не прошедшее,—теперешнія не имѣли силы, и чтобы въ томъ случаѣ, если помянутое братство присоединено уже къ какому либо архибратству, или присоединится впослѣдствіи, или сольется по какой либо другой причинѣ, или какъ либо иначе устроится, прежнія и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными“ [1]). Замѣчательно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями онуфріевское братство отъ какого-то другаго архибратства, вѣроятно никольскаго, и если не уничтожить послѣднее,

[1]) Булла эта—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ къ новому братству. Изъ послѣдующихъ документовъ мы видимъ, что хотя никольское братство и продолжало существовать послѣ этого времени, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности.

Послѣ ослабленія такимъ способомъ никольскаго братства, важнѣйшею заботою замостьскихъ базиліанъ было пріобрѣтеніе фундуша, который обезпечивалъ бы существованіе и будущность ихъ монастыря. Приманкою поминовеній и папскихъ индульгенцій они привлекли къ себѣ многихъ жертвователей въ пользу своего монастыря, которые обыкновенно обезпечивали монастырю на своихъ имѣніяхъ значительные капиталы, съ ежегодною уплатою съ нихъ по монастырю отъ 5 до 7%, или же дарили самыя недвижимыя имущества. Кромѣ того, сами замостьскіе базиліане пріобрѣтали путемъ покупки въ пользу монастыря различные земельные участки и дома и въ разное время получали въ управленіе приходскіе костелы и уніатскія церкви, обращая ихъ недвижимыя имущества и доходы въ пользу своего монастыря. Такимъ образомъ, кромѣ 400 злотыхъ, назначенныхъ Анной Замойской на содержаніе никольской церкви и при ней священника, во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣланы слѣдующія болѣе крупныя пожертвованія и записи на замостьскій монастырь. Въ 1754 году Янъ Якубъ Замойскій и другіе опекуны Замойской ординаціи отдали замостьскому монастырю, за взятыя будто бы ими изъ кассы польской базиліанской провинціи деньги, два фольварка—Вендреіовскій и Крышковскій. Въ 1758 году вдова Іоанна Гассова записала замостьскому монастырю на всѣхъ своихъ имѣніяхъ сумму въ 1280 злотыхъ. Въ 1761 году кіевскій ловчій Стефанъ Терлецкій записалъ замостьскому монастырю 7000 злотыхъ на имѣніи своемъ Снятичахъ. Въ 1762 году Янъ Якубъ Замойскій записалъ на имѣніи своемъ Лабункахъ 30,000 злотыхъ на учрежденіе миссіи въ замостьскомъ монастырѣ [1]). Собранныхъ такимъ образомъ въ короткое время капитальныхъ суммъ набиралось до 80,000 злотыхъ польскихъ [2]); съ нихъ проценту мо-

[1]) Всѣ записи на эти суммы находятся въ бумагахъ замостьскаго монастыря, подъ означенными годами.

[2]) См. прошеніе замостьскаго игумена Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 года.

настырь долженъ былъ получать въ годъ свыше 5,000 злотыхъ. Но въ это число не включены капиталы, единовременно пожертвованные монастырю наличными деньгами. Кромѣ того, замостьскій монастырь получилъ въ 1758 году въ свое завѣдываніе предгородную замостьскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, которое, по упраздненіи этой церкви въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалось собственностію замостьскихъ базиліанъ; а около 1779 года онъ получилъ въ свое управленіе и лабунскую церковь съ принадлежностями ея. Много также пріобрѣтено было замостьскимъ монастыремъ поземельныхъ участковъ и домовъ въ самомъ городѣ Замостьѣ и его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ [1]).

Такими путями замостьскій базиліанскій монастырь въ непродолжительномъ времени сдѣлался изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, и получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ былъ уже гласнымъ монастыремъ и имѣлъ своего представителя на провинціальной бѣлостоцкой капитулѣ, бывшей въ этомъ году [2]). Кромѣ игумена, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и въ числѣ ихъ двухъ миссіонеровъ, которые должны были проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процессіи для совращенія православныхъ въ унію и утвержденія ихъ въ уніатскомъ исповѣданіи [3]). Кромѣ того, замостьскій монастырь во второй половинѣ XVIII вѣка содержалъ у себя орденскія базиліанскія студіи или школы, обыкновенно состоявшія у базиліанъ изъ отдѣльныхъ классовъ орденской семинаріи, реторическаго, философскаго, богословскаго и проч., разбросанныхъ по разнымъ монастырямъ и переводимыхъ изъ одного въ другой. До 1763 года помѣщалась въ замостьскомъ монастырѣ, вѣроятно въ теченіи четырехъ лѣтъ, богословская школа, переведенная въ этомъ году въ свято-георгіевскій львовскій монастырь, гдѣ она была и прежде, а въ 1772 году мы видимъ въ замостьскомъ монастырѣ философскую базиліанскую шко-

[1]) Свѣденія объ нихъ въ бумагахъ монастыря.

[2]) Труды кіев. дух. академіи, январь, 1872 г., стр. 26.

[3]) Опись владѣній и доходовъ монастыря, 1781 г., въ бумагахъ монастыря замостьскаго.

лу [1]), которая въ 1781 году состояла изъ одного профессора и семи учениковъ [2]).

Но въ то самое время, когда замостьскій базиліанскій монастырь достигъ значительной степени своего благосостоянія, наступили раздѣлы Польши между тремя сосѣдними державами, имѣвшіе роковое значеніе и для всего базиліанскаго ордена, и въ частности для этого монастыря.

IV.

„Первый раздѣлъ нѣкоторыхъ частей Польши,—говоритъ базиліанинъ Лука Сульжинскій,—сдѣланъ тремя сосѣдними монархами и утвержденъ трактатомъ между Польшею и этими монархами въ 1772 году. Россія получила всю Бѣлоруссію, Австрія или цезарь римскій—страны, называемыя теперь Лодоміріей и Галиціей, король прусскій—древніе Прусы. Въ захваченномъ Пруссіей краѣ не было никакихъ базиліанскихъ монастырей, въ Лодоміріи-же и Галиціи, равно и въ Бѣлоруссіи, много находилось этихъ монастырей, и всѣ они хорошо были устроены. Управленіе этими монастырями, вошедшими въ раздѣлъ, хотя уже находившимися за границей, долго еще послѣ того принадлежало прежнему ихъ начальству, находившемуся въ Польшѣ: провинціалъ литовскій завѣдывалъ монастырями бѣлорусскими, а коронный — лодомірскими и галиційскими, подъ верховнымъ надзоромъ протоархимандрита или генерала ордена всей нашей конгрегаціи... Въ 1780 году послѣдовала генеральная капитула въ Тороканѣ, подъ предсѣдательствомъ (перешедшаго въ предѣлы Польши) митрополита Смогоржевскаго. Она продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. На ней присутствовали и всѣ заграничные настоятели, имѣющіе голосъ. На этой капитулѣ утвержденъ былъ давно составленный, а теперь исправленный кодексъ постановленій ордена св. Василія Великаго. На этой-же капитулѣ изъ двухъ провинцій, литовской и коронной, образованы четыре провинціи, а именно: коронная провинція раздѣлена была на двѣ, одну подъ тѣмъ-же названіемъ, а другую—галиційскую и лодомірскую; равнымъ образомъ и литовская—на литовскую собственно и бѣлорус-

---

[1]) Труды кіев. дух. академіи, іюль, 1871 г., стр. 151.
[2]) Опись владѣній и доходовъ замостьскаго монастыря, 1781 года.

скую. Для каждой отдѣльно выбраны были особые провинціалы съ усвоеннымъ имъ штатомъ должностныхъ лицъ; генераломъ-же или протоархимандритомъ избранъ Іосифъ Моргулецъ, бывшій впослѣдствіи архимандритомъ мѣлецкимъ... Въ 1788 году вновь послѣдовала генеральная капитула въ Жидичинѣ, которую созвалъ викарный генералъ Іероѳей Корчинскій, немедленно по смерти Іосифа Моргульца получившій изъ столицы апостольской званіе протоархимандрита... На той капитулѣ не было уже ни одного настоятеля изъ заграничныхъ провинцій, т. е. галиційской и бѣлорусской, ни должностныхъ лицъ этихъ провинцій, хотя къ нимъ и посланы были пригласительныя письма; они прислали только отъ себя извиненія, что мѣстное правительство запретило имъ быть на этомъ съѣздѣ. Такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до этой генеральной капитулы вышепомянутыя двѣ недавно образованныя заграничныя провинціи отложились отъ протоархимандричьей власти и подчинились власти своихъ епархіальныхъ епископовъ (что̀ произошло, не знаю какъ сказать, по одной-ли волѣ мѣстныхъ правительствъ, или также и по интригамъ тамошнихъ нашихъ монаховъ, что̀ вѣроятнѣе); то передъ этой капитулой конгрегація наша состояла только изъ двухъ провинцій, находившихся въ остальномъ краю польскомъ. Что дѣлалось въ тѣхъ двухъ отложившихся, недавно образованныхъ провинціяхъ, послѣ ихъ отдѣленія, извѣстно всякому. Въ Галиціи и Лодоміріи важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія уніевская уничтожена, свято-юрская церковь въ Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одной каменной линіи, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базиліанъ. Какія-же притѣсненія были для нашихъ монаховъ и обряда нашего въ Бѣлоруссіи, уже подъ властію новоназначеннаго отъ имперіи архіепископа полоцкаго Лисовскаго, это можно видѣть изъ энциклики его къ духовенству", въ которой,—замѣтимъ мы отъ себя,—ничего больше нѣтъ, кромѣ указанія на искаженіе унитами древняго греческаго обряда и приглашенія возвратиться къ нему и руководствоваться, по крайней мѣрѣ, евхологіономъ папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе подобныхъ стѣсненій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, уніаты переходили изъ предѣловъ Россіи въ Галицію, а изъ Галиціи въ Польшу.

Тотъ-же Сульжинскій передаетъ, что „нѣкоторые изъ ксендзовъ уходили за границу, въ Галицію“, а въ одномъ декретѣ вѣнскаго двора, отъ 21-го марта 1785 года, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „нѣкоторыя духовныя (унитскія) лица изъ этихъ панствъ (т. е. Галиціи) тайнымъ образомъ уходятъ за границу“ [1]). Но послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году разорено было и послѣднее гнѣздо орденскаго базиліанскаго самоуправленія, дотолѣ остававшееся въ Польшѣ: должность протоархимандрита или генерала ордена была уничтожена, и распавшіяся части базиліанскаго ордена уже не имѣли никакого видимаго объединительнаго центра и испытывали различную судьбу въ разныхъ государствахъ, которымъ онѣ достались.

Послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, замостьскій монастырь достался, вмѣстѣ съ Галиціей и Лодоміріей, австрійской имперіи.

Въ первые годы австрійскаго владычества замостьскій базиліанскій монастырь не чувствовалъ особыхъ стѣсненій для себя и даже задумалъ было воспользоваться смутными обстоятельствами перваго раздѣла Польши для своего обогащенія. Въ 1775 году повѣтовое правленіе белзскаго округа, въ силу императорскаго декрета отъ 1 августа того-же года, требовало отъ монашескихъ начальниковъ, чтобы они немедленно, по полученіи сего предписанія, представили помянутому правленію точную и вѣрную вѣдомость, въ которой-бы ясно было обозначено куда, кому и на какой конецъ раздѣлены, уплачены или отданы имущества бывшихъ прежде, теперь-же уничтоженныхъ провинціальныхъ кассъ? При этомъ велѣно предостеречь ихъ, чтобы никто не осмѣливался скрыть или утаить какія-либо деньги или имущества, принадлежавшія помянутой кассѣ предъ уничтоженіемъ или раздѣломъ ея, въ той увѣренности, что высшее правительство строго накажетъ таковыхъ преступниковъ и найдетъ вѣрные способы къ открытію такихъ утаенныхъ денегъ или имуществъ“ [2]). Уже изъ этого предписанія можно

---

[1]) Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, съ 1772 года, Л. Сульжинскаго—въ почаевскомъ архивѣ, № 94. Въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1868 г., за іюль, октябрь и ноябрь.

[2]) Предписаніе это—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

заключить, что бывшая касса базиліанской провинціи была утаена или раздѣлена между наличными монастырями. На основаніи же другихъ документовъ мы можемъ предполагать, что значительный кушъ изъ этой кассы достался и замостьскому монастырю. Въ 1778 году этотъ монастырь получилъ отъ холмскаго каштеляна Венглинскаго какую-то сумму въ 40,000 злотыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежавшую провинціальной кассѣ, и положилъ ее въ кассу графа Замойскаго, который 6 октября 1778 года далъ замостьскому монастырю собственноручную роспиcку въ томъ, что онъ взялъ въ долгъ у монастыря эту сумму на годъ за проценты, обезпечивши ее на своихъ имѣніяхъ и особенно на ключѣ гродецкомъ, въ подольскомъ воеводствѣ. Въ 1781 году, съ разрѣшенія своего начальства, замостьскій монастырь взялъ изъ этой суммы, на покрытіе своихъ долговъ, 6500 злотыхъ, изъ нихъ израсходовалъ 3500 злотыхъ, а остальныя 3000 зл. отдалъ секретно въ долгъ нѣкоему Войцеху Кочовскому, назначивъ ихъ на уплату долговъ своихъ вицинскому и чернелавскому (иначе Лѣсокъ) монастырямъ. Эти секретныя денежныя операціи объясняются въ одной запискѣ замостьскаго настоятеля тѣмъ, что онѣ совершались „во время извѣстныхъ каждому замѣшательствъ, опасеній и отчаянія всего духовенства, при внезапномъ упраздненіи монахинь францисканокъ въ Замостьѣ и другихъ монахинь по другимъ мѣстамъ, а также во время опасности, угрожавшей и мужскимъ монастырямъ“. Съ остальныхъ 33,500 злотыхъ получались въ пользу замостьскаго монастыря проценты до 1786 года [1]).

Въ послѣдствіи времени не только эти суммы не были удержаны монастыремъ, но утрачены были и другія суммы, несомнѣнно принадлежавшія монастырю, а съ остальныхъ оставшихся за монастыремъ имѣній и суммъ взималась пошлина на содержаніе австрійскихъ войскъ и въ кассу религіи. Сумма 33,500 злотыхъ „конституціей польской 1786 года взята на Рѣчь Посполитую“. Проценты съ нѣкоторыхъ другихъ суммъ, положенныхъ на имѣніяхъ жертвователей, перестали получаться потому, что эти имѣнія и владѣльцы

---

[1]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi zamoyskiemu interesow, 1783 г., и документы замойскаго монастыря о суммѣ 33500 зл. въ дѣлѣ 1811 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ихъ оказались теперь въ предѣлахъ другихъ государствъ. Около 1788 года монастырь сталъ платить подати въ фондъ религійный и въ кассу войсковую [1]). Во время втораго и третьяго раздѣловъ Польши средства монастырей еще болѣе уменьшились, такъ какъ благотворители монастыря, въ виду секвестрованія духовныхъ имѣній правительствомъ, брали эти имѣнія обратно себѣ. Такимъ образомъ взята была у замостьскаго монастыря графомъ Замойскимъ часть поля въ ланахъ яновецкихъ [2]). Перестали получаться и проценты съ 30,000 злотыхъ, пожертвованныхъ Яномъ-Якубомъ Замойскимъ на учрежденіе миссіи, вѣроятно по ненадобности уже самой миссіи за повсюднымъ упраздненіемъ православія. Въ 1804 году всѣхъ капитальныхъ суммъ и долговъ за частными лицами было у монастыря 12,107 злотыхъ, 24 гроша. Съ этой суммы ежегодно получалось доходу 683 злотыхъ 45 грошей, изъ коихъ платилось податей 12 злотыхъ и 28 грошей. Остальныя деньги шли на содержаніе четырехъ монаховъ и трехъ клириковъ, студентовъ философіи [3]).

Не менѣе чувствительно было для базиліанъ и ограниченіе ихъ орденской автономіи. Поводомъ къ тому была чуть-ли не базиліанская генеральная конгрегація, бывшая въ 1780 году въ Тороканѣ, на которой, въ числѣ прочихъ, присутствовали и галиційскіе базиліане. Австрійскому, да и русскому правительствамъ не было интереса поддерживать существованіе тѣсно сплоченнаго базиліанскаго ордена, имѣвшаго корни свои въ чужомъ государствѣ. На жировицкой генеральной капитулѣ 1780 года былъ и замостьскій настоятель Филаретъ Мочарскій; но онъ почему-то не нашелъ возможнымъ возвратиться въ свой монастырь и остался оффиціаломъ у Владимірь-Волынскаго уніатскаго епископа [4]). Послѣ сего замостьскій монастырь подчиненъ былъ непосредственно власти мѣстнаго холмскаго епископа, который въ послѣдствіи времени раздѣ-

---

[1]) O stanie klasztoru bazylian zamoyskich, 1791 г.,—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Просьба игумена Аркадія Зеневича Замойскому, 1802 г., тамъ-же.

[3]) Доношеніе игумена Зеневича начальству, 18 февр. 1804 г., тамъ-же.

[4]) Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi Zamoyskiemu interesow. Ф. Мочарскаго, 1783 г., тамъ-же.

лялъ эту власть съ провинціаломъ галиційской базиліанской провинціи.

Прибывъ въ мартѣ 1783 года на ревизію замостьскаго монастыря, холмскій уніатскій епископъ Максимиліанъ Рылло нашелъ въ немъ много нестроеній и безпорядковъ. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ и крутаго нрава, во всякомъ случаѣ администраторъ замѣчательный,—въ родѣ Якова Суши, и также горячо, какъ онъ, преданный дѣлу уніи. Онъ подавилъ послѣдніе остатки православія въ Холмщинѣ. По сохранившемуся на мѣстѣ преданію, онъ вызывалъ въ Холмъ тѣхъ изъ уніатскихъ священниковъ, которые продолжали еще носить бороды и рясы, самолично обрѣзывалъ имъ волосы и приказывалъ перемѣнить костюмъ, а непокорныхъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ. Его поразила крайняя распущенность монаховъ, полное разстройство хозяйственныхъ дѣлъ монастыря, своеволіе братіи, которая сама себя рядила, и онъ, не выѣзжая изъ монастыря, рѣшился ввести въ немъ строгій порядокъ, который самъ такъ любилъ. Подвергши все на мѣстѣ тщательному изслѣдованію, Максимиліанъ Рылло для поправки монастыря издалъ особый декретъ въ 11-ти пунктахъ, главнѣйшіе изъ которыхъ тутъ-же приведены въ исполненіе. Этотъ декретъ [1]) открываетъ намъ недуги, какими страдала тогда замостьская обитель и находившаяся при ней философская школа, ученики которой входили въ составъ братіи, равно и тѣ мѣры, какими энергическій епископъ принялся врачевать ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ *дисциплина,* проще сказать плеть, играла не послѣднюю роль. Вотъ что происходило тогда въ замостьскомъ монастырѣ и его философской школѣ.

Бывшій предъ тѣмъ настоятель Филаретъ Мочарскій бѣжалъ въ Владиміръ-Волынскій, быть можетъ, отъ своеволія братіи, съ которою справиться не могъ. Управленіе его монастыремъ епископъ-ревизоръ призналъ „не осмотрительнымъ“: монастырь, говоритъ онъ, оказался въ жалкомъ положеніи и до того разстроеннымъ, что не только не могъ выдавать братіи на одежду, но и покрыть сторонніе долги. Монастырь около двухъ лѣтъ оставался безъ насто-

[1]) Подлинникъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря 1783 г., подъ заглавіемъ: «Decretum reformationis disciplinae monasticae.

зятеля, а это естественно вело братію къ полной распущенности, своеволію и растратѣ монастырскаго имущества и доходовъ. Вѣдомость о монастырскихъ дѣлахъ, составленную по требованію верховнаго имперскаго управленія, самъ епископъ признаетъ сомнительною; столь-же трудно было ему добраться до истины въ монастырскихъ инвентаряхъ и доходахъ. Въ церкви, въ богослуженіи царствовалъ полный безпорядокъ: монахи опаздывали на службу церковную и заставляли прихожанъ ждать; многіе не хотѣли участвовать въ хорѣ, приходили, когда кому вздумается, пѣли не соотвѣтственно порядку литургіи, иные читали молитвы про себя, когда другіе пѣли, пѣли вообще не стройно, службу Божію совершали поспѣшно, многое опускали, нарушая единообразіе службы церковной, производя безпорядокъ и соблазнъ, выставляя предъ набожными прихожанами свое лишь нерадѣніе. Въ частной жизни своей монахи предавались пьянству, заводили между собою ссоры и кляузы, шатались днемъ и по ночамъ внѣ монастыря, заводили компанію съ мірянами вообще и въ частности съ женщинами. Братья школьники не отставали отъ братіи монастырской даже по части волокитства и двое изъ нихъ—Маріанъ и Георгій уличены были въ этомъ послѣднемъ не задолго до пріѣзда епископа въ масляничное воскресенье. Занятія философіею, къ которымъ братья школьники, какъ выражается епископъ, назначены *въ силу послушанія,* были ими заброшены, и они отвиливали отъ нихъ „чисто по своему лукавству". Строгіе профессора исключили многихъ изъ нихъ, если не всѣхъ, что епископъ осудилъ предъ всею общиной и на будущее время воспретилъ,—вѣроятно для того, чтобы не лишиться вовсе учениковъ; но школьники, какъ говоритъ онъ, обнаружили еще большее бездѣльничество: они осмѣлились бранить одного изъ учителей словами жестокими, свойственными однимъ разбойникамъ и бандитамъ, а почтенный братъ Георгій Коссарабовичъ до того дошелъ въ своей дерзости, что не только преслѣдовалъ своего профессора самыми непотребными словами, но однажды, въ пьяномъ видѣ, грозилъ убить его. Тѣ же братья школьники, подъ видомъ заботливости о своей общинѣ, а скорѣе для того, чтобы отдѣлаться отъ непрошенныхъ менторовъ, послали въ бециркъ доносъ на отцевъ Варлаама Калиновича и Юліана Паржинскаго, будто они замышляли бѣжать за границу (т. е. въ Россію), что

однако не подтвердилось никакимъ доказательствомъ. „Почтенный братъ прокураторъ" продолжалъ пьянствовать при бытности самаго епископа, а на увѣщанія отвѣчалъ дерзостями.

Максимиліанъ Рылло, которому на этотъ разъ въ дѣлѣ возстановленія дисциплины и жизни монашеской предоставлена была неограниченная власть, поступилъ не только со строгостію, но вмѣстѣ съ крайнею осторожностію, дабы не разогнать своевольныхъ монаховъ или школьниковъ, но, удержавъ ихъ на мѣстѣ, постепенно прибрать къ рукамъ. Онъ началъ съ того, что назначилъ безголовому монастырю настоятеля въ лицѣ викарія Варлаама Калиновича, человѣка, какъ говорится въ декретѣ, доброй нравственности, извѣстнаго и довольно заслуженнаго въ базиліанскомъ орденѣ. Составивъ тутъ-же инвентари и вручивъ по нимъ новопоставленному все движимое и недвижимое имущество монастыря въ полное распоряженіе, безъ права однако отчуждать, продавать и дарить, и строго обязавъ его представленіемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ самаго подробнаго отчета, епископъ предоставилъ ему полную власть надъ непокорными монахами и школьниками, обязавъ всѣхъ ихъ оказывать ему должное почтеніе, послушаніе и содѣйствіе. „Знайте, объявлялъ онъ въ декретѣ монахамъ, что я никому не дозволю вмѣшиваться въ управленіе монастыремъ, но всякъ изъ васъ обязанъ дѣлать только то, чего требуетъ отъ него долгъ, исполнять то, что прикажетъ настоятель; ему я вручаю управленіе всей общиной и строго его обязываю, въ случаѣ сопротивленія общины, немедленно доносить о томъ мнѣ, подъ угрозою не принятія его самаго ни къ какимъ должностямъ въ нашихъ епархіяхъ". За безпорядки въ богослуженіи дѣлалось строгое внушеніе и всѣмъ вообще монашествующимъ предписывалось быть аккуратными и точными въ выполненіи росписанія времени и часовъ для богослуженія и не только исправно по нему поступать, но исполнять такъ, какъ прикажетъ настоятель, безъ всякаго возраженія и ропота. Въ случаѣ сопротивленія, епископъ уполномочивалъ настоятеля подвергать виновнаго безъ всякихъ объясненій запрещенію богослуженія. Еще строже отнесся епископъ къ уклоняющимся отъ участія въ хорѣ: виновный въ этомъ, послѣ двухъ замѣчаній, въ третій разъ подлежалъ оставленію безъ обѣда, а въ послѣдующій—*дисциплинѣ*, иначе говоря, его должны были разложить и сѣчь плетью до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ

братіи не прочтетъ весь псаломъ: *Помилуй мя Боже;* при дальнѣйшемъ-же ослушаніи, объ немъ должно было доносить консисторіи. Виновные въ ссорахъ и распряхъ присуждались къ семидневному молчанію, а при повтореніи—суду консисторіи. Брата прокуратора за пьянство и продерзость самъ епископъ рѣшилъ подвергнуть *дисциплинѣ*, т. е. дать ему столько плетей, сколько ихъ влѣзетъ во все чтеніе псалма: *Помилуй мя Боже.* Прочіе виновные въ такихъ-же проступкахъ оставлены безъ наказанія въ надеждѣ на исправленіе ихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ. Для предупрежденія праздношатательства и компаній съ мірянами, особливо-же съ женщинами, а равно подозрѣнія въ побѣгѣ за границу, строжайше, подъ опасеніемъ заключенія въ карцеръ, воспрещалось выходить за ограду безъ дозволенія настоятеля, а этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность не дозволять отлучаться за городъ двумъ монахамъ или двумъ школьникамъ (но, прибавимъ отъ себя, только тремъ или болѣе, какъ это принято и теперь въ католическихъ монастыряхъ и семинаріяхъ), а въ городѣ двумъ школьникамъ, и ни самому не отлучаться, равно и никому не дозволять отлучаться въ далекій путь безъ разрѣшенія епископа или его чиновника, что и изданными тогда распоряженіями гражданской власти воспрещалось. Съ школьниками епископъ поступилъ, какъ принято было тогда поступать со школьниками: братья Маріанъ и Георгій за наклонность къ волокитству лишены были въ теченіи трехъ дней лучшаго кушанья за обѣдомъ, прочіе, въ томъ-же виновные, должны были просить прощенія у братіи, цѣлуя имъ ноги. Всѣ вообще школьники (они помѣщались въ верхнемъ этажѣ небольшаго монастырскаго зданія) не смѣли, безъ дозволенія настоятеля сходить въ нижнія келліи, подъ опасеніемъ наказанія 50 поклонами. За грубое оскорбленіе профессора братъ Георгій дотолѣ долженъ былъ на колѣнахъ просить у него прощенія, доколѣ онъ самъ не назначитъ ему соотвѣтственнаго его винѣ взысканія, а прочіе виновные въ томъ-же должны были просить у него прощенія, только однажды ставъ предъ нимъ на колѣна въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Строгій епископъ, опредѣляя то или другое наказаніе, каждый разъ почти замѣчаетъ, что хотя виновные заслуживали-бы строжайшаго наказанія, но онъ дѣлаетъ снисхожденіе по своей отеческой любви; на самомъ дѣлѣ, какъ мы выше упомянули, онъ боялся крутыми мѣрами обезлюдить

общину и особливо школу философіи, которая, кажется, имѣла всего четырехъ лишь учениковъ и одного профессора, принадлежавшаго также къ числу братіи. Чтобы смирить непокорныхъ *философовъ,* сверхъ обычныхъ ихъ занятій въ школѣ и хорѣ, онъ назначалъ имъ другую работу: братъ Маріанъ долженъ былъ помогать ризничему, братъ Іеронимъ смотрѣть за столовою, а братья Августинъ и Георгій за библіотекою и корридоромъ, а всѣ вмѣстѣ—писать поученія, произнося ихъ прежде въ столовой, потомъ въ церкви, и тѣмъ облегчать трудъ проповѣдника и не давать ему повода уклоняться отъ участія въ хорѣ.

Какъ однако ни строги были правила, преподанныя холмскимъ епископомъ замостьскому монастырю для возстановленія въ немъ монашеской дисциплины, трудно было одною строгостію поднять значеніе монастыря, искусственно созданнаго и такъ скоро разшатавшаго свои нравственныя основы. И по началу нельзя было ничего лучшаго ждать отъ обители, созданной рукою польскаго патрона съ цѣлію подавленія православія и расширенія уніи, приближавшей къ латинству. Монастырь прежде всего самъ на себѣ оправдалъ цѣль своего назначенія. На удержаніе въ немъ какихъ либо остатковъ восточнаго обряда и русской народности, на удержаніе его самаго, хотя-бы въ обезличенномъ и искаженномъ видѣ, также трудно было надѣяться. Кругомъ его царилъ духъ иновѣрный и иноплеменный; католичество давно уже точило зубы на созданную имъ-же унію; новое государство, въ которое нежданно попалъ замостьскій монастырь, было въ порѣ секуляризаціи монастырей; въ высшихъ слояхъ даже польско-католическаго общества носились уже модныя идеи французскаго свободомыслія и индифферентизма въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе замостьскому монастырю постановленіемъ новаго правительства разрѣшено было существованіе на дальнѣйшія времена. Отъ участи другихъ монастырей онъ спасенъ былъ состоящимъ въ его завѣдываніи приходомъ и содержимою монастыремъ базиліанскою орденскою студіей или школой. Въ 1802 году замостьскій настоятель Аркадій Зеневичъ, испрашивая у графа Замойскаго вспомоществованіе своему монастырю, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Теперешнія перемѣны да не будутъ препятствіемъ ясновельможному пану и благодѣтелю оказать монастырю милостивое вниманіе и благотворительную любовь, ибо этотъ мона-

стырь нашъ находится въ подаваніи его милости вельможнаго пана (т. е. ему принадлежало право представленія кандидатовъ на монастырскія должности) и утвержденъ навсегда вѣнскимъ декретомъ, особенно по той причинѣ, что имѣетъ приходъ и для общественнаго блага воспитываетъ орденское юношество" [1]). Приходъ и орденская студія и составляли предметъ особенной заботливости замостьскаго базиліанскаго монастыря въ остальное время жизни его въ австрійскихъ предѣлахъ.

Что касается отношеній замостьскаго монастыря къ своему приходу, то въ нихъ видимъ мы, съ одной стороны, нѣкоторое, можетъ быть и невольное, уваженіе къ стародавнимъ обычаямъ прихожанъ, унаслѣдованнымъ еще отъ православія, а съ другой стороны—стремленіе базиліанъ постепенно сгладить особенности русской обрядности и богослуженія и сблизить его съ господствовавшимъ въ государствѣ католическимъ обрядомъ. Этими традиціями и стремленіями условливались нѣкоторыя особенности въ богослуженіи, церковномъ порядкѣ и требоисправленіи замостьскаго монастыря, которыя перечислены въ меморіалѣ замостьскаго настоятеля Иларіона Ломбовскаго, 1791 г. Меморіалъ открываетъ любопытныя черты въ уніатствѣ того времени, утратившіяся впослѣдствіи. Вотъ что отмѣчаетъ уніатскій монахъ изъ практики своей обители и принадлежащаго ей прихода: 1) Церковный день начинается звономъ къ заутрени, или хвалою Господу Богу, откуда сохранившееся доселѣ выраженіе: „тягать за хвостъ хвалу Господню", равнозначущее слову звонить. Звонъ къ заутрени въ семь часовъ утра. Чтеніе полунощницы совершается частнымъ образомъ, т. е. каждымъ про себя, въ виду случающихся приходскихъ требъ. Въ воскресенья и праздники въ девятомъ часу звонъ къ главной обѣднѣ, или *суммѣ*, потомъ, черезъ четверть часа—на проповѣдь, которая слѣдовала за евангеліемъ. По окончаніи утрени всегда бываютъ молебствія, даже въ будніе дни, если есть дьякъ (видно, безъ дьяка и молебна не могли отслужить оо. базиліане). 2) Въ воскресенья и праздники во второмъ часу звонъ на катихизисъ (изученіе молитвъ и заповѣ-

---

[1]) Прошеніе настоятеля Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 г.,—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

дей и ихъ объясненіе, чего у насъ, увы!—нѣтъ и не было никогда; послѣ катихизиса бываетъ для собравшихся людей вечерня. 3) Въ воскресенья и праздники ходилъ монахъ въ ратушу къ заключеннымъ съ поученіемъ: въ одну четверть или половину года отъ коллегіатскаго (католическаго) костела, а въ другую отъ монастыря. 4) Къ сестрамъ милосердія, по требованію больныхъ, ходилъ монахъ съ духовной помощью, равно и по солдатскимъ лазаретамъ. 5) На Вознесеніе ежегодно бываетъ въ предгородной церкви обѣдня съ проповѣдію, безплатно, кромѣ того числа литургій, сколько нужно для возобновленія св. даровъ (до такой степени монастырь нерадѣлъ о приходѣ, выживъ изъ него священника и такъ рѣдко тамъ обѣдни бывали). 6) Обязательства (т. е. поминовенія) мѣсячныя (разъ въ мѣсяцъ) всегда правятся, какъ въ таблицѣ, седмичныя же (разъ въ недѣлю) за Потоцкихъ больше году уже не правятся. Но когда, замѣчаетъ настоятель, возвращена будетъ съ процентами, по начатому иску, сумма данная монастырю и обезпеченная за границей на Гродкѣ (имѣніи Потоцкихъ), которая на основаніи польской конституціи 1787 года, задерживалась въ теченіи всего моего управленія, то нужно будетъ снова править седмичныя обязательства, съ прибавленіемъ, соотвѣтствующимъ накопившимся процентамъ (послѣднее въ особенности интересно: за проценты—процентъ). 7) Браки всегда должны вѣнчаться до полудня при совершеніи и принятіи брачущимися страшныхъ таинъ; нужно притомъ троекратное оглашеніе, равно полученіе свидѣтельства отъ коллегіатскаго костела, если жена—греко-католическаго обряда, и тутъ бракъ получаетъ полякъ. И не мѣшало бы, чтобы новобрачущіеся при свидѣтеляхъ заявляли, что они добровольно и не принужденно вступаютъ въ супружество. Не было здѣсь обычая того, ибо никто не ожидалъ ни малѣйшаго принужденія; во всякомъ случаѣ безъопаснѣе сообразоваться съ закономъ цесарскимъ, и съ установленною записью метрикъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ... 8) Ежегодно тутъ бываютъ братскія засѣданія: братства свято-никольскаго за недѣлю предъ св. Николаемъ въ маѣ, а братства покровскаго за недѣлю предъ св. Покровомъ; какъ первое, такъ и второе братства съ свои праздники нанимаютъ обѣдни (не упоминаются братства онуфріевское,—оно не шло въ счетъ, какъ свое, и братство вознесенское, переставшее, конечно, существовать съ

закрытіемъ прихода). 9) Есть тутъ дьякъ Петръ. За то, что въ церкви всегда продаетъ свои свѣчи, онъ обыкновенно съ другими мірянами обывателями каждый праздникъ и каждое воскресенье поетъ литургію безплатно, только за то, что дадутъ изъ чести. 10) Въ видахъ сбереженія монастырскаго освѣщенія на олтарѣ, въ будніе дни св. литургіи большею частію совершаются на олтаряхъ св. Покрова и св. Николая, потому что на тѣ олтари доставляютъ освѣщеніе братства (уніатско-іезуитская разсчетливость). 11) Передъ Рождествомъ Христовыхъ, Пасхою и св. Онуфріемъ раздаются порожнія лампы, которыя имѣютъ обычай наливать не только *наша Русь*—прихожане, но и поляки, а особенно рѣзники, и такимъ образомъ церковь не только не тратится на лампы, но и свѣчи дѣлаются на нужду монастырскую, лишь бы только стекла ставало на это. 12) Есть тутъ такой обычай (католическихъ монастырей), что люди изъ селъ приносятъ телятъ, барановъ, гусей, съ тою цѣлію, чтобы получить исполненіе своихъ желаній при помощи св. Николая и св. Онуфрія, и также часто требуютъ *артоса, іорданской воды* отъ лихорадки и *вѣнковъ*. Посему за помянутые приносы правились обѣдни: въ одинъ мѣсяцъ обѣдня предъ св. Николаемъ, а въ другой предъ св. Онуфріемъ, въ среду. А для удовлетворенія желанія здѣшнихъ и стороннихъ людей всегда святятся два артоса; и воды много святится, до двухъ кадей, кромѣ *іордани*; этой въ 1791 году не было изъ-за грязи, посему не достало и іорданской воды, освященной въ навечеріе Богоявленія, а такой воды монастырь, сохраняя ее цѣлый годъ, долженъ удѣлять по немногу просящимъ“ [1]).

Такъ не много въ уніатской обители осталось изъ того, что напоминало ея связь съ православіемъ. Весь дневной порядокъ богослуженія, всѣ эти, такъ сказать, сверхъ-должныя дѣла базиліанскихъ іереевъ, которыхъ мы не находимъ въ православномъ мірѣ и въ которыхъ они чередуются съ католическими ксендзами, языкъ, на которомъ они говорятъ и пишутъ, эти боковые олтарики, „мши читаныя и спѣваныя, раннія и суммы“, даже это множество лампъ, равно телятъ, барановъ и гусей—все указываетъ на совершавшееся

---

[1]) Grato successori memoriale o stanie klastoru bazylian zamoyskich, 1791 г.—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

слитіе уніатства съ латинствомъ. Осталось лишь нѣсколько церковно-народныхъ обычаевъ и ихъ только не уничтожаютъ монахи базиліане, ибо отъ нихъ такой доходъ, какого не имѣли и ксендзы-католики. Остался историческій дьякъ вольной профессіи, не имѣющій уже школы, но продающій свои свѣчи въ церкви и носящій частныя службы за неумѣлыхъ базиліанъ. Въ дѣлѣ вѣры, ея исповѣданія нѣтъ уже никакого почти отличія отъ латинства, но осталось едва слабое сознаніе своей отличной народности,—*наша Русь*, случайно проговаривается игуменъ-базиліанинъ. Но скоро и этого не станетъ и къ тому направлено высокое покровительство учредителей уніатской обители Замойскихъ и работавшаго за его спиной мѣстнаго католическаго коллегіата.

Мы не знаемъ, по побужденію-ли его, или сами по себѣ базиліане притянули къ себѣ приходъ на предмѣстьѣ и въ с. Лабунькахъ, но оставивъ ихъ безъ священниковъ и служа тамъ разъ или нѣсколько разъ въ годъ, они тѣмъ самымъ открыли тамъ широкій просторъ для миссіонерскаго дѣйствія католическихъ ксензовъ. Такъ и до послѣднихъ дней шло всюду обращеніе уніатовъ въ латинство, такъ велось оно и здѣсь. И вотъ теперь, когда такъ далеко уже шагнула польско-католическая пропаганда, ей надо было сломить послѣднюю преграду для своихъ дѣйствій, а она могла еще быть въ этой отдѣльной философской школѣ при базиліанской обители, которая воспитывала и давала хотя не многихъ, но все таки самостоятельныхъ дѣятелей въ уніатствѣ. При оскудѣвшихъ средствахъ монастыря и незначительности числа учениковъ его школы, не трудно было расположить базиліановъ прекратить самостоятельное обученіе ихъ буйныхъ питомцевъ, предоставивъ имъ ходить на лекціи въ замостьскій лицей, преобразованный изъ замостьской академіи. По неимѣнію прямыхъ, положительныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, кому пришла первая объ этомъ мысль; но, судя по общему ходу дѣлъ замостьской обители отъ перваго ея возникновенія, по инициативѣ посторонней и для цѣлей католичества, нельзя не видѣть и въ этомъ дѣлѣ участія посторонней, весьма искусной руки. По крайней мѣрѣ не въ интересахъ базиліанъ было жертвовать такимъ учрежденіемъ, съ которымъ, какъ видѣли мы выше, связано было самое существованіе ихъ монастыря. Передавая своихъ питомцевъ, своихъ будущихъ дѣятелей въ науку католиче-

скихъ ксендзовъ, оо. базиліане, конечно, не сознавали уже, что наносятъ этимъ послѣдній ударъ своему отдѣльному существованію: надъ всѣмъ царила и тогда уже *swięta jedność* и они могли утѣшать себя тѣмъ, что избавляются отъ необходимости содержать своего особаго профессора, что ихъ орденскіе воспитанники, находясь подъ ихъ постояннымъ руководствомъ, будутъ лишь ходить на лекціи въ польско-католическій лицей. Какъ-бы ни было, братья школьники, введенные еще недавно декретомъ Максимиліана Рылла въ кругъ монастырской жизни и тѣсно съ нею связанные, теперь составляли изъ себя особую въ монастырѣ школьную общину, мало имѣвшую съ нимъ связей. Надо было регламентировать особо порядокъ занятій членовъ этой общины и ихъ отдѣльную жизнь въ монастырѣ. Это сдѣлано въ 1801 году базиліанскимъ провинціаломъ галицкой провинціи Дороѳеемъ Михальскимъ. Вотъ какія правила опредѣляли жизнь братьевъ школьниковъ и отношенія ихъ къ монастырю: 1) Ксендзъ закристіанъ наблюдаетъ, чтобы каждый день звонили на возстаніе отъ сна въ четвертомъ часу. 2) Братія школьники тотчасъ-же послѣ звонка встаютъ и, одѣвшись и поправивши постель, собираются въ одну келлію. 3) Собравшись въ одну келлію, братія совершаютъ установленныя молитвословія, т. е. полунощницу и утреню безъ канона даже до перваго часа, и притомъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, а другіе слушали, стоя съ благоговѣніемъ и почтеніемъ. 4) По совершеніи такимъ образомъ утреннихъ молитвословій, немедленно идутъ въ церковь для слушанія св. литургіи, во время которой должны будутъ прочитать себѣ частнымъ образомъ часы, начавши отъ перваго часа до обѣдницы включительно. 5) По выслушаніи св. литургіи, возвращаются въ свои келліи и тамъ въ молчаніи готовятся къ школѣ изъ предметовъ, объясненныхъ профессорами на публичныхъ лекціяхъ, изъ коихъ имѣетъ быть произведено профессорами частное испытаніе въ школѣ. 6) По надлежащемъ приготовленіи себя къ школѣ, если останется время, читаютъ авторовъ, которые говорятъ о предметахъ, объясненныхъ профессорами на лекціяхъ. 7) Въ три четверти восьмаго всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ монастыря на лекціи въ лицей, откуда послѣ 10 часовъ снова всѣ возвращаются въ монастырь, нигдѣ не замѣшкиваясь, такъ чтобы въ одиннадцатомъ всѣ находились въ монастырѣ. 8) По возвращеніи своемъ

въ монастырь съ лекцій, отдохнувши четверть часа, тотчасъ принимаются за чтеніе и припоминаніе себѣ предмета, объясненнаго профессорами на только-что бывшихъ лекціяхъ, совѣщаясь между собою о томъ, что было объяснено въ школѣ и какія были сдѣланы профессорами прибавки или замѣчанія во время лекцій. 9) Когда наступитъ время обѣда, тотчасъ послѣ звонка всѣ являются въ столовую и тамъ по старшинству вступленія своего въ орденъ садятся за столъ, во время котораго, подкрѣпляя тѣло пищею, мысль свою должны обращать на слушаніе чтенія, которое всегда должно быть предлагаемо во время стола. 10) Послѣ обѣда пользуются свойственнымъ монашескому состоянію отдыхомъ, т. е. могутъ себѣ пройтись по дѣдинцу или монастырской оградѣ въ дни ясные, въ дни же ненастные могутъ въ это время заняться, для развлеченія мыслей, бѣганіемъ въ своихъ келліяхъ, что однако должно происходить безъ всякаго крику, безъ непріятности другому и безъ обиды братской. 11) По истеченіи времени послѣобѣденнаго отдыха, прилежно готовятся къ школѣ до половины втораго часа, такъ чтобы въ три четверти уже готовы были къ выходу изъ монастыря въ лицей на публичныя лекціи, по окончаніи которыхъ должны всѣ находиться въ монастырѣ. 12) По возвращеніи своемъ въ монастырь съ публичныхъ лекцій, отдохнувъ немного, дѣлаютъ тоже самое, о чемъ сказано выше, въ восьмомъ пунктѣ, и такъ до вечерняго времени; а если бы осталось времени отъ помянутаго взаимнаго совѣщанія, то могутъ или писать сочиненія, или приготовляться изъ объясненныхъ предметовъ, или же читать авторовъ. 13) Во время ужина дѣлаютъ тоже самое, что и во время обѣда, какъ сказано въ девятомъ пунктѣ. 14) Равно также и послѣ ужина пользуются такимъ же отдыхомъ, какъ и послѣ обѣда, о чемъ сказано въ 10 пунктѣ. 15) Послѣ сего отдыха всѣ вмѣстѣ собираются въ одну келлію, гдѣ такимъ же порядкомъ вычитываютъ себѣ вечерню и повечеріе, какой предписанъ выше въ третьемъ пунктѣ для отправленія полунощницы и утрени. 16) По совершеніи положенныхъ вечернихъ молитвъ, или готовятся на завтрешній день къ школѣ, или занимаются чтеніемъ авторовъ, или же пишутъ сочиненія по преподаннымъ предметамъ. 17) Такія ихъ вечернія упражненія и занятія продолжаются не болѣе, какъ до девятаго, а много до половины десятаго часу, такъ чтобы къ десяти часамъ

всѣ уже были на своихъ постеляхъ. 18) Въ дни, свободные отъ публичныхъ уроковъ, какъ-то: въ воскресенья, праздники, вторники и четверги, если будетъ хорошая погода, всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда отправляются въ поле на рекреацію, на которой должны быть не болѣе двухъ часовъ. 19) Изъ монастыря по своимъ частнымъ дѣламъ никогда не должны выходить безъ предварительнаго дозволенія настоятеля, а когда получатъ это дозволеніе, то могутъ идти не въ одиночку, но съ назначеннымъ себѣ товарищемъ, а вышедши такимъ образомъ, должны будутъ возвратиться въ монастырь въ назначенное время и лично явиться къ мѣстному настоятелю. 20) Для облегченія живущихъ въ семъ монастырѣ отцовъ, которые во время стола имѣютъ обыкновеніе читать въ трапезѣ, должны также и братья школьники совершать чтеніе въ той-же трапезѣ поочередно, одинъ за другимъ, по недѣлѣ; но это только во время ужина, ибо за обѣдомъ и впредь будутъ читать сами отцы. 21) Въ дни воскресные, также въ нарочитые праздники, свободные отъ публичныхъ уроковъ, должны быть въ церкви на всякомъ богослуженіи, т. е. на утрени, св. литургіи поемой, на проповѣди и вечерни. 22) Черезъ одно воскресенье въ другое, также въ нарочитые праздники Спасителя и пресв. Дѣвы, равно и въ дни святыхъ патроновъ нашего ордена, должны исповѣдываться и причащаться съ надлежащимъ приготовленіемъ и всякимъ благоговѣніемъ. 23) Опрятность въ келліяхъ и въ одѣяніи должны соблюдать такъ, чтобы никто не дѣлалъ имъ замѣчанія за это. 24) Гдѣ бы ни находились, въ церкви-ли, или въ школѣ на публичныхъ лекціяхъ, или въ столовой и въ келліяхъ своихъ, или-же наконецъ въ чужомъ домѣ среди мірянъ,—должны тщательно избѣгать всего того, что вообще принято называть неблаговоспитанностію, простотой и невѣжествомъ, а тѣмъ болѣе того, что бы могло соблазнить мірянъ. 25) Каждый братъ обязанъ ежегодно произнесть, въ церкви или въ трапезѣ, три проповѣди, написанныя или имъ самимъ, или другимъ, для пріученія себя къ проповѣданію Христова ученія, въ виноградникѣ котораго приготовляются трудиться. Дабы съ большимъ удобствомъ сдѣлать это, для сего они должны выбрать себѣ, во время вакаціи, время и предметъ и сообщить отцу проповѣднику, кто и когда будетъ проповѣдывать. 26) Каждое воскресенье и каждый четвергъ съ четырехъ часовъ по полудни обязаны имѣть репетиціи изъ тѣхъ предметовъ,

которые объяснены профессорами въ теченіи недѣли. Къ репетиціямъ должны приготовляться хорошо, по очереди, одинъ за другимъ, такъ что-бы въ теченіи цѣлаго часу могъ говорить и произносить на память въ присутствіи другихъ соучениковъ своихъ, которые, сидя спокойно, внимательно должны слушать и вникать, и если бы говорящій ошибся въ чемъ нибудь, другіе должны указывать ему и поправлять".—Ближайшій надзоръ за воспитанниками и точнымъ исполненіемъ приведенной инструкціи поручался старшему изъ нихъ, который назывался братъ руководитель (ductor). Такимъ теперь назначался братъ Максимиліанъ Литынскій; ему всѣ прочіе должны подчиняться: провинившимся онъ имѣлъ право дѣлать выговоръ, а о непослушныхъ обязанъ былъ доносить настоятелю монастыря. Въ свою очередь этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность, послѣ каждаго экзамена наводить справки у профессоровъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и такія свѣдѣнія доставлять провинціалу во Львовъ. Въ заключеніе инструкціи провинціалъ-начальникъ требовалъ, чтобы братья школьники (ихъ всего было шесть) помѣщались по два въ одной келіи и чтобы лекціи репетировались сперва каждыми двумя, а потомъ всѣми вмѣстѣ—въ теченіе часу [1]).

Приведенныя правила опредѣляютъ лишь внѣшнюю, формальную сторону жизни воспитанниковъ монастырской философской школы, не касаясь ни предметовъ, ни характера ихъ занятій; но частыя въ нихъ указанія на репетиціи и коррепетиціи указываютъ отчасти на характеръ какъ самыхъ лекцій, состоявшихъ въ перифразѣ учебниковъ или замѣнявшихъ ихъ древнихъ авторовъ, такъ и приготовленій этихъ лекцій, заключавшихся въ зазубриваніи учебниковъ и авторовъ, въ большей части латинскихъ. Съ другой стороны въ правилахъ нѣтъ и намека на отношенія воспитанниковъ-уніатовъ къ новой для нихъ польской, притомъ свѣтской школѣ и то, какъ они должны себя держать въ иновѣрной и иноплеменной средѣ, чтобы не отдаляться отъ главнаго дѣла своего воспитанія. Видно, подобные вопросы не безпокоили болѣе руководителей уніатскаго юношества, предназначавшагося къ духовному служенію,

---

[1]) Rosporządzenie I. X. prowincyala michalskiego, 20 сентября, 1801 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

порѣшившихъ уже, что и въ уніатствѣ и въ латинствѣ одна вѣра, одинъ Богъ и одинъ найсвятѣйшій отецъ въ Римѣ. Въ правилахъ находимъ одно лишь характерное предостереженіе для воспитанниковъ монастырскихъ, попадающихъ теперь въ свѣтскую школу, именно чтобы въ ихъ поведеніи не допускалось ничего такого, что отзывалось-бы неблаговоспитанностію. Оо. базиліане опасались только, чтобы ихъ воспитанники не сконфузили себя предъ шляхетными учениками лицея; опасенія-же за окончательную утрату своей вѣроисповѣдной и національной особенности и на умъ имъ не всходили. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжали жить монашествующіе замостьскаго монастыря и во всей перепискѣ онаго мы не встрѣтили ни одного указанія на какое-либо стремленіе ихъ къ обособленности отъ польско-католическаго міра: напротивъ, во всемъ видится быстрая ихъ съ нимъ ассимиляція, а поверхъ не труднаго механическаго исполненія обязанностей по совершенію богослуженія и требъ въ приходѣ, нескончаемыя мелочныя хлопоты о матеріальныхъ интересахъ и нуждахъ монастыря.

V.

Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Холмщина испытывала различныя превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому трактату 1807 года, передалъ Россіи бѣлостокскую область, а изъ частей Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріей. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго, завоевали западную Галицію, Краковъ и Люблинъ, при чемъ сожженъ былъ и фольварокъ замостьскаго монастыря [1]). По вѣнскому конгрессу 1815 года и по особому трактату съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства варшав-

---

[1]) О сожженіи фольварка см. «Konsygnacya szkody spalonego folwarku XX. Bazylianow zamoyskich na przedmesciu Hrubeszowskim w czasie dobywania fortecy die 19 maja 1809 roku — въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скаго, Австріи—часть Галиціи, а остальное герцогство варшавское досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое Царство Польское съ двухъ-палатнымъ сеймомъ.

Что же касается базиліанскихъ монастырей герцогства варшавскаго и Царства Польскаго, то они, находясь подъ верховнымъ управленіемъ холмскаго уніатскаго епископа, составили въ 1810 г. въ Холмѣ провинціальную капитулу, почти одновременно съ почаевской капитулой волынскихъ базиліанъ, и образовали изъ себя особую базиліанскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управляемую своимъ визитаторомъ или провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ капитулахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ слѣдующихъ базиліанскихъ монастырей: варшавскаго, холмскаго, люблинскаго, бѣльскаго и замостьскаго. Такимъ образомъ всего было только пять монастырей, изъ которыхъ нужно было выбирать провинціала или визитатора, одного протоконсультора, трехъ консульторовъ и одного секретаря, да нужны были и избиратели. Поэтому всѣ почти наличные базиліане провинціи Царства Польскаго привлекались къ участію въ провинціальныхъ капитулахъ и выборахъ на должности.

Капитулы, созываемыя провинціаломъ, открывались подъ предсѣдательствомъ холмскаго епископа, который, по избраніи новаго провинціала, уступалъ ему предсѣдательское мѣсто при дальнѣйшихъ занятіяхъ капитулы. Капитулы занимались выборами должностныхъ лицъ провинціи и устройствомъ внутреннихъ дѣлъ провинціи и отдѣльныхъ монастырей. Со времени образованія герцогства варшавскаго, намъ извѣстны слѣдующія капитулы, происходившія въ Холмѣ: 1810 года; 3 октября 1814 г.; 21 и 22 ноября 1818 г.; 1825 г.; 1829 г.; 21 сентября 1833 г.; $^{12}/_{21}$ сентября 1838 г. Провинціалами или визитаторами за это время были слѣдующія лица: Фелиціанъ Шумборскій 1814—1818 г.; Вицентій Сѣдлецкій 1818—1824 г.; Янъ Биллевичъ, викарій, по нареченіи Сѣдлецкаго холмскимъ суффраганомъ, 1824 — 1825 г.; Исидоръ Яміолковскій 1825—1834 г.; Василій Калиновичъ 1834—1838 г.; Янъ Биллевичъ 1838—1844 г.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ провинціи, на капитулахъ базиліане занимались дѣлами по внутреннему устройству провинціи въ духовно-нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Особенно

замѣчалась между монахами распущенность нравовъ, противъ которой издано нѣсколько постановленій на капитулахъ 1814 и 1818 годовъ и на консультѣ 1815 года. Этими постановленіями предоставлялось настоятелямъ право употреблять, по отношенію къ неисправимымъ монахамъ, тяжелыя и унизительныя наказанія, какъ снятіе монашеской одежды, облаченіе въ сукманъ (сермягу) и назначеніе на работу: услуженіе при кухнѣ, рубку дровъ и т. п., но каждый разъ съ разрѣшенія провинціала [1]). Мы не имѣемъ полныхъ постановленій этихъ капитулъ, но въ разновременныхъ распоряженіяхъ провинціаловъ находимъ характерныя указанія на то, какого рода мѣры употреблялись противъ неисправимыхъ монаховъ. Такихъ двухъ монаховъ нашелъ въ замостьской обители въ 1815 году визитаторъ Шумборскій, именно—Ѳеофила Гарашковскаго и Модеста Делавскаго. Первый изъ нихъ, по словамъ визитатора, до того дошелъ, „что на него уже почти не дѣйствуютъ братскія вразумленія и наказанія, которымъ онъ подвергался, поелику пьянство до того взяло верхъ надъ нимъ, что, безъ стыда таскаясь по городу, произвелъ соблазны, въ монастырѣ совершилъ безчисленные проступки; на него и женскій полъ жаловался настоятелю за неприличное обращеніе, соблазны и безстыдные поступки; у него никто изъ служащихъ монастырскихъ и собратій не избѣжалъ ссоры и худаго обращенія; другой, Модестъ, ночною порою тайкомъ выходитъ изъ монастыря и гдѣ-то проводитъ ночное время въ распутствѣ“. Относительно обоихъ визитаторъ оставилъ такое распоряженіе мѣстному настоятелю, послѣ перваго усмотрѣнія съ ихъ стороны подобныхъ безчиній: 1) снять съ нихъ монашескую одежду и надѣть на нихъ простой сукманъ; 2) воспретивъ всякое священнодѣйствіе, заставить исполнять работу кухоннаго сторожа, рубить топоромъ дрова, убирать кухонную посуду и вообще дѣлать все то, что ему прикажутъ; 3) не освобождать ихъ при этомъ отъ утренняго и вечерняго молитвословій, но держать ихъ въ это время вдали отъ хора и братій; 4) перваго изъ нихъ въ пятокъ подвергнуть изъ чужой руки дисциплинѣ въ теченіи всего псалма *Помилуй мя Боже* и весь тотъ день оставить на сухомъ хлѣбѣ; 5) при

---

[1]) Посланіе провинціала Сѣдлецкаго, 29 ноября, 1818 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

изъявленіи покорности и искренняго раскаянія, позволить ему въ томъ-же самомъ одѣяніи просить прощенія и цѣловать ноги у всей братіи, въ столовой, и тогда возложить на него габитъ (рясу); 6) съ этого времени позволить ему бывать въ хорѣ и въ столовой вмѣстѣ со всѣми, но разрѣшеніе священнодѣйствій отложить до такого времени, до какого настоятель сочтетъ нужнымъ“ [1]).

Изъ помѣщенной въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ лѣтописи сатановскаго базиліанскаго монастыря въ Подоліи мы знаемъ, что практиковался и болѣе суровый способъ предупрежденія и пресѣченія преступленій со стороны неисправимыхъ монаховъ-базиліановъ, именно—погребеніе ихъ заживо, или заключеніе до смерти въ каменную клѣтку, съ совершеніемъ и чина погребенія; но теперь не видимъ уже такой мѣры и безнадежно испорченные братья, дабы они не заражали собою другихъ, изгонялись вовсе изъ базиліанскаго общества, иногда съ предоставленіемъ изгоняемому права вступить въ другой болѣе строгій, конечно, католическій орденъ, иногда-же и вовсе безъ этого права. Такъ, изгнанъ былъ въ 1839 году изъ базиліанскаго общества иподіаконъ Анастасій Трояновскій за то, что замѣченъ былъ въ прелюбодѣяніи, пытался вытравить плодъ у одной женщины, дерзко обращался съ настоятелемъ, проматывалъ чужія вещи, давалъ ложную присягу и проч. Трояновскій отличался худою нравственностію еще въ то время, когда учился въ Варшавѣ [2]). Вообще упадокъ нравственности въ оставшихся еще базиліанахъ былъ такъ силенъ, что самые настоятели монастырей не всегда были свободны отъ пороковъ, за которые такъ сурово должны были казнить подчиненную имъ братію, и ихъ теперешнему провинціалу, согласно предписаніямъ конституцій, предоставлялось право удалять отъ должности всякаго игумена, если онъ служитъ соблазномъ для своихъ подчиненнхх [3]). Сравнивая жизнь русско-уніатскаго монашества, искавшаго въ католическомъ мірѣ высшаго для себя идеала, съ жизнью православнаго нашего монашества за одинъ и тотъ-же періодъ времени, ни-

[1]) Циркуляръ визитатора Шумборскаго, 31 января, 1815 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Протоколъ $^{10}/_{22}$ іюня, 1839 года, тамъ же.

[3]) Актъ холмской провинціальной капитулы 1838 года, тамъ же.

какъ нельзя сказать, чтобы на сторонѣ перваго было какое-либо преимущество, кромѣ нѣкоторой доли образованія и внѣшней полировки.

Положительная сторона отшельнической жизни, какъ она была разработана здѣсь цѣлымъ рядомъ конгрегацій и ихъ нерѣдко скрупулезныхъ постановленій и правилъ, не представляетъ также никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Всѣ эти многочисленныя конституціи въ базиліанствѣ регламентируютъ только организацію общины и внѣшнюю сторону жизни ея членовъ, оставляя въ сторонѣ ея сущность, духъ, высшія, конечныя цѣли. Индивидуальная жизнь базиліановъ не выработала за все время существованія ордена ни одного типа подвижника; самое понятіе о подвижничествѣ было ими заброшено, какъ на это указывалъ еще знаменитый авторъ Λιθοςʼа. Не міръ стремился къ нимъ, но они искали міра и его телятъ, барановъ и гусей... Въ чемъ вся жизнь ихъ прошла? Въ нескончаемыхъ хлопотахъ организоваться на манеръ католическихъ орденовъ... Чего достигли они чрезъ это? Потери своей вѣры и народности. Все время трудились они для цѣлей внѣшнихъ, постороннихъ и ничего не выроботали для себя. Послѣднія правила монастырской базиліанской жизни, выроботанныя послѣ всѣхъ религіозныхъ распрей и политическихъ переворотовъ, когда ограниченная въ средствѣ и числѣ холмско-базиліанская община мирно доживала свой вѣкъ подъ скипетромъ Россіи, крайне безцвѣтны, безжизненны и представляютъ значительное уклоненіе отъ древняго типа монашества. Эти правила мы находимъ въ циркулярныхъ распоряженіяхъ базиліанскихъ провинціаловъ, относящихся къ 1819, 1839 и 1842 годамъ. Сводя всѣ эти правила, мы можемъ представить себѣ послѣднюю по времени жизнь уніатскаго монашества въ слѣдующемъ видѣ и положеніи. Монашествующая братія, кромѣ времени литургіи, должна была находиться въ полномъ сборѣ утромъ и вечеромъ, для общей молитвы. Вставать утромъ полагалось въ пять часовъ, въ хорѣ быть—въ половинѣ шестаго; часы отправлялись въ десять часовъ, вечерня—въ три. Предъ заутреней читалась полунощница, какая слѣдуетъ, т. е. во всѣ дни вседневная, въ субботу субботняя, а въ воскресенье троичень канонъ. Предъ заутреней и послѣ вечерни требовалось читать другія положенныя молитвословія, но чтеніе ихъ представлялось произво-

дить каждому брату про себя. Сверхъ того настоятель долженъ былъ раздавать братіи книжки нравоучительныя, которыми бы они занимались, находясь въ келліи, для пользы духовной и предостереженія себя отъ праздности, которая,—замѣчалось въ циркулярахъ,—служитъ началомъ пьянства и всякаго зла. Ни одинъ священникъ-монахъ не освобождался отъ общей молитвы; но игуменъ могъ выходить, по окончаніи псалмовъ, для хозяйственныхъ распоряженій, а всякій другой только съ его вѣдома. Проповѣдники праздничный и воскресный пользовались льготой настоятеля. Викарій, онъ-же и ксендзъ-регентъ, или по нашему уставщикъ, завѣдывающій хоромъ и вмѣстѣ новиціатомъ, если таковой находился при монастырѣ, обязанъ былъ ежедневно быть въ церкви и одна только болѣзнь могла освободить его отъ того. Столъ имѣли братія всегда въ опредѣленное время—обѣдъ въ двѣнадцатъ, ужинъ въ шесть часовъ, по знаку колокольчика. Кушанья, замѣчается въ циркулярахъ, должны быть здоровыя,—безъ скудости, но и безъ большаго *менажу*. На заботливость настоятеля возлагалось, чтобы братія имѣли пиво по крайней мѣрѣ зимою и во время поста. Росписаніе блюдъ, „по силѣ возможности монастыря“, полагалось слѣдующее: „*въ воскресенье* на обѣдъ: супъ, кусокъ мяса, овощи или пирожное“ (legomina), а если сможетъ монастырь, то и жаркое; на ужинъ—крупничекъ и картофель или клюски, но непремѣнно два блюда; *въ понедѣльникъ*—борщъ со свининой или съ чѣмъ прикажетъ игуменъ, какое нибудь пирожное, вмѣсто овощей, или квашеная капуста; ужинъ—крупничекъ и картофель; *во вторникъ*—капустнякъ, кусокъ мяса и какая нибудь каша; на ужинъ—бульонъ съ кускомъ мяса, пирожное или картофель; *въ среду*—журъ или борщъ, каша съ олеемъ и горохъ съ уксусомъ, *въ четвергъ*—супъ, кусокъ мяса, овощи съ приправой или пирожное, вечеромъ—затирка и картофель; *въ пятницу* борщъ, заправленный олеемъ или журъ, жаркое съ горохомъ, поджареннымъ на олеѣ, олатки на капустѣ; *въ субботу*—крупникъ съ мясомъ, каша съ солониной, а третье по усмотрѣнію настоятеля. Вообще кушанья требовалось мѣнять, по усмотрѣнію и волѣ настоятеля, но такъ, чтобы никто изъ братіи не былъ голоденъ. Для священниковъ, говорится въ циркулярахъ, нѣтъ завтрака, потому имъ слѣдуетъ, по обычаю, рюмка водки. Поочередное чтеніе братіею св. писанія, правилъ св. Василія Великаго и житій святыхъ Господнихъ за

обѣдомъ и ужиномъ составляло необходимую принадлежность стола. Ошибки чтеца въ столовой могъ поправлять только игуменъ, а если бы его не было на лицо, то заступающій его мѣсто. Особое правило объ этомъ указываетъ на то, что въ это время ослабѣло уже въ братіи умѣнье читать пославянски. Никто изъ братіи не долженъ былъ вставать и выходить изъ столовой до окончанія обѣда или ужина, безъ позволенія настоятеля, какъ никто не могъ брать къ себѣ въ келію обѣда или ужина; взятое подлежало отбору, а виновный—наказанію. Безъ нужды и позволенія настоятеля, монахи не должны никуда выходить за фортку, подъ опасеніемъ взысканія, а вышедшій съ разрѣшенія настоятеля по возвращеніи долженъ явиться къ нему. Никто также не долженъ былъ выходить на прогулку послѣ положеннаго времени. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ, распоряжался настоятель и потому онъ освобождался отъ требоисправленія, которое возлагалось на викарія и проповѣдника.

Вся эта регламентація монашеской жизни не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ нѣкоторыхъ льготъ и довольно сытнаго стола. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти правила довольно общаго характера оставались въ большей части на бумагѣ, а жизнь монаховъ среди міра шла за міромъ и временемъ. Указанія на это находимъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ правилахъ тѣхъ-же циркуляровъ, какъ напр. въ запрещеніи „*отсель* монахамъ бывать въ театрахъ и на публичныхъ зрѣлищахъ“, заниматься политическими вопросами, писать письма къ властямъ, безъ вѣдома настоятеля, ходить въ церковь и на требы въ капотахъ (сюртукахъ); поднимать ропотъ противъ настоятеля, производить наговоры другъ на друга, сѣять роздоры и взаимныя несогласія.

Изъ документовъ этого времени видимъ, что базиліанская община Царства Польскаго, состоявшая изъ пяти монастырей, продолжала содержать *новиціатъ* для пополненія своего состава и воспитанія поступающаго въ монахи юношества. Одно время этотъ новиціатъ находился въ варшавскомъ базиліанскомъ монастырѣ, на Медовой улицѣ. Подчиняясь болѣе или менѣе монашескимъ правиламъ, новиціи или новички въ монашеской жизни имѣли и свою особую организацію. Ими завѣдывалъ и руководилъ помощникъ настоятеля или викарій, носившій поэтому названіе магистра новиціата. Ему помогалъ въ завѣдываніи одинъ изъ братіи, по

назначенію настоятеля, съ именемъ вице-магистра. Новиціи, безъ вѣдома магистра, не могли никуда выходить и ни одному изъ отцевъ дѣлать услуги; самъ настоятель могъ распорядиться новиціемъ лишь съ вѣдома магистра. Новиціи должны были прислуживать при каждой литургіи, и магистръ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели себя при алтарѣ надлежащимъ образомъ; онъ же назначалъ ихъ къ сакристіи (ризницѣ), чтобы въ ней соблюдаемъ былъ всякій порядокъ. Новиціи услуживали также въ столовой, при недостаткѣ хлопцевъ, съ помощію ихъ исполнялось въ ней установленное чтеніе. Одинъ изъ новиціевъ назначался трапезнымъ и съ него взыскивались порчи и убытки по столовой. Въ лѣтнее время новиціи привлекались къ занятіямъ въ огородѣ (но не къ тяжелой работѣ), напримѣръ полотью грядъ, поливанью всходовъ и истребленію червей. Вообще назначеніе ихъ было чисто служебное и нѣсколько страдательное. Ни на какое дѣйствительное подготовленіе ихъ къ монашеству указаній не находимъ въ постановленіяхъ о нихъ [1]).

Матеріальныя средства возвращенныхъ Россіи базиліанскихъ монастырей были въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1824 году варшавскій монастырь и онуфріевское при немъ братство имѣли ежегоднаго доходу 2825 злотыхъ и 6 грошей, люблинскій 1565 злотыхъ, бѣльскій 5574 злотыхъ и 12 грошей и замостьскій 2490 злотыхъ, кромѣ земельныхъ участковъ и зданій, занимаемыхъ самими монахами [2]). Въ послѣдствіи времени фундушевыя суммы базиліанскихъ монастырей взяты были въ государственный польскій банкъ, который и выдавалъ монастырямъ съ этихъ суммъ назначенный жертвователями процентъ [3]). Сверхъ того, около 1833 года ксендзъ Кудревичъ пожертвовалъ на холмскую епархіальную семинарію 1000 злотыхъ и на монастыри холмскій, замостьскій и люблинскій по 1000 злотыхъ [4]).

---

[1]) Распоряженіе провинціала 1/13 марта, 1842 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Wykaz prosty wszystkich summ klasztorow warszawskiego, lubelskiego, bialskiego y zamoyskiego, 1824 г., тамъ же.

[3]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 г., тамъ же.

[4]) Актъ холмской капитулы 1833 г., тамъ же.

На эти средства содержалось въ перечисленныхъ монастыряхъ самое незначительное число монаховъ; да и сами настоятели старались поменьше имѣть подчиненныхъ себѣ монаховъ, чтобы меньше тратиться на нихъ и больше получать самимъ себѣ. Въ 1823 году въ замостьскомъ монастырѣ было только двое монашествующихъ лицъ—игуменъ и его помощникъ, на которыхъ работали по монастырю: парубокъ, двѣ господыни, дѣвка, пастухъ и три хлопца [1]). Въ 1844 году въ люблинскомъ монастырѣ жилъ одинъ только настоятель его Байкевичъ, хотя монастырь могъ содержать и другихъ монаховъ [2]). Визиты или ревизіи монастырей производились очень рѣдко и настоятели монастырей, стоявшіе сами во главѣ провинціальнаго управленія, безконтрольно и безбоязненно распоряжались церковнымъ имуществомъ и, перемѣщаясь въ другіе монастыри, брали съ собой изъ прежняго монастыря то, что̀ хотѣли.

Замостьскій монастырь, коего бумагами мы пользуемся, не представлялъ, конечно, исключенія изъ общаго правила. Весьма мало имѣемъ мы свѣдѣній о внутренней жизни его за это время, но и самая эта жизнь едва-ли представляла что нибудь особенное, протекая однообразно и монотонно въ житейскихъ попеченіяхъ и изрѣдка ознаменовываясь какимъ либо крупнымъ монашескимъ скандаломъ. Опредѣленныя свѣдѣнія по исторіи замостьскаго монастыря за послѣднее время сохранились лишь объ именахъ и времени управленія его настоятелей. Изъ нихъ намъ извѣстны за это время: Германъ Ламбовскій, упоминаемый 1809 года; Самуилъ Громовичъ, упоминаемый 1823 года; Янъ Биллевичъ 1825—1829 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1829—1833 г.; Никаноръ Краевскій 1833—1838 г.; Самуилъ Громовичъ 1838—9 г.; Іосафатъ Байкевичъ 1839—1842 г.; Исидоръ Бандзеревичъ 1842—1847 г.; и Пелагій Ржевусскій, упом. 1855 г. Отмѣтимъ нѣкоторые извѣстные намъ факты изъ времени управленія этихъ настоятелей. Въ 1828 году, при игуменѣ Биллевичѣ, произведена визита или ревизія церкви замостьскаго монастыря, послѣ чего не было ревизіи до 1842 года. Во время насто-

---

[1]) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 года..

[2]) Письмо настоятеля холмскаго монастыря Крашкевича къ провинціалу Биллевичу отъ 20 марта, 1844 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ятельства Громовича, въ 1839 году взятъ былъ провинціаломъ изъ замостьскаго монастыря одинъ колоколъ, безъ вѣдома декана и братства, и переданъ бѣльскому монастырю. Во время настоятельства Байкевича пропало много вещей изъ монастырскаго хозяйства и церковной утвари [1]). При томъ-же Байкевичѣ совершенно почти заброшенъ былъ лабунскій приходъ, завѣдываемый замостьскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе этого провинціалъ Биллевичъ 11 января, 1839 года, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „къ церкви лабунской, по крайней мѣрѣ, черезъ двѣ недѣли въ третью поѣхать, и такъ нужно распорядиться, чтобы тотъ народъ, который ходитъ на богослуженіе въ латинскіе костелы, пріѣздомъ священника въ субботу вечеромъ былъ предувѣдомленъ, что на слѣдующій день богослуженіе будетъ совершаться въ ихъ церкви, согласно съ ихъ исповѣданіемъ“ [2]). Допуская уніатовъ ходить въ католическіе костелы, тотъ-же Байкевичъ позаботился въ 1840 году починить для замостьскаго монастыря старый церковный органъ [3]).

Въ любой католической странѣ подобные бѣдные и ничтожные по численности монаховъ монастыри давно были бы уничтожены въ силу папскихъ постановленій, допускающихъ существованіе такихъ только монастырей, которые имѣютъ фундушъ, достаточный для содержанія восьми, по крайней мѣрѣ, монаховъ, принося притомъ какую либо общественную пользу. Но промежуточное положеніе холмскихъ уніатскихъ монастырей между католичествомъ и православіемъ, между русскимъ владычествомъ и фактивною самостоятельностію царства польскаго, продолжило ихъ предсмертную агонію до конца послѣдняго польскаго повстанія. Всеобщее возвращеніе уніатовъ къ православной церкви въ Литвѣ и на Волыни въ 1839 году не коснулось уніатовъ и базиліанъ бывшаго царства польскаго именно по тому самому, что они числились въ предѣлахъ Польши, закрывались ея фиктивною самостоятельностію

---

[1]) Визита церкви приходской замойской, 1823 года, тамъ же; въ концѣ визиты приписана замѣтка ксендза Шмилевскаго, производившаго ревизію въ 1842 году.

[2]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[3]) Условіе о починкѣ органа, 30 марта, 1840 г., тамъ же.

и не имѣли никакихъ связей съ литовско-русской уніатской епархіей и церковію. Напротивъ, уніаты царства и литовскіе шли своими противоположными дорогами. Тогда какъ въ Литвѣ и на Волыни митрополитъ Лисовскій, луцкій епископъ Кохановичъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко съ ближайшими своими сотрудниками и другіе исподоволь очищали уніатскій обрядъ отъ католическихъ нововведеній и приближали его къ обряду восточной церкви,—уніаты царства польскаго, наоборотъ, все болѣе и болѣе уклонялись въ латинскую сторону и сближались съ римско-католиками, среди которыхъ жили. Это отчасти можно видѣть даже и изъ тѣхъ немногихъ визитъ или ревизій имущества замостьскаго монастыря, какія мы имѣемъ подъ руками. Такъ напр. въ визитахъ 1732 и 1752 года почти исключительно перечисляются принадлежности православнаго богослуженія и книги, изданныя православными во Львовѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и между ними сочиненія Кирилла Транквилліона, Лазаря Барановича и другихъ православныхъ писателей. Но въ визитѣ 1828 года эти книги уже не числятся и вновь являются такіе предметы, какъ напр. конфессіоналъ, боковые олтарики, реликвіаръ, органъ и тому подобныя принадлежности богослуженія въ католическомъ духѣ [1]). Послѣ присоединенія литовскихъ уніатовъ къ православію, провинціалъ базиліанской провинціи въ царствѣ польскомъ Биллевичъ совѣтуетъ только, какъ мы видѣли выше, подчиненнымъ ему монахамъ не заниматься обсужденіемъ политическихъ дѣлъ Россіи, не оскорблять императора и быть ему вѣрными, а замостьскій настоятель Байкевичъ заботится о починкѣ стараго органа для своего монастыря.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе базиліане вообще, а холмскіе и замостьскіе въ частности, уподоблялись во всемъ (отъ помышленій до одежды и языка) польско-католическимъ монахамъ различныхъ наименованій. Все внутреннее убранство ихъ храмовъ, вся внѣшняя сторона ихъ богослуженія напоминали католическіе костелы, и только уцѣлѣвшіе въ Холмѣ и Замостьѣ иконостасы, да славянскій языкъ, книги на которомъ съ трудомъ разбирали базиліане послѣднихъ годовъ, говорили о сродствѣ ихъ съ церковію

1) Визиты эти—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

восточною. Странная историческая роль ихъ была окончена: о повсемѣстномъ нѣкогда въ Холмщинѣ православіи не осталось и преданія; самая унія руками этихъ-же ея представителей, а больше ихъ небрежностію, была въ такой степени подавлена, что изъ трехъ приходовъ, принадлежавшихъ монастырю замостьскому, къ 60-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія не осталось и десятка прихожанъ, а въ окрестностяхъ Холма и самомъ Холмѣ лишь не многія сотни сплошнаго нѣкогда русскаго населенія остались вѣрными уніи, смутно однако понимая отличіе ея отъ царившаго уже всюду католичества. Продолжать дальнѣйшее сліяніе уніатовъ съ католическою церковь было уже прямымъ дѣломъ католическихъ монаховъ и ксендзовъ и оо. базиліанамъ дѣлать было уже совсѣмъ нечего. Они являлись слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ католицизма въ его исключительно интересахъ. Подкапываясь съ ревностію, достойною лучшей участи, подъ православіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ вырыли и для себя ровъ и въ одной ямѣ похоронили и вѣру и народность и свою собственную самостоятельность. Предъ началомъ возстанія и въ самое возстаніе монахи базиліане были самыми ярыми его сторонниками и противниками Россіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ застигъ ихъ Высочайшій указъ 1864 г., которымъ положенъ былъ конецъ жалкому существованію всѣхъ уніатскихъ и множества католическихъ монастырей Царства Польскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, какъ не имѣющихъ опредѣленнаго числа монаховъ. Холмскій монастырь, ставъ только каѳедральнымъ соборомъ, сохранивъ нѣкоторые остатки обширнаго нѣкогда прихода; монастырь замостьскій обращенъ, по прежнему, въ приходскую церковь, но самый приходъ его давно уже сталъ добычею католичества.

Н. Петровъ.

Люди Старой Малороссіи *).

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родоначальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ“ гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батуринъ, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ“ гетмана [1]); это названіе и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ“, которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урядами. Миклашевскій пользовался особеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у котораго генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка и Миклашевскій были главными совѣтниками [2]). Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батуринѣ слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Солонину, кіевскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелецъ (полковой городъ кіевскаго полка) съ приказаніемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батуринъ, чтобы здѣсь дознать отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маетностью: въ декабрѣ 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазирки. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву—разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ-ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

---

*) См. генв. и март. книжки „Кіев. Старины“.

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 643.

[2]) Тамъ-же, 677.

мартѣ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣвскѣ, куда привезли его скованнаго Мокріевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батуринъ [1]). На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ котораго получилъ первый войсковой урядъ—нѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ зосталъ виноватъ урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку нѣжинского, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не маючи чимъ отдати, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ“. Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зная, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маетностями, не скупился раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маетности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Волокитинъ, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунта̀, преимущественно въ Глуховѣ и около. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особеннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была извѣстность въ народѣ; Миклашевскій-же былъ человѣкъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ перваго и сынъ послѣдняго были затьями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по престательству этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большимъ значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышленности въ Малороссіи; стародуб-

---

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригою, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значительнаго количества поселеній „будами“; остались здѣсь и „Рудни“, гдѣ нѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кромѣ того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которыя въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новыя слободы, устраивалъ „буды“, велъ торговлю поташомъ и—богатѣлъ. Такъ дѣлалъ и Миклашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управленіе свое стародубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первыя маетности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ пріобрѣтенныя самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росукѣ и Баблѣ, „соблюдая“ при немъ и „войсковую часть размѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ“. Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій получилъ еще два села: въ іюлѣ—с. Воргонъ, а въ ноябрѣ—с. Попоровку; „доносилъ ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашнихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманского призрѣнія, чтобъ онъ с. Понорова, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, склоняясь на прошеніе его, то село Понорову *изъ своего владѣнія*, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, отдалъ“.

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣлъ до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сомнительной „вѣрности“, указалъ при этомъ снова на Миклашевскаго [1]), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣніе, взведенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какой нибудь „невѣрности“; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубскаго полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишеніемъ полковничьяго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маетностей, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ нажитыя имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любаромъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ“ (палатку) въ 100 талеровъ [1]) и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Стародубщинѣ маетности: „мѣючи зъ ласки нашой гетманской и войсковой за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскомъ, за насъ, гетмана, и антецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ зостаючи урядахъ роненнія (оказанныя), п. Михаилъ Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насъ въ вѣчистую поссесію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденныя, въ полку стародубовскомъ будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Понуровка, Картушинъ, слободка Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣякійсь тамъ трафунокъ (какимъ то случаемъ) страчены зостали, на которыя вновь просилъ насъ онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насъ; теди мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прошеніе — велѣлисмо теперь вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ“.

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какой нибудь цѣнный подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи—Михаилъ и Антонъ, оба генеральные урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говоритъ, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

---

[1]) Объ этомъ подаркѣ разсказывала вдова Миклашевскаго, Швейковская.

вилъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмя стами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Разсчитывалъ-ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подъ часъ утрени, зрадецко (измѣннически) шведы напавши, забили, которые шведы передъ тѣмъ у мнишокъ (монахинь) лядскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; также и Андрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонѣ забрали" [1]).

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковская, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири -- вдова гетманича Якова Самойловича [2]); отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться—пока везли тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ—о томъ, чтобы скрыть часть мужниначо богатства отъ пасынковъ. „Покоевая" (горничная) Миклашевской разсказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семіоновая" (вдова гетманича Семіона Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домѣ Миклашевскаго за печью; а потомъ въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестяную фляшку, запертую замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скринѣ, въ камяницѣ". Въ другой разъ изъ той-же „скрини" (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій—оставила въ жестянкѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впослѣдствіи.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ—„поклониться" и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія". При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

[2]) Бантышъ—Кам. III, примѣч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, III, 113.

рокъ „креденсъ срѣбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщалъ осиротѣлой семьѣ милость, а вдовѣ далъ универсалъ на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскгго, Анну Швайковсковну, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣлъ прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманского универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсъ“, успѣла выпросить этотъ универсалъ только не на семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися деньгами и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маетностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ былъ малолѣтній и раздѣлъ, по Литовскому Статуту, долженъ былъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маетности“ Миклашевскій нажилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскія имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголъ, Заяирки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣевку; слободы и хутора: Доротовку, Колошиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменныя Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала ими городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничьему, Каменка—сотничьему уряду Новгородсѣверска и Понуровка—гетманскому. Селъ этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Къ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотнѣ, уже собственною властью. Кромѣ селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истровка, Приваловка, Верхній Млинокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣевку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнъ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала временно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ“, т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельнаго совершенія юридическихъ сдѣлокъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Бѣлый Колодезь, Истровка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголъ, Зазирки, Кочерги, Дорошовка, Колошиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвовку и Каменку, которыя у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвовка—Меншиковымъ, а Каменка—Лукьяномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьянки, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонка. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершеніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маетностямъ“ и, сколько могли, увеличивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1739 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будучихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и протчіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означеннымъ сынамъ нашимъ съ будучими при нихъ людми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двома хлопцами, имѣючимися при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондратомъ Мироновичемъ съ четырма расколничой слободы Лужка емщиками—ради свободного проѣзду, просимъ дать пашпортъ“ [1]). Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщаніе, пи-

---

[1]) Арх. генер. канцел., № 182.

санное въ 1750 г., которымъ онъ, назначивъ женѣ часть имѣній, остальныя подѣлилъ между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будутъ объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявленіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными на нихъ частьми, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерть ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться и ничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо запрещаю. Сего моего тестамента никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу и большъ съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оные сыны мои безъ сочетанія брачнаго осталися; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталъ, по три казана (винокуренные котлы) далъ и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабдѣвалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мое повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оные да будутъ вовсе прокляты“.

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женился онъ на какой-то Евдокіи Васильевнѣ и 15 декабря 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гилянь“. Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три братья Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., онъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена“. Вотъ что послалъ онъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилянскій; въ томъ числѣ и я былъ высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, свалявшися съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ея въ домъ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради таковаго жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришелъ извѣстіе, билъ челомъ архіерею нашему черниговскому Иродіону Жураковскому, прося рѣщенія—съ женою моею разлучитись, а на другой женитись; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повинилась". Въ заключеніе Миклашевскій просилъ синодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Ѳеофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писаря Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича былъ отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія былъ замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Теплова. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведенный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій*, „дворянинъ" Многогрѣшнаго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральный 1685 г., полковникъ стародубскій 1690†1706 г. Жена 1-я—*дочь* Данила Семеновича

Рубана, сотника глуховскаго, 2-я—*Анна Владиміровна Швейковская*, вдова Якова Самойловича.

2. *Андрей*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна *Марина Юрьевна Четвертинская*, 2-я *вдова* Андрея *Жураковскаго*. 1
3. *Степанъ*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена *Ирина Марковна*, дочь Марка Аврамовича, „арендара" пирятинскаго. . 1
4. Дочь. Мужъ *Степанъ Спиридоновичъ Шарай* . . . 1
5. *Прасковья*. Мужъ *Андрей Ефимовичъ Лизогубъ*.
6. *Настасья*. Мужъ 1) *Андрей Андреевичъ Гамалья*; 2) *Петръ Корецкій*, бунчук. товар. 1728 г. 1
7. *Анна* † 1730 г. Мужъ *Иванъ Кондратьевъ*, полковникъ сумской 1
8. *Иванъ*, бунчук. товар. 1725†1740 г. Ж. *Евдокія Васильевна* 1
9. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. 2
10. *Михаилъ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. . . . 2
11. *Иванъ*, канцеляристъ войсков. 1754 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1783 г. Жена *Агафья Егоровна Теплова*, вдова Кирилла Лобысевича, судьи полков. стародубскаго. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п. 2
12. *Настасья*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ Борозднa*, бунчужный генеральный 1762 г. 2
13. *Елена*. Мужъ *Михаилъ Танскій*, полковн. кіевскій 1731 г. 2
14. *Иванъ*, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена *Софья Андреевна Полуботокъ*. Имѣніе—с. Зазирки 3
15. *Петръ*. Имѣніе—с. Волокитинъ 3
16. *Антонъ*. Имѣніе—с. Ворголъ и д. Колошиновка . . 3
17. *Михаилъ*. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорошовка 3
18. *Марья*. Мужъ *Василій Андреевичъ Гудовичъ* † 1764 г. . 3
19. *Павелъ*, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г. . . 8
20. *Петръ*, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова . . 11
21. Андрей, р. 1763 г. 11
22. Егоръ, р. 1768 г. 11
23. Иванъ, р. 1772 г. 11
24. *Настасья*. Мужъ *Михаилъ Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 11
25. *Михаилъ*, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ

малороссійскій 1797 г.; тайный совѣтникъ и сенаторъ; † 1847 г. Жена *Настасья Яковлевна Бакуринская.* . 19

26. *Прасковья.* Мужъ *Григорій Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 19

27. Дочь. М. *Владиміръ Васильевичъ Велинскій*, войск. товар. 1783 г. .

---

4. СВѢЧКИ.

Родоначальника Свѣчекъ, Леонтія Назаровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есауломъ лубенскаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтію Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переяславскій полковникъ Леонтій Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курыченко атаманъ городовой, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры зо всѣми мѣщанами пирятинскими гди пришлисмо съ поклономъ до его мил. п. Леонтія Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости п. полковникови за его добродѣйство, пжъ правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтіемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстоялъ степъ ажъ изъ Сухою Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботокъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отъѣхать до полку переяславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степъ для кошеня сѣна; онъ теди п. Леонтій Свѣчка полковникъ, не хотячи себѣ дармо ничего взяти у посессію свою, далъ двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломійцы «ажъ у вершинѣ самой Оржици Сухой съ принадлежащими

къ ней пологами [1]), ажъ до яру кущченнаго Кононовскаго, который тягнетъ надъ самую Шелезавку и за селище Малютинское, на которомъ селищѣ вольно его милости п. полковнику Леонтію Свѣчцѣ осадити людей, яко на своемъ власномъ, купленномъ грунтѣ."—По этому акту Свѣчка за двѣсти талеровъ пріобрѣталъ десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы, въ предѣлахъ теперешняго пирятинскаго уѣзда, которыя, какъ видно, тогда были почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже раньше получилъ отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая, два села: Давыдовку и Деймановку и два хутора—Коломійцы и Коровай; выхлопотавъ на эти маетности царскую грамоту въ 1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею властью, Свѣчка поселилъ на этихъ земляхъ села и деревни—Малютинцы, Городище, Караваи, Каевку и нѣсколько хуторовъ. Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища". Когда въ 1696 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтву, гетманъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлось самому выходить изъ Лубенъ на поиски противъ татаръ и онъ доносилъ гетману объ „оборотахъ" непріятеля „по чужимъ повѣстямъ". Мазепа, укоряя Свѣчку за его не „рыцарское" поведеніе, сдѣлалъ слѣдующую приписку въ своемъ листѣ: „Знати, же велыка ваша милость памятаешь евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешъ, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша. Домышляемся мы, же много ваша милость животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увязуешъ такъ моцно, же не хочется вашей милости и на, ку обороне отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки) передъ нами въ той мѣрѣ вынаходишъ; а такъ мы вашей милости упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ до Лубянъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено [2]).

Леонтій Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же году завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью)

---

[1]) „Пологами" въ полтавской губ. называются низкія побережья, которыя въ черниговской губ. называется „оболоньями".

[2]) Акты Западн. Росс., V, 278.

обдареннiй и видячи себе ближшимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытiя.“ По этому завѣщанiю, Свѣчка недвижимое свое имѣнiе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василiемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми лѣсами, гаями, ставками и лозами, ажъ внизъ Корнѣевки,“ „людей въ Корнѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ“ и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженнiе“ и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженныхъ“ и село Деймановку. Наконецъ невыданнымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ“ и женѣ Домникiи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтвержена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтiя Свѣчки; о младшемъ сынѣ умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маетности онъ не имѣетъ права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Короваи перешелъ, согласно завѣщанiю, къ Лукьяну Свѣчкѣ.— Леонтiй Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновiя, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протопопа Якова Филиповича; вторую— Анну выдала замужъ уже вдова Леонтiя Свѣчки за Григорiя Корнѣевича, отъ котораго пошли теперешнiе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василiй и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ лубенскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу и сосѣднiй Свѣчковскiй хуторъ Коровак, которымъ въ это время владѣлъ Лукьянъ Свѣчка. Разными давленiями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Коровак: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Коровак, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строенiями и съ осѣдлостью людей, якiе тамъ поселились“. Впослѣдствiи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденiемъ чего служитъ то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ прiѣхалъ въ Малороссiю про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насиліяхъ старшины, то Марковичи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьяна Свѣчки [1]).

По смерти Василія Леонтьевича Свѣчки, наслѣдство его подѣлено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, видно изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ писалъ въ 1732 г., къ генеральному хорунжему Горленку, посланному въ прилуцкій полкъ для разбора козачьихъ жалобъ на притѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю, пане хорунжій енералній. Пишешъ вить въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с. Антоновки), которыхъ бунчуковый товарищъ Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство неналежне и не малыя имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И по разсмотрѣніи вить довелось, дабы означенные козаки, по силѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредь п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (никакихъ) имъ не чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вить ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу, по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чемъ требуешъ вить отъ насъ резолюцію, якъ-бы съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: понеже онъ п. Свѣчка неслушне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и статки у нихъ, не належне позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли вить отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько бы моіъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчцѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ; а означенные Антонов-

[1]) Внуки Лукьяна Свѣчки—Яковъ Гамалѣя (отецъ извѣстнаго медика Платона Гамалѣя) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ коммисію для сочиненія Генеральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ не вѣдомо зачто на дѣда нашего Лукьяна Свѣчку недоброходство занявши, нѣкоторыя села отняли“. Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ“ Якова Марковича находится нѣсколько указаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловаться Румянцову *за отнятіе* Короваевъ Андреемъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяглости, чтобъ были до козацкого причтены компуту" [1]).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка увеличивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство", такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ купленная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ, за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломійцовъ"; изъ этой „стѣнки" Свѣчка, разными прихватами сосѣднихъ земель, образовалъ большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его перешло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василія видно изъ того, что у его правнука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе 4000 крестьянъ [2]).

Младшій братъ Василія, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; оставшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было село Мажтинцы, унаслѣдовали зятья его—Яковъ Гамалѣй и Андрей Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767 году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ, которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть село Малютинцы не по праву, а насиліемъ. „Село Малютинцы," писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ козачая осѣдлость и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей власти находясь и усмотря къ пользѣ своей угодное мѣсто—Малютинскую осѣдлость и втиснувшись самовластно межъ Малютинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Малютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка владѣлъ и до нынѣшняго времени, наслѣдники его бунчуковый товарищъ Яковъ Гамалѣя да значковый товарищъ Андрей Вакуловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свободнымъ неналежне владѣючи, привели насъ къ крайнему утѣсненію, предковскія наши земли козачія смѣсивши къ своимъ неналежне, владѣютъ усиловне, а насъ изъ спокойнаго владѣнія выбиваютъ самовластно.—Крѣпость ихъ, которую они представля-

---

[1]) Арх. Генер. Канцел.

[2]) Въ с. Городищѣ—1065, Короваяхъ—513, Селекахъ—430, Карпѣевкѣ—801, Петровкѣ—671, Каевкѣ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ютъ (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и тая крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-за рѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да коллежскаго совѣтника Теплова; а къ сей землѣ, которая въ осѣдлости малютинской издревне состоитъ, козачьяго владѣнія, никакой силы тая ихъ крѣпость не имѣетъ". Изъ этой жалобы между прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселилъ здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.

КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ,

ЕГО ДУМЫ И ПѢСНИ.

Всякое явленіе, въ которомъ такъ или иначе выражается жизнь народа, хотя-бы условія жизни съ теченіемъ времени измѣнились и причины, вызывавшія это явленіе, перестали существовать, служитъ признакомъ движенія жизни народной и уже вслѣдствіе того, что это явленіе существовало, оно принадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ проявленій народной нашей жизни, сохраняющихъ несомнѣнное историческое значеніе, относятся изустные памятники народной поэзіи, которыя по важности своей могутъ стать на ряду съ лѣтописными сказаніями и другими письменными источниками нашей исторіи.

Югъ Россіи, благодаря своимъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, представлялъ особенно плодородную почву для возникновенія и распространенія различныхъ, совершенно своеобразныхъ произведеній музы народной. Изъ этихъ памятниковъ можно было-бы составить своего рода поэтическую исторію общественныхъ явленій въ жизни южной Россіи, обрисовывающихъ прошлую политическую и обыденную жизнь народа съ его завѣтными идеалами, побужденіями и стремленіями, знать которые такъ важно для характеристики эстетической, бытовой и соціальной его физіономіи. Поэтому естественно, что на малорусскія народныя пѣсни давно уже обращено вниманіе,—давно уже стали собирать и записывать эти драгоцѣнные памятники и давно уже, рядомъ съ художественными достоинствами пѣсенъ лирическихъ, высоко ставится историческій характеръ многихъ думъ и пѣсенъ. Отсюда цѣлый рядъ

сборниковъ, представляющихъ памятники поэзіи малорусскаго народа [1]). Пересматривая эти сборники, невольно задаешься вопросомъ: кто-же былъ творцомъ этого громаднаго количества записанныхъ уже изъ устъ народа пѣсенъ, въ числѣ которыхъ не мало есть и думъ? Виновники этого богатства намъ неизвѣстны, какъ неизвѣстно количество тѣхъ думъ, которыя вращаются еще въ народѣ, но намъ не извѣстны, равно и число тѣхъ, которыя въ памяти пѣвцовъ были стерты всепоглощающимъ временемъ, не бывъ своевременно записаны. Назвать по имени творцовъ этихъ пѣсенъ не возможно; ихъ имя— народъ, или, вѣрнѣе, тѣ идеалы общественной жизни того или другаго времени, которые вдохновляли нѣкоторыхъ избранниковъ влагать въ слово и тонъ пѣсни мысли и чувства, мечты и желанія всего народа,—вообще воспринимаемыя народомъ впечатлѣнія и переживаемыя имъ событія. Иное дѣло—хранители такихъ народныхъ произведеній, извѣстные издавна подъ именемъ *кобзарей:* ихъ народъ всегда зналъ, и чтилъ, и отличалъ своимъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, они и доселѣ живутъ въ народѣ; но число ихъ годъ отъ году рѣдѣетъ и хранимый ими поэтическо - историческій матеріалъ время отъ времени забывается, измѣняется или совсѣмъ утрачивается. Для науки важно сохранить всякую крупицу подобнаго матеріала, сохранить память о каждомъ такомъ пѣвцѣ, равно и о томъ, что онъ поетъ.

Мы имѣли случай недавно видѣть и слышать одного изъ такихъ пѣвцовъ — Остапа Вересая, пріобрѣвшаго не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ значительную извѣстность, и хотимъ подѣлиться съ читателями какъ біографическими о немъ свѣдѣніями, такъ и свѣдѣніями о томъ историческомъ матеріалѣ, хранителемъ котораго онъ служитъ и который мы имѣли случай лично провѣрить.

---

[1]) Сборники: Цертелева (1819 г.), Максимовича (1827, 1834, 1849 г.), Срезневскаго (1833—38 г.), Лукашевича (1836 г.), Зѣнькевича (1850 г.). Метлинскаго (1854 г.), Мордовцева (1859 г.), Костомарова (1859 г.), Лисенка и Русова (1873 г.), Антоновича и Драгоманова (1874—75 г.) и др. въ Россіи и Вацлава зъ Олеска (1833 г.), Жеготы Паули (1839—40 г.), Шашкевича 1837 г.), Головацкаго (1863—72 г.), и др. въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи.

Остапъ Вересай (по уличному—Лабза) родился 1803—1805 года въ с. Калюжинцахъ, прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Микита былъ слѣпой нищій, игрой на скрипкѣ зарабатывавшій себѣ хлѣбъ, причемъ имѣлъ хату и кусокъ поля. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году отъ роду, какъ онъ разсказываетъ, „зъ пристріту“ или отъ дурнаго глазу. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть къ игрѣ на бандурѣ и пѣнію; „якъ було кобзарь прыйде у хату до мого батька“, говоритъ онъ, „та стане грать и співать, то я стою коло ёго и самъ не знаю, чи ёму-бъ у пазуху улізъ, чи ёго до себе у пазуху взявъ“! Отецъ отдалъ Остапа въ ученіе къ кобзарю Микитѣ изъ Кладьковки надъ Десною, проживавшему тогда въ с. Береживкѣ. По сложившемуся у кобзарей обычаю, ученикъ ничего не платитъ, да и не можетъ платить за ученіе своему маэстро (по мѣстному—„майстру“); даже одежду даетъ ему учитель, но за-то все, что̀ только выручитъ уже обученный чему-нибудь ученикъ, идетъ въ пользу учителя. Ученіе продолжается примѣрно 3 года; въ теченіе этого срока ученикъ во всемъ повинуется своему учителю и за великій грѣхъ считаетъ обмануть или обидѣть его дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ. Если случалось, что ученикъ убѣгалъ отъ учителя или этотъ послѣдній самъ прогонялъ его, то другой кобзарь-учитель, къ которому бѣглецъ пристанетъ, не бралъ во вниманіе времени, проведеннаго въ ученіи прежде, и у этого новаго „майстра“ ученикъ долженъ пробыть полныхъ три года. Остапъ Вересай тоже перемѣнилъ нѣсколькихъ учителей, отъ которыхъ онъ уходилъ потому, что тѣ были или пьяницы, или очень строги, или-же ничему не учили. У Микиты онъ былъ только недѣлю, въ теченіе которой его „майстеръ“ пьянствовалъ безъ просыпу. Такъ какъ Остапъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то мать его сильно безъ него скучала и настояла на томъ, что отецъ взялъ его обратно домой. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ домѣ отца, который, хотя и умѣлъ играть на скрипкѣ, не могъ удовлетворить стремленія сына къ бандурѣ, Остапъ отправился въ Ромны, гдѣ на ярмаркѣ нашелъ себѣ учителя-кобзаря андріашевскаго Ефима, съ которымъ не мало свѣту исходилъ: въ теченіе шести недѣль они побывали въ Лубнахъ, Голтвѣ, Демидовкѣ, подъ Кременчугомъ, въ Хоролѣ и Лохвицѣ. За смертью Ефима, Остапъ, уже

пятнадцати-лѣтній юноша, присталъ въ тѣхъ-же Ромнахъ къ кобзарю Семену Кошовому изъ села Голінки. Отъ этого кобзаря онъ перенялъ искусство игры на бандурѣ, но крутой нравъ учителя заставилъ Остапа уйти и отъ него. Вскорѣ однако самъ Кошовой зашелъ за Остапомъ и взялъ его обратно къ себѣ, договорившись съ отцомъ, что курсъ обученія долженъ окончиться въ 35 недѣль; въ дѣйствительности-же Остапъ былъ у него только четыре мѣсяца, такъ какъ по причинѣ сильной лихорадки онъ былъ отправленъ домой. Когда-же послѣ выздоровленія Остапъ опять пришелъ къ Семену, говоря: „прийміть мене, панъ-отче, та доведіть до ума!", учитель ему отвѣтилъ: „йди и грай, а то й самъ учи, кого хочешь"! Это обстоятельство показываетъ, что нашъ кобзарь былъ недюжинныхъ дарованій, такъ какъ онъ не только не пробылъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ у какого-нибудь изъ его учителей, но и все время его обученія всѣми тремя его „майстрами" не составитъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ.

Этимъ оканчивается исторія обученія Остапа Вересая. Далѣе слѣдуетъ самостоятельная его жизнь, когда онъ перенимаетъ отъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ—пѣвцовъ новыя пѣсни и думы. Изъ кобзарей, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу Вересая, былъ Федоръ Трюшъ, часто посѣщавшій домъ его отца[1]). Пробовалъ Вересай оставить себѣ пріемника и имѣлъ пять учениковъ: Василя Бублика, Тараса изъ Никоновки, Ярохтея изъ Берёзовки, Антона

[1]) Здѣсь считаемъ не лишнимъ привесть списокъ тѣхъ извѣстныхъ бандуристовъ, которые или уже умерли, или-же остаются еще въ живыхъ. Черниговской губ. сосницкаго уѣзда, въ м. Александровкѣ—Андрій Шутъ, въ м. Менѣ—Андрій Бешко, въ г. Сосницѣ—Алексій Ракъ; борзенскаго уѣзда, въ с. Брытанахъ—Иванъ Романенко; нѣжинскаго у. въ с. Терешовкѣ—Павло Братица (долженъ имѣть лѣтъ 57, учился у Бешки), въ с. Макіевкѣ—Прокопъ Дубъ (35 лѣтъ, учился у Овсія Сліпого изъ Шняковицы того-же уѣзда); стародубскаго уѣзда въ Семяновкѣ—Антонъ, въ Спасскомъ—Павелъ Козелъ. Полтавской губ., прилуцкаго уѣзда, въ с. Сокиринцахъ—Остапъ Вересай; лубенскаго уѣзда въ м. Оржицѣ—Архипъ Никоненко; роменскаго уѣзда въ с. Бубнахъ—Трихонъ; пирятинскаго уѣзда въ с. Крячковкѣ—Федоръ Алексѣевъ, въ Вечіркахъ—Антонъ; гадяцкаго уѣзда въ с. Розбишевкѣ—Федоръ Саковенко и Иванъ Лиходиръ. Харьковской губ. въ г. Харьковѣ—Гарбузъ; богодуховскаго уѣзда въ Ольшакѣ—Левко и Петро Колибабы, въ Красномъ Кутѣ—Рыгоренко; ахтырскаго уѣзда въ Тростинцѣ—Залавскій.

Негрія изъ Каюжинецъ и Данила „Анголя“ изъ Береживки; но ему какъ-то не счастливилось: всѣ ученики рано умирали. Особенно пріятное для него воспоминаніе оставилъ послѣ себя послѣдній его ученикъ, „Анголь“ Данило. „Той якъ сынъ добрый бувъ, тільки-жъ не шанувався. Бувало кажу ему: чого тобі, Данило, на оти прокляты досвітки, на праздники та на попразѐни ходить? Ни, не слухавъ. Якъ пиду часомъ мижъ челядь грати на ти досвітки, або празникъ, то тільки то й славы, що горілка; я вже це знаю. Не слухавсь Донило, пишовъ мижъ челядь—за великимъ ганявся, та й вбили его“.

Изъ дальнѣйшей жизни нашего кобзаря интересны его сватанье и женитьбы. Спустя четыре года послѣ окончанія курса ученія, Вересай сталъ свататься. Къ одной дворовой дѣвкѣ онъ цѣлый годъ ходилъ верстъ за 50 въ с. Рудовку, но та изъ подъ вѣнца ушла изъ церкви. Съ другой дѣло пошло лучше, но священникъ запросилъ шесть рублей за вѣнчаніе, что было „не по-цінно“ для нищаго-кобзаря. Наконецъ, на третьей онъ женился; имѣлъ отъ нея дочь Мотрю, которую и выдалъ замужъ за плотника Аврама. Зять оказался пьяницей и буяномъ и, пользуясь благосклонностью при панскомъ дворѣ, причинялъ овдовѣвшему тогда тестю всевозможныя обиды и непріятности, такъ что Вересай, боясь быть посаженнымъ „на быка“ (особый инструментъ, въ родѣ неподвижныхъ кандаловъ), принужденъ былъ бѣжать изъ родного села, изъ собственной хаты. Во время своихъ скитаній онъ зашелъ въ с. Сокиринцы, прилуцкаго уѣзда, имѣніе Г. П. Галагана. Здѣсь привлекала его вдова Priська, которую онъ зналъ еще дѣвицею. Сватаніе на ней продолжалось 7 лѣтъ. Бывало прійдетъ нашъ кобзарь къ ней, станетъ подъ окошкомъ и начнетъ играть на бандурѣ. „Не ходи ты до мене“, кричитъ вдова, „—соромъ мені одъ людей! йди къ чортовому батькові!“ На это Остапъ отвѣчаетъ: „не жени (гони) ты мене, матери твоій бісъ! йди за мене за-міжъ!“ и самъ плачетъ, и она плачетъ. „Одружила мене изъ цимъ дідомъ его бандура: якъ прийде мене сватати, то й выжену; а якъ заграе на бандуру, то й заверну!“—вспоминаетъ теперь его жена.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, полякующій нынѣ П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью розыскать въ народѣ преданія о козацкой старинѣ, нашелъ Остапа

Вересая и потомъ, проживая въ Петербургѣ, долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ, причемъ разъ прислалъ ему денегъ на поминъ души Т. Г. Шевченка. Объ этомъ Вересай такъ разсказываетъ. „Прислав Кулішъ мені пять рублівъ грошей на помінки по Тарасові, стильки-жъ и Шу́ту Андріеви. Коли Шу́ту Андрію дошли гроши, а Шу́та Андрія у світі немае; то ти гроши, пише Кулішъ, „на—тобі, Остапе! нашлась така добра людина, що поминае Тараса, й оце дала тобі грошей". А я записавъ у граматку й Шу́та Андрія: такъ обохъ и поминаю". О Шевченкѣ Вересай отзывается такъ: „була голова—оцей Тарасъ, та мабуть вже такои не буде! Богъ зародивъ... може вона й мала̀ була, я не бачивъ, але-жъ розумна! У насъ мабуть и не буде вже такои; може Богъ кому другому дасть, а намъ вже ни!"

Другой этнографъ-художникъ Жемчужниковъ, сидя за мольбертомъ, чистосердечно плакалъ, слушая распѣваемыя Остапомъ думы и пѣсни.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія, дѣйствительный членъ географическаго общества П. П. Чубинскій записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ Остапа Вересая, а въ 1873 году Н. В. Лисенко и А. А. Русовъ, по порученію юго-западнаго отдѣла этого общества, занялись изученіемъ репертуара этого кобзаря и записали отъ него 6 думъ, 11 пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія и 5 сатирическихъ пѣсенъ [1]). Въ томъ-же году, 28 сентября, Вересай пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ думъ и пѣсенъ въ экстренномъ собраніи юго-западнаго отдѣла географическаго общества въ Кіевѣ. Полтора года спустя, извѣстный статистикъ и этнографъ, В. С. Козловъ, взялъ съ собою Вересая въ Петербургъ. Орестъ Миллеръ, читавшій въ то время великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ курсъ словесности, какъ разъ подошелъ въ эту пору къ изложенію памят-

---

[1]) I) Думы: 1) Про бурю на чорному морі, 2) Якъ три брати зъ Озова втикали, 3) Про вдову й трёхъ сынивъ, 4) Отчимъ, 5) Невольницка и 6) Про Хведора Безрідного. II) Пѣсни «поважливи»: 1) Про правду, 2) Пісня, що по нещастю живучи на світі співають, 3) Про страшный судъ (Михайлови псальма), 4) Блудящій сынъ, 5) До-часнёго живого чоловіка, 6) О мукахъ Христа, 7) Великій мій жалю!, 8) Миколай, 9) Про страшный судъ, 10) Розставання души зъ тіломъ и 11) Пустельныкъ и Пятниця. III) Сатирическія пѣсни: 1) Щиголь (пташине весилля), 2) Дворянка, 3) Хома та Ярема, 4) Кисіль и 5) Бугай.

никовъ малорусской народной поэзіи; чтобы иллюстрировать эти лекціи, онъ просилъ г. Козлова привести во дворецъ кобзаря, гдѣ этотъ послѣдній пропѣлъ нѣсколько думъ и пѣсенъ, за что получилъ отъ ихъ высочествъ серебряную табакерку, съ надписью:

Кобзарю Остапу Вересаю
отъ великихъ князей
Сергѣя и Павла Александровичей.
Марта 4-го 1875 г.

Кромѣ того Вересай пѣлъ въ засѣданіи императорскаго географическаго общества, въ археологическомъ и другихъ ученыхъ обществахъ, въ концертѣ, устроенномъ въ залѣ прикащичьяго клуба, а также въ концертѣ, устроенномъ въ зданіи Соляного Городка, съ туманными картинами къ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, исполненными художникомъ Мартыновичемъ. Поѣздка въ Петербургъ значительно поправила матеріальныя обстоятельства нищаго кобзаря, такъ что послѣ возвращенія на родину онъ построилъ себѣ новую просторную хату, въ которой и до сихъ поръ живетъ со своей немалочисленной семьей. Семья этого 77-лѣтняго старика состоитъ въ настоящее время изъ 15 душъ и вся живетъ однимъ домомъ. У жены его Приськи было двое дѣтей; теперь они уже оба семейные: у женатаго сына (37 лѣтъ) 5 дѣтей (4 мальчика и 1 дѣвочка), а у дочери (42 лѣтъ)—двое дѣтей (калѣка сынъ 18 лѣтъ и дочь 15 лѣтъ). Подслѣповатый пасынокъ Вересая, овдовѣвшій прошлою осенью, женился вторично тоже на вдовѣ съ тремя дѣтьми; слѣпая-же падчерица Остапа за-мужемъ за слѣпымъ-же лирникомъ, но тотъ уже нѣсколько лѣтъ разошелся съ женой и только изрѣдка навѣщаетъ домъ этой замѣчательной семьи, состоящей изъ стариковъ, калѣкъ и малолѣтокъ.

Вь послѣднія два пребыванія Остапа Вересая въ Кіевѣ, осенью прошлаго года и весною настоящаго, нами записаны изъ устъ его три новыя думы и нѣсколько пѣсенъ религіозно-нравственнаго и сатирическаго содержанія, а также варіанты почти всѣхъ думъ и пѣсенъ, записанныхъ девять лѣтъ тому назадъ гг. Лисенкомъ и Русовымъ отъ того-же кобзаря. Изъ не вошедшихъ въ сборникъ, помѣщенный этими послѣдними въ т. I за 1873 г. Записокъ юго-западнаго отдѣла имп. рус. геогр. общества, нами записаны те-

перь думы: 1) *Невольницька, про каторгу бесурмлянську,* 2) *Про сестру й брата* и 3) *Про Йвася Коновченка*, а также пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія: 1) *Годі вамъ шуміти, зеленыи луги!* и 2) *Якъ трудно во гріхахъ умирати*, и сатирическія: 1) *Старый зъ молодою* (простацька) и 2) *Міщаночка*. Такимъ образомъ извѣстный въ настоящее время репертуаръ Остапа Вересая состоитъ изъ 9 думъ, 13 религіозно-нравственныхъ и 7 сатирическихъ пѣсенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ еще не изчерпывается все то количество пѣсенъ и думъ, которыя Вересай поетъ и пѣлъ прежде. Не нужно забывать, что бандуристы перенимаютъ и перенимали какъ историческія, такъ и другія пѣсни по традиціи—путемъ простого запоминанія слышаннаго отъ другихъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ-пѣвцовъ; само собою разумѣется, память иногда измѣняетъ имъ: въ данную минуту они поютъ однѣ пѣсни и думы, а въ другое время—другія, или варіанты первыхъ. Все это имѣетъ значеніе для исторіи народной словесности, а потому, какъ ни скуденъ матеріалъ, добытый нами на этотъ разъ отъ кобзаря, мы подѣлимся имъ съ читателями, сличая записанные нами памятники народнаго творчества съ обнародованными прежде.

I.

Дума неволницька[1]

(ПРО КАТОРГУ БЕСУРМЛЯНСЬКУ)[2].

У святую неділю то-то́ не сизыи орлы клекота́ли,
То бідніи неволники у тяжкій неволи горко заплакали:
Залізо-кайданы брязчали,

[1]) Эта невольницкая дума совершенно не похожа на ту, которую записали отъ Вересая гг. Лисенко и Русовъ; она представляетъ варіантъ думы, помѣщенной въ сборникѣ Максимовича за 1849 г. на 10 стр. и у Кулиша въ Запискахъ о Южной Руси, т. I, стр. 42, съ которой и будемъ сравнивать, отмѣчая болѣе выдающіяся отличія, не указывая на менѣе важныя.

[2]) Каторга—по турецки *kadriga*, т. е. галера съ 24—26 скамьями для гребцовъ, по 3—4 человѣка на каждой скамьѣ. Невольники приковывались къ скамьямъ и въ такомъ положеніи отправляли тяжелую работу гребцовъ.

А вони собі у гору руки знимали [1]),
Та Господа милосердного прохали-благали:
„Дай намъ, Господи, дрибенъ дощикъ изъ неба,
А буйный вітеръ изъ низу,
То чи не буде на Чорному морі сильна́ хвыля вставати,
Та чи не буде изъ каторги турецькои якорівъ изрывати;
Бо тая каторга турецькая—такъ намъ доіла, такъ намъ доіла [2]),
Залізо-кайданы ноги пообрывало,
Козацькее-молодецькее тіло до костей постирало“.
Колы баша турецькій,
Недо̀вірокъ християнській,
Вже по рынку похожае,
Та на свои турки зо̀ зла гукае:
„Турки-нечари, кажу я вамъ: добре дбайте,
По три пучки тернины у руки та́велги червонои набирайте,
Одъ ряду до ряду захождайте,
Та по три рази въ одно місто неволника затинайте!“ [3])
То турки-нечари добре дбали,
По три пучки терновыхъ у руки червонои та́велги набирали,
Одъ ряду до ряду захождали,
Та по три рази въ одно місто бідного неволника затинали,
До костей козацькее тіло молодецькее оббивали,
Кровь християнську неповинно проливали.
То якъ стали бідныи неволники на собі кровь зобачати,
Стали турка клясти—проклинати:
„Ой, ты, турокъ проклятый, віро бесурмянська,
Розлуко християнська!
Ты не одного сына изъ отцемъ и зъ матерью розлучила,
И брата зъ сестрою,
И мужа зъ женою,
Това́риша изъ това́ришемъ;

---

[1]) Послѣдніе 2 стиха у Кулиша составляютъ одинъ стихъ:

У гору руки пидіймали, кайданами забрязчали.

[2]) Доіла—допекла. На этомъ повтореніи кобзарь дѣлаетъ удареніе; этого нѣтъ въ думѣ, съ которою сличаемъ; причемъ тамъ 4 предпослѣдніе стиха оканчиваются существительными (дощикъ, вітеръ, хвыля, зъ... каторги), что̀ не типично для думы.

[3]) Въ думѣ Кулиша: Бідного невольника по-тричі въ одним місці затикайте!

Бідному неволнику ніќоли й спокою немае [1]).
Вызволь насъ, Господи, изъ тяжкои неволи
Та на тихіи воды,
И на ясныи зори,
Та у край веселый,
Междо міръ хрещеный,
У городы́ христіянськи!"
Дай, Боже, люду царському,
На́роду христіянському
На здоровья й на многіи літа
До ко́нця віка! [2])

II.

Дума про сестру й брата [3]).

Ой у неділю та барзо рано-пораненьку
То-то не сивая зозуля у саду кувала
И не дробная птиця у лісі щебетала [4]),
То сестра до брата изъ чужои далекои стороны листы писала.
Да поклінъ подавала [5]):
„Ой братику мій милый,
Та голу́бонько сивый!
То ты прибудь до ме́не [6]), та созвідай мене́ у чужій стороні,
Та при́ лихій, нещаслививій хуртовині."

---

[1]) Этого стиха у Кулиша совсѣмъ нѣтъ.

[2]) У Кулиша вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Славу на многи літа.

[3]) Въ сборникѣ Метлинскаго есть похожая дума—*Чужина*, на 355 стр., записанная Метлинскимъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ. Дума-же, озаглавленная такъ-же, какъ нами помѣщенная, на стр. 434 этого сборника, походитъ на думу «Отчимъ», которую поетъ Вересай, а потому мы и будемъ сличать нашъ варіантъ, съ первою изъ этихъ думъ, тоже указывая только на болѣе видныя отличія.

[4]) Этого стиха нѣтъ въ думѣ «Про чужину».

[5]) У Метлинскаго нѣтъ: «листы писала»; въ замѣнъ этого: «поклоняла».

[6]) Этого нѣтъ у Метлинскаго, а слѣдовательно и въ отвѣтѣ брата нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ: «до тебе прибувати, не могу, сестро, прибути».

—Сестро жъ моя мила,
Та голýбонько сива! [1])
Радъ-же-бъ я до тебе прибувати,
Тебе созвідати
У чужій стороні,
При лихій, нещасливій хуртовині [2]);
Та не можу, се́стро, прибути за быстрыми ріками,
За темными лугами,
Та за широкими степами,
Та й далекими сторóнами [3]).
„Братику-жъ мій милый,
Та голубонько сивый!
То ты черезъ быстрыи ріки білымъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ темни луги яснымъ соколóмъ перелети,
А черезъ широкіи степы́,
Та черезъ далекіи сторóны
Хочъ малесенькимъ перепелонькомъ перейди.
Та сядь-упади сизымъ голубомъ на отецькимъ подвірьи,
Та жалібно загуди,
Та отцевській домъ и матчинъ звесели [4]),
А мені тоску-печаль на серці розведи.
Якъ дасть Богъ людямъ празникъ, а світлый-пресвітлый Ве-ли́кдень [5]),
То люде до церковці йдуть,
Якъ бджилоньки гудуть,
Плече зъ плечемъ черкають [6]),
Та одно óдного зъ празникомъ поздоровляють,
А на мене безділну-безрідну ани хто-жъ-то и не погляне.

---

[1]) Словъ обращенія брата къ сестрѣ и сестры къ брату въ думѣ Метлинскаго нѣтъ; на ихъ мѣсто во всей думѣ вставлены слова:

Братъ (или сестра) то зачувае,
Словами промовляе.

[2]) Двухъ послѣднихъ стиховъ у Метлинскаго нѣтъ, что̀ противно типичному настроенію думы, повторяющему въ отвѣтѣ обороты вопроса.

[3]) Этого стиха тоже нѣтъ.

[4]) То-же.

[5]) У Метлинскаго такъ: «Що теперь, брате, святый день, Великъ-день, Празникъ роковый».

[6]) Этого стиха нѣтъ.

А зъ церкви йдуть на хлібъ, на сіль—на честь зазывають,
А мене́ безділну-безрідну наче и родомъ не знають [1]).
Що-то, братику, якъ у нашого отця люди бували,
Хлібъ-сіль їдали,
То тоди насъ добре люди знали,
Насъ кумы и побратымы добре витали [2]),
А теперъ, якъ пришибла злая година,
Лихая хуртовина,
То теперъ одрикаеться одъ насъ и кровная роди́на“ [3]).
Якъ трудно дереву у лісі безъ корины,
То такъ то трудно у чужій сторонi проживати безъ роди́ны;
Якъ тяжко-важко зъ сырои земли білый камень зняти,
То такъ то тяжко-важко въ чужій стороні безъ роду, безъ сердешнои родиноньки помирати [4]).

—

Дай, Боже, на здоровля та на многіи літа
Усімъ православнымъ християнамъ до кoнця віка!

III.

Дума про Йвася Коновченка [5]).

Ой тамъ на славній Вкраині, у городі у Черкасі,
Тамъ жила удова

---

[1]) Послѣдніе 4 стиха такъ:

Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене нихто по родыни не займае,
Будто воно мене та й не знае!

[2]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ одинъ: Тогди насъ кумы й побратимы добре знали.

[3]) Одцуралися кумы й побратимы.

[4]) Фигура, заключающаяся въ этихъ 4-хъ строчкахъ, у Метлинскаго выражена нѣсколько иначе:

То такъ-то тяжко, та такъ важко
Землі безъ травы, рыбі безъ воды,
Птиці безъ ліса пробувати;
То такъ-то тяжко та важко чоловіку въ чужій чужині
На чужій стороні,
Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробувати.

[5]) Кромѣ теперешняго, намъ извѣстны еще 2 варіанта этой думы: 1) помѣщенный въ сборникѣ Максимовича за 1834 г., стр. 51—57, и 2)—въ сбор-

Черкаська жена
Коновчиха,
По мужу Грициха;
Та мала собі сына Йвася Коновченка-удовиченка.
Вона его зъ малыхъ літъ годува́ла,
У на́ймы не пускала,
На чужи руки, на потурання не давала,
Та до доброго розуму доводила,
Та все милосерного Тво́рця благала-молила:
„Господи Боже милый и всі святыи!
Поможить мені сына Йвася годувати,
До доброго разуму доводи́ти,
Щобъ було де при старости літъ віку дожити,
Головоньку приклонити".
Якъ ставъ Ивась Коновченко-удовиченко до доброго разуму доходити,
Стали козаки, стари паны моло́дци, у городъ у Черкасъ находити,
Стали охотне військо выкликати.
Тоді Ивась Коновченко-удовиченко до вдовы—черкаськои жены промовляе словами,
Й обильется гиркими слезами:
—Ой мамо, мамо, удо́во,
Черкаськая же́но, Коновчихо!
Займи-жъ ты чотыри воли чабаныи, у городъ до жида Кролёва оджени [1])
И добрый зъ нимъ торгъ учини,
Та пятдесятъ червонцивъ доложи,
Та мені одно́го коня купи,
Которого козацькая—молодецькая душа полюбила,

никѣ Метлинскаго 1854 г. стр. 413—424, записанная Кулишемъ отъ Андрія Шута, но эти варіанты на столько отличаются отъ нашего, какъ по объему, такъ и относительно послѣдовательности разсказа, и другихъ частностей, что мы не находимъ удобнымъ дѣлать сличенія.

[1]) «До жида Кролёва», очевидно—искаженіе. Въ думѣ, помѣщенной у Максимовича сказано: «.... до города Крылова»; въ думѣ, записанной Кулишемъ, этотъ городъ названъ Корсуномъ, а жидъ просто называется «оландаремъ» или «рандаромъ».

То промовить удова словами
Й обильется горко слезами:
„Бодай ты, сынку Йвасю Коновчичу-удовиченку, сёго не дождавъ,
Щобъ я отцевську худобу збувала,
Та тобі коня куповала;
А лучше-жъ-бо, сынку Йвасю, у полі хліба-соли пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазываты,
То будуть тебе люде добре знати,
Будуть тебе чтити—поважати“.
То обизветься Йвась словами
Й обильеться горко слёзами:
—Ой мамо, мамо, удово,
Черкаськая жено!
Хочъ и буду я на полі хліба-солі пахати,
Козаківъ на хлібъ на силь зазывати,
Та не хотілося мені за плугомъ ходити,
Та спины ломати,
Своихъ сапьянихъ чобітъ по борознамъ выкрывляти,
Китаёвыхъ жупановъ пыломъ напыляти!

У неділю барзо рано удова,
Черкаськая жена,
Думала—гадала,
Изъ свого дому у Божій домъ одхожала,
И всю козацьку—молодецьку зброю зхоронила,
Тильки козацькои—молодецькои шабли не зхоронила.
То Ивась Коновченко одъ сна вставае,
Лице вмывае,
По світлиці прохожае,
Нигде козацькои—молодецькое зброи не забачае;
Бере козацьку булатну шаблю й за плечи закладае,
Та зъ города выхожае,
Та на *четь* мили за городомъ у дорозі козакивъ піхомъ наганяе.
Козаки, стари паны молóдци, ёго не взнали,
Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, дорогою поздоровляли.

Ой то-то-жъ-то удова,
Черкаськая жена, Коновчиха

Изъ Божого дому прихожае,
А вже сына Ивася Коновченка и дома немае.
То вона тоди до земли припадае,
У гору руки знимае,
Бога милосердного благае:—
„Бодай тебе, сыну Йвасю, три недоли не побили:
Першая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ ружи́на не стреляла,
Другая недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ тебе шабля булатная не рубала,
Третяя недоля щобъ тебе не побила—
Щобъ отцеви и матерени слёзы ни въ якій потребі не споткали".

Тоди удова, черкаськая жена, Коновчиха добре думала—гадала,
Чотыри волы чабаны́хъ займала,
Та въ городъ до жида Кролёва одигнала,
Добрый торгъ учинила,
И пятдесятъ червонцивъ доложила,
Та Йвасю Коновченку коня купила,
Котораго душа козацька—молодецька полюбила,
А рядовыми козаками до війска коня одсылала.
Тоди Ивась Коновченко на коня сідае,
Хрестъ на собі складае,
Господа милосердного призывае,
Та до пана Хвилона [1]), ко́рсунського полковника, словами промовляе:
„Пане мій, пане Хвилоне, ко́рсунській полковникъ!
Благослови мені на Черкаси-долины [2]) зъ Арчинико́мъ [3]) погуляти,
Па́мъяти козацькои заживати
Й зна́мена турецького доставати".

---

[1]) У Максимовича—Филоненко.

[2]) У Максимовича Ивась говоритъ матери, что хочетъ «пидъ городъ Тягиню гуляти», а въ обращеніи къ Филоненку—«на Черкеню-долину»; это послѣднее названіе упомянуто и въ варіантѣ, записанномъ Кулишемъ.

[3]) Этого имени нѣтъ ни у Максимовича, ни у Метлинскаго. На вопросъ: кто это? Вересай отвѣтилъ: «це такій татарській лыцарь бувъ,—князь, а може полковникъ».

То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
И обильеться горко слёзами:
Не благословлю я тобі, Йвасю Коновченку, на Черкаси-долині зъ Арчиникомъ гуляти,
Памняти козацькои й знамена турецького доставати:
Ще й ты дитя молодее, нигде не бувало,
Та козацького звычаю не розизнало,
А есть козаки, стари паны молóдци,—нехай вони на долині Черкаси гуляють,
Памяти козацькои заживають
И знамéна турецького доставають".
То промовить Ивась словáми,
Обильеться горко слёзами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Поймай ты утя старое й малое,
Та пусти ты на море,
То такъ поплыве малое, а якъ бы старое".
Якъ пишовъ Ивась Коновченко-удовиченко на Черкасъ-долину зъ Арчиникомъ гуляти,
Памяти козацькои заживати
Й знáмена турецького доставати,
То винъ симсотъ изрубавъ,
А симсотъ живыхъ у руки забравъ;
То Хвилонъ корсунській полковникъ израдівъ: его пидъ руки хватае,
Червону китайку простиляе,
Напитки й наідки становить,
Словами говорить:
„Ивасю, Йвасю Коновченку-удовиченку!
Ще й ты дитя и малое й молодое,
Ще-жъ нигде не бувало,
Та багато козацького звычаю розизнало".
Промовить Ивась словами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковникъ!
Благослови мені оковиту водку вживати,
То йще не такъ буду на Черкаси долині зъ Арчиникомъ гуляти".
То промовить Хвилонъ словами:
„Не благословлю я тобі, Йвасю, оковитои водки вживати,
Бо оковитая водка тебе зрадить,

И зъ хрещённого світа тебе збавить“.
То винъ на те не дбавъ,
Та оковитои водки кубокъ наливавъ,
Такъ наливъ, такъ наливъ,
Ажъ козацьке молодецьке серце звеселивъ.
Тоди на коня сідае,
Городомъ проізжае,
Старóго й малóго дорогою зневажае;
А за городъ виізжае —
Сонъ ёго знемогае,
Ой то винъ головоньку коневи на гриву склоняе.
Турецька-бесурмлянська віра пьяного чоловіка за четь мили взнали,
Та йще за четь мили назадъ одступали;
То вони покú ёго пьяного зарубали,
Ще симсотъ за собою утеряли;
Тильки то не добре вчинили,
Що коня не вловили.
Кинь по табору турецькому гуляе,
На собі кривави поводы́ обрывае;
То Хвилонъ корсунській полковникъ сее забачае;
На своихъ козакивъ стары́хъ словами гукае:
„Козаки, стари паны молóдци! добре вы дбайте,
Пидите, коня поймайте
Того, що по табору турецькому гуляе;
Мабуть нашого Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, на світі немае“.
То козаки, стари паны молодци, коня вловили,
До пана Хвилона корсунського полковника приводили.
То Хвилонъ, корсунській полковникъ до вдовы́,
Черкаськои жены
Письмо одсылае,
Поклинъ передавае:
„Удóво, удóво, черкаськая жéно!
А вже твій сынъ Ивась одружився:
Узявъ собі жинку горду-прегорду, а пышну-препышну, у Черкасі-долині высоку могилу!“
То удова, черкаськая жена,
Коновчиха
У гору руки знимала,

Господа милосердного благодарила й прохала:
„Благодару-жъ Тебе, Бога небесного, що мій сынъ Ивась одружився;
Хочъ узявъ собі жену горду-прегорду, пышну-препышну,
То все-таки буде при кому віка дожити,
При старости літяхъ головку прихилити".
Хвилонъ корсунській полковникъ зъ рядовыми козаками до удовы коня привождае,
То удова коня забачае,
До сырои земли припадае,
Хвилона корсунського полковника проклинае:
„Бодай ты, Хвилоне, корсунській полковникъ, щастя-доли не мавъ.
Якъ ты мого сына Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, за все висько втерявъ!"
То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
Й обильеться горко слёзами:
„Ой стой ты удо́ва,
Черкаськая же́но!
Ты мене не лай,
Й мені молодому щастя-доли не теряй,
Бо ты сама не добре вчинила,
Що такого коня ему купила".
То удова ду́мала гада́ла,
У свій домъ козакивъ зазывала,
Восимъ не́діль шистьсотъ козакивъ у домі продержала,
Хліба-соли не забороняла,
За-разо́мъ похоро́нъ и весілля гуляла
Й подарки давала.

—

Дай Боже на здоровъя та на многи літа
А й до ко́нця віка!

(Эту думу Остапъ Вересай перенялъ отъ своего зятя Василя Ены, лирника изъ с. Бѣлоцерковки, лохвицкаго уѣзда.

Приведенныя три думы, какъ вообще всѣ историческія пѣсни, распѣваемыя бандуристами, принадлежатъ къ козацкому эпосу;

первая изъ нихъ относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, вторая, относительно времени возникновенія, имѣетъ характеръ неопредѣленный, третья-же относится къ болѣе поздней эпохѣ козацкихъ войнъ, а именно къ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ эти три думы вмѣстѣ обрисовываютъ намъ до нѣкоторой степени весь періодъ полнаго славы козачества.

Козачество взяло на себя иниціативу въ защитѣ страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ. Татарскіе набѣги особенно усилились къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій; украинскія степи являются тогда театромъ ловли татарами невольниковъ, которыми переполняются главнѣйшіе невольничьи рынки Крыма и Царьграда. Татары обязывались давать въ Турцію часть своихъ плѣнныхъ, другихъ продавали; эти послѣдніе принуждены были цѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ, и только по истеченіи этого срока они становились свободными, однако не смѣли уйти изъ страны. Въ эту эпоху сложилась характерная форма украинской думы, самый старый образецъ которой -невольницкая.

Отличительные признаки думы — чрезвычайно грустный тонъ, болѣе прозаическое, чѣмъ стихотворное изложеніе, вольный, неравный размѣръ, очень близко подходящій къ благозвучной, ритмической прозѣ съ риѳмами, причемъ нѣкоторые стихи совершенно не риѳмуются, другіе-же имѣютъ по нѣсколько соотвѣтствующихъ риѳмъ, а самую риѳму по большей части составляютъ глагольныя окончанія. Содержаніе излагается главнымъ образомъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ или съ силами природы, причемъ построеніе отвѣта всегда имѣетъ нѣкоторое сходство со строемъ вопроса (это особенно рельефно видно въ приведенной нами второй думѣ). По ритму и тону всѣ думы весьма похожи одна на другую и довольно однообразны, какъ однообразны были завываніе вѣтра на широкихъ украинскихъ степяхъ и плескъ морскихъ волнъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ томящихся въ галерахъ невольниковъ.

Пѣсни о судьбѣ невольниковъ слушались нашимъ народомъ съ особеннымъ участіемъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа не мало было такихъ, которыхъ отцы, братія или сыновья пробывали въ рукахъ „турецькихъ-бесурмлянськихъ“. Безъ сомнѣнія, такія думы, распѣваемыя мѣстными рапсодами—бандуристами,

имѣли сильное вліяніе на слушателей—козаковъ, возбуждали состраданіе къ участи несчастныхъ страдальцевъ за вѣру и волю, побуждали козаковъ къ подвигамъ противъ турокъ и татаръ какъ для освобожденія этихъ невольниковъ, такъ и для отмщенія за причиненныя бѣдствія. Подобныя думы не теряли своего значенія и въ болѣе позднія времена козачества, хотя тогда являются уже новые подвиги и новые герои: Кишка Самійло, Ѳедоръ Безродный, Данило Нечай, Ивась Коновченко. Кто былъ этотъ послѣдній, неизвѣстный исторіи, герой и въ какомъ походѣ онъ участвовалъ, трудно рѣшить. Правда, всѣ собиратели и записыватели историческихъ пѣсенъ (Максимовичъ, Метлинскій, Жегота Паули, Кулишъ) пріурочиваютъ его къ 1684 году, т. е. къ походу козаковъ въ бѣлгородскій (аккерманскій) край за гетманства Куницкаго, причемъ Максимовичъ, на основаніи этой одной думы, Филоненка (якобы сына Филона Джеджелія) вводитъ въ списокъ корсунскихъ полковниковъ. Но послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 году корсунскій полкъ перересталъ существовать, а раньше того времени ни одинъ Филоненко не былъ корсунскимъ полковникомъ. При Острянинѣ въ 1638 году упоминается Филоненко, но онъ былъ полковникомъ вольницы козацкой. Изъ числа историческихъ личностей, носившихъ имя Филона, извѣстны два полковника: полтавскій Филонъ Гаркуша, назначенный въ 1659 году отъ Выговскаго, но не принятый полтавцами, а слѣд. это былъ только номинальный полковникъ, и кропивянскій—Филонъ Джеджелій или Джаджалый, сподвижникъ Хмельницкаго отъ 1649 по 1658 годъ. Судя по буйному характеру этого послѣдняго Филона и по его ненависти къ татарамъ, а также по тому значенію и вліянію, какимъ онъ пользовался въ глазахъ козаковъ, намъ кажется болѣе всего подходящимъ —отнести нашу думу ко времени Джеджелія, тѣмъ болѣе, что земли кропивянскаго полка лежали противъ Черкасъ, по ту сторону Днѣпра, хотя на географическія указанія, заключающіяся въ думахъ, полагаться не всегда можно.

Вообще приведенныя три думы представляютъ только варіанты уже извѣстныхъ думъ, но этимъ не умаляется ихъ значеніе. Сличеніе варіантовъ нагляднѣе всего уясняетъ намъ, какъ видоизмѣнялись вообще думы. Не будучи записанною, а переходя отъ бандуриста къ бандуристу изустно, дума сама собою разбивалась на

варіанты. Бандуристъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, а иногда по вдохновенію, вносилъ въ данную думу одну—другую черту вновь или замѣнялъ прежнюю иною. Такимъ образомъ дума развивалась и измѣнялась безъ нарушенія исторической правды. Но съ теченіемъ времени условія жизни измѣнялись, поэтическіе разсказы о герояхъ давнего прошлаго и событіяхъ, совершившихся когда-то, теряли какъ для народа, такъ и для самого кобзаря свою жизненную силу и свѣжесть. Тогда дума или подкрашивалась и непомѣрно расширялась не идущей къ дѣлу болтовней, или-же сокращалась съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ частностей. Дума о Коновченкѣ, записанная Кулишемъ отъ Шута, представляетъ образецъ именно такой раздутой, растянутой на цѣлый часъ пѣнія думы; дума о томъ-же героѣ, записанная нами отъ Вересая, принадлежитъ ко второму разряду измѣнившихся думъ: она вдвое короче кулишевской думы, но картина томленія козаковъ въ неволѣ представлена въ ней вполнѣ рельефно, хотя и въ сжатой формѣ. Имѣя въ виду сказанное выше о характерныхъ чертахъ думъ вообще, нашу думу мы ставимъ выше предъидущей: она проще, акція идетъ живѣе, основныя черты выставлены рельефнѣе.

Невольницкая дума замѣчательно сохранилась въ памяти народной; дума-же объ Иванѣ Коновченкѣ сильно измѣнилась, не смотря на то, что эта послѣдняя сложилась, по крайней мѣрѣ, на сто или полтораста лѣтъ позднѣе первой думы. Въ чемъ причины этого страннаго явленія? Неужели лучше помнить повѣствованіе о томъ, что было раньше, чѣмъ разсказъ о болѣе позднихъ событіяхъ? Главная причина, по нашему мнѣнію, лежитъ въ измѣнившемся вмѣстѣ съ жизнію характерѣ самихъ-же бандуристовъ. Современные намъ кобзари—это не прежніе пѣвцы и вмѣстѣ участники народныхъ страданій, а простые передатчики того, что сохранила народная память; они не имѣютъ уже въ виду воодушевить своихъ слушателей, разжечь въ нихъ рыцарскія страсти, но стараются лишь разжалобить ихъ, заставить прослезиться, а этимъ склонить въ свою пользу—къ подаянію нищему-слѣпцу. Думы въ родѣ „невольницкой“ или „о сестрѣ и братѣ“—болѣе общаго характера и разсказываютъ о бѣдствіяхъ и явленіяхъ, прочувствовать которыя можетъ всякій современный человѣкъ, которому только не чужды религіозно-нравственныя стороны, выводимыя въ этихъ думахъ.

Между тѣмъ думы, такъ сказать, политическаго характера въ настоящее время для народа не имѣютъ значенія. Немалое имѣли вліяніе на думы и послѣдующія явленія въ народной жизни, особливо гайдамачина, заслонившая собою представленія и воспоминанія о предшествовавшихъ событіяхъ. Не безъ причины кобзари сохранились теперь почти исключительно по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Главнѣйшія движенія народныхъ массъ позднѣйшей эпохи происходили въ правобережной Украйнѣ, а это не могло не имѣть вліянія на возникновеніе новыхъ думъ и измѣненіе прежнихъ, или образованіе въ нихъ значительныхъ варіантовъ. Сохраненію и поддержанію въ народѣ думъ не благопріятствуютъ иногда и новые распорядки: новый строй жизни не различаетъ бродяги-нищаго отъ странствующаго артиста старыхъ временъ, и полицейская власть въ ряду нищихъ, шляющихся по ярмаркамъ, не рѣдко захватываетъ и бандуристовъ и водворяетъ ихъ на мѣсто жительства. Нѣчто подобное случилось, напр., и съ Остапомъ Вересаемъ, когда онъ въ прошломъ году былъ посаженъ въ кутузку въ Прилукахъ; но тутъ-то табакерка, подаренная ему великими князьями, сослужила ему службу: лишь только онъ показалъ ее блюстигелямъ порядка, какъ тотъ часъ-же былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ Вересай называетъ эту табакерку своимъ „прачпортомъ".

Репертуаръ Остапа Вересая, кромѣ думъ, составляютъ еще, какъ мы сказали, „поважливі пісни" и „простацькі". Въ первой изъ записанныхъ нами пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія („Годі (полно) вамъ шуміти") въ прекрасной поэтической формѣ выражаются сожалѣніе о безполезно проведенной молодости и муки поздно пробудившагося сомосознанія:

Віють вітры въ стèпу—запрету не мають;
Идуть мысли въ день и нóщи—спокою не дàють!

Содержаніе второй пѣсни: „Якъ трудно во гріхахъ умирати"— опредѣляется самимъ заглавіемъ; подобная пѣсня находится въ сборникѣ Метлинскаго, на стр. 371, подъ заглавіемъ: „Смерть".

Пѣсни сатирическаго содержанія, входящія въ репертуаръ Вересая, осмѣиваютъ ненормальности человѣческой жизни и ук-

лоненія отъ здраваго смысла; но эти пѣсни онъ рѣдко поетъ и вообще не придаетъ имъ особаго значенія, называя ихъ „простацькими“ и желая этимъ выразить, что только, принаравливаясь ко вкусамъ слушателей-простолюдиновъ, онъ позволяетъ себѣ пѣть такія пѣсни.

Приводимъ первую изъ указанныхъ нами пѣсень, представляющую не мало художественныхъ чертъ.

Годі вамъ шуміти, зелены луги!
Годі мліти серцю моему зъ незносной туги! 2
Якъ цвіты прекрасны скоро одцвітають,
То такъ насъ молодіи літá скоро покидають. 2
Пройшли літа скоро, якъ быстрыи ріки,
А я живу при нещастьи черезъ усі віки, 2
Віють вітры въ степу—запрету не мають,
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не дáють. 2
Старость моя й жизность! не можу терпіти,
Що я не вмівъ молодыми літами владіти. 2
Теперь я не знаю, якъ дожити віку;
Ой де-жъ мені подітися, бідному чоловіку? 2
Пойду я зъ печалью а въ темныи луги;
Ой чимъ-же я вызволюся зъ великои туги? 2
Лучше жъ мені жити въ пущахъ мижъ звірами,
Ані-жъ мені при нещастьи жить мижъ ворогами. 2
Лучше мені жити въ степу, у пустыні,
Ані-жъ межъ людьми при нещастьи жити на едині! 2

—

Есть такіи люде, що нужды не знають,
Одъ убогого, одъ мизерного двери зачиняють, 2
Прежди смерти души царства своій не дбають. 2

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ инструмента, на которомъ кобзарь аккомпанируетъ себѣ при пѣніи, а также о пріемахъ при самой игрѣ.

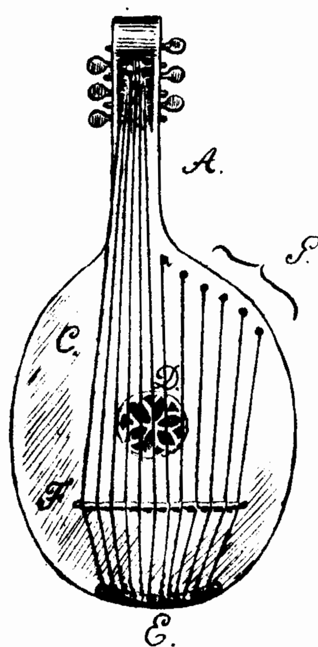
Бандура, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ, состоитъ изъ *ручки* или грифа **A**, выпуклаго овала—*спідняка* **B** и вибрирующей поверхности—*верхняка* **C** или дейки съ отверстіемъ—*голосникомъ* **D**. Струны, начинаясь отъ прикрѣпленнаго къ окружности

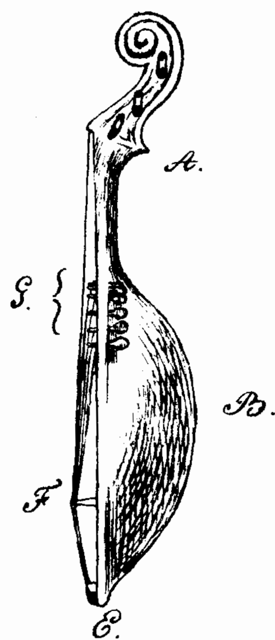
овала *приструнника* **E**; перекидываются черезъ деревянный порогъ —*кобылку* **F** и идутъ къ головкѣ ручки, въ которой сидятъ колочки для подтягиванія или опусканія струнъ. Всѣхъ струнъ 12 (но бываетъ 20, 30 и болѣе). Шесть большихъ струнъ называются *бунты:* 3 первыя—басы, всѣ они *кишкóви*, причемъ первый басъ обмотанъ канителью; 4-ая мѣдная *(дротóва)*, 5-ая *прийма* и 6-ая *терція*—они изъ кишекъ прозрачныхъ—*римськихъ*; шесть короткихъ струнъ носятъ названіе *приструнковъ*, они бываютъ изъ кишекъ и мѣдныя.

Кобзарь играетъ на бандурѣ сидя и держитъ ее въ косвенномъ положеніи, но при игрѣ пьесъ плясовыхъ—совершенно вертикально. Лѣвой рукой нажимаетъ струны, правою-же рукою перебираетъ, причемъ, для произведенія болѣе сильнаго, рѣзкаго звука, надѣваетъ на указательный палецъ наперстокъ съ косточкой, т. е. деревянной полоской изъ лозы или орѣшника. Когда нѣсколько бандуристовъ играютъ вмѣстѣ, то одни играютъ преимущественно на *пристрункахъ*, другіе-же имъ вторятъ на *бунтахъ*, что́, замѣтимъ, производитъ весьма пріятную гармонію.

К. Ф. У. О.

Рисунокъ типической бандуры.

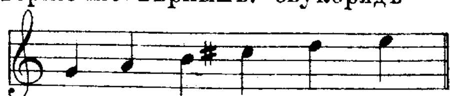
Объясненіе знаковъ см. въ текстѣ.

О музыкѣ думъ и пѣсень Остапа Вересая.

Въ первомъ томѣ „Записокъ юго-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ помѣщена обстоятельная статья о томъ-же предметѣ, который избирается и нами для настоящей замѣтки. Но этотъ предметъ такъ мало еще изслѣдованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ такое огромное значеніе въ смыслѣ историко-эстетическомъ, что чѣмъ больше будетъ высказано о немъ мнѣній, хотябы и не вполнѣ согласныхъ между собою, тѣмъ большая откроется возможность будущему изслѣдователю южно-русской музыки прійти къ положительнымъ выводамъ относительно ея характерныхъ особенностей, выдѣляющихъ ее изъ семьи родственныхъ ей напѣвовъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ. До самаго послѣдняго времени всѣ изслѣдователи народной славянской музыки относили ее къ такъ называемымъ средне-вѣковымъ церковнымъ ладамъ. Это мнѣніе до сихъ поръ еще господствуетъ среди многихъ изъ спеціалистовъ музыкантовъ. И дѣйствительно, при поверхностномъ изслѣдованіи славянской народной музыки, легко прійти къ такому выводу: съ перваго взгляда мы имѣемъ здѣсь какъ будто всѣ признаки этихъ старо-церковныхъ ладовъ. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, въ частности, великорусскихъ пѣсень, сдѣланномъ г. Мельгуновымъ, оказалось, что эти пѣсни имѣютъ основаніемъ болѣе древнюю почву— именно *греческіе строи*. Чтобы быть понятнымъ для читателя, я выскажу здѣсь нѣкоторыя положенія изъ исторіи европейской музыки вообще. Какъ и всѣ другія искусства, музыка не сразу явилась во всеоружіи современной гармоніи съ ея роскошною, въ смыслѣ разнообразія построеній, обстановкой. Какъ живопись развилась изъ плоскостныхъ изображеній, безъ всякаго соблюденія перспективы (египетскіе рисунки), такъ и музыка въ началѣ не

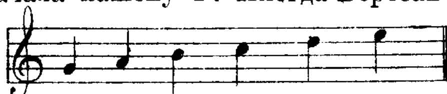
имѣла тѣхъ качествъ, которыя придаютъ ей характерную окраску— не имѣла гармоніи. Это была, такъ сказать, плоскостная музыка, музыка одноголосная, *гомофоничная*. Относительно живописи мы имѣемъ чрезвычайно интересныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Гладстона о неполномъ представленіи древними греками всѣхъ цвѣтовъ нашего спектра; такъ и въ музыкѣ:—древніе народы не различали мелкихъ мелодическихъ единицъ, какъ наши полутоны, ихъ слухъ воспринималъ только цѣлые тоны; поэтому мы и видимъ кажущіяся для современнаго уха чрезвычайно странными китайскія и валлійскія (шотландскія) гаммы изъ 5 цѣлыхъ тоновъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ музыка, какъ и другія искусства, шла все впередъ и уже у грековъ временъ Аристотеля выразилась въ строгой и стройной системѣ изъ семи строевъ. Но система эта все-же значительно отличалась отъ нашей. Начальная христіанская музыка воспользовалась матеріаломъ, оставленнымъ ей классической древностью и на немъ основала всѣ свои пѣснопѣнія. Но изобрѣтеніе органа и другія обстоятельства заставили музыку уклониться отъ прежняго гомофоническаго (одноголоснаго) пути и перейти къ полифоніи (многоголосицѣ). Первые зачатки полифоніи мы встрѣчаемъ въ IX-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ произведеніяхъ фландрскаго монаха Убальда или Гукбальда въ видѣ такъ называемой діафоніи. Гукбальдъ писалъ свои произведенія для двухъ голосовъ, шедшихъ параллельно въ интервалахъ квинты, кварты или октавы. Такова была основа современной полифоніи. Въ послѣдующемъ своемъ развитіи музыка шла уже все дальше и дальше по пути полифоніи, измѣняя, сообразно съ требованіемъ послѣдней, свои основныя единицы, т. е. древне-греческіе строи, лежавшіе въ ея основаніи. Такъ произошли средне-вѣковые церковные лады, приведенные въ стройную систему знаменитымъ музыкантомъ XVI-го вѣка Глареаномъ (Glareanus). Глареановскіе лады имѣютъ уже совершенно иныя названія, чѣмъ греческіе строи, имѣютъ отличное отъ послѣднихъ значеніе. Изъ этихъ ладовъ развился нашъ современный мажоръ и миноръ. Наша современная музыка и ея строи имѣютъ то отличіе, что всякая мелодія, всякая гармонія стремится закончиться въ опредѣленный тонъ, въ опредѣленный аккордъ, построенный на извѣстной нотѣ. Эта-то нота, которой стремятся закончиться наши мелодіи и гармоніи и служитъ показателемъ строя

мелодіи, называется *тоникой* строя. Средне-вѣковые лады такое стремленіе обнаруживаютъ слабѣе, древне-греческіе строи почти вовсе лишены его. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ. Теперь спрашивается, къ какого рода строямъ слѣдуетъ отнести нашу древнюю южно-русскую музыку? Странно было-бы предполагать, что славянское племя, исходящее изъ одинаковаго арійскаго корня съ греческимъ, но съ самой ранней поры своей жизни ставшее вдали отъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры, должно было развить свою музыку совершенно также, какъ развили ее западно-европейцы. У славянъ не было повода къ такому развитію полифоніи, какое имѣлось у западно-европейцевъ, и они въ большей чистотѣ должны были сохранить первообразъ европейской музыки, музыку гомофоничную, сродную музыкѣ древнихъ грековъ. Такъ уже a priori мы пришли къ выводу, что средневѣковые церковные лады, выросшіе на почвѣ полифоніи, не должны бы были вполнѣ соотвѣтствовать строямъ нашей славянской и, въ частности, южно-русской музыки. Почтенный авторъ статьи „Записокъ", по нашему мнѣнію, допустилъ неточность, посмотрѣвъ на южно-русскіе напѣвы съ предвзятой точки зрѣнія, господствовавшей въ то время, идентичности строя малорусской музыки съ церковными западными ладами. Но вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и здѣсь дало себя знать: авторъ указываетъ, что церковные лады не составляютъ господствующаго элемента въ южно-русской музыкѣ, что въ ней встрѣчаются и наши мажоръ, миноръ и мадьярскія гаммы, и, наконецъ, признаки, приводящіе ее въ соприкосновеніе съ восточной музыкой. Ни однимъ только словомъ авторъ не заикается о древне-греческихъ строяхъ, а между тѣмъ они-то и составляютъ главный элементъ въ нашей музыкѣ. Говоря о строѣ шести короткихъ струнъ (приструнків) бандуры авторъ считаетъ его *лидійскимъ* средне-вѣковымъ ладомъ. Съ виду это кажется совершенно вѣрнымъ: звукорядъ—

совершенно соотвѣтствуетъ по виду лидійскому церковному строю. Авторъ далѣе (на стр. 346) говоритъ, что кобзарь этихъ струнъ не прижимаетъ, а играетъ на нихъ, не измѣняя звука. Но мнѣ удалось видѣть и слышать иное. Остапъ Вересай, показывая, какъ надо играть плясовыя пѣсни на двухъ бандурахъ, укорачи-

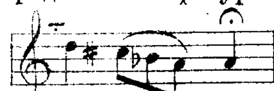
ваетъ и *приструнки* и играетъ на нихъ также, какъ и на *бунтахъ* (длинныя струны). При этомъ оказывается необыкновенно интересное явленіе: кобзарь не заключаетъ своей игры въ тоникѣ, какъ слѣдовало-бы въ лидійскомъ ладу, а безразлично заканчиваетъ свою игру или въ тонику, или въ нижнюю квинту, или въ верхнюю терцію. Это уже чистый признакъ древне-греческихъ лидійской, гиполидійской и синтонолидійской гаммъ, повышенныхъ на цѣлый тонъ, ибо эти древне-греческія гаммы соотвѣтствовали по высотѣ своего начала нашему F. Иногда Вересай настраиваетъ приструнки иначе:

что соотвѣтствуетъ древне-греческой іонійской гаммѣ (найчаще встрѣчаемой въ великорусскихъ пѣсняхъ), при чемъ точно также держится полной свободы заключеній, вращаясь то въ основномъ, то въ *гипо*, или въ *синтоно* ладу. Что касается собственно музыки и напѣвовъ думъ, то здѣсь я могу сообщить не много новаго. Дума въ исполненіи Вересая, котораго мнѣ довелось слышать въ настоящій его пріѣздъ только дважды, имѣетъ характеръ полной импровизаціи. Одну и ту же думу Вересай одинъ разъ исполняетъ такъ, другой разъ иначе. Основной мелодическій рисунокъ всѣхъ думъ совершенно одинаковъ. Онъ почти совершенно точно совпадаетъ съ приложенной къ упомянутому тому „Записокъ" мелодіей думы. Мелизматическія украшенія, придаваемы ей Вересаемъ этому основному безритменному мотиву, трудно поддаются записыванью. Мельчайшія интервалы придаютъ этимъ украшеніямъ характеръ, близкій къ восточнымъ мелодіямъ; это, какъ кажется, можетъ быть объяснено долговременнымъ соприкосновеніемъ малоросовъ съ татарами и турками. Въ этихъ украшеніяхъ можно найти много общаго съ пѣсней Муэзина передъ восходомъ солнца (см. „Illustrirte Musiq.-Geschichte" von E. Nauman, в. 99). Замѣчу, что окончаніе каждой мысли заканчивается опредѣленной фигурой

въ „Запискахъ" она представлена такъ

Быть можетъ эта разница зависитъ отъ импровизаціоннаго характера исполненія Вересая. Я не считаю нужнымъ выписывать здѣсь всѣхъ мелизмовъ, какіе мнѣ удалось записать. Чтобы уяснить себѣ ихъ значеніе, у меня нѣтъ еще достаточно матеріалу; какъ сырой же матеріалъ, они не имѣютъ значенія. Мнѣ кажется, что изслѣ-

дованіе въ указанномъ мною направленіи, т. е. насколько наши мелодіи отличаются по строю отъ западныхъ, насколько онѣ сходны съ древне-греческими и чѣмъ разнятся отъ этихъ послѣднихъ, составляетъ интереснѣйшую задачу, могущую повести къ новымъ открытіямъ въ области эстетической акустики, какою она является у Гельмгольца. Быть можетъ ближайшія изслѣдованія откроютъ, что наша музыка хотя сродна, но не идентична ни съ древне-греческой, ни съ средне-вѣковой западной. Намеки на это имѣются въ разницѣ изслѣдованій хотя и поверхностныхъ, какъ мои и автора статьи „Записокъ". Быть можетъ эти изслѣдованія открываютъ новые горизонты въ области тональностей и обновятъ начинающую уже ветшать современную ихъ систему. Дождутся-ли наши мелодіи такихъ изслѣдованій?

А. К-скій.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ.

„Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію“.

Не подъ этимъ заглавіемъ, но съ такими названіями и характеристикою находится въ одномъ изъ кіевскихъ архивовъ „дѣло о порѣзаніи“ малолѣтними еврейками на малолѣтнемъ-же крестьянскомъ мальчикѣ „тѣла для испущенія христіанской крови“. Дѣло не сложное, не продолжительное по времени, но интересное какъ по существу, такъ и по многимъ его частностямъ: въ немъ проглянуло, кажется, неизвѣстное доселѣ народное вѣрованіе объ употребленіи евреями христіанской крови при разрѣшеніи отъ бремени еврейскихъ женщинъ, равно отобразилась вся процессуальная сторона такихъ и подобныхъ дѣлъ прежняго времени.

Отъ временъ глубокой древности, отъ вѣковъ отдаленныхъ идетъ непримиримая вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ всѣхъ странъ. Наша южно-русская страна представляетъ въ семъ отношеніи исключеніе развѣ въ смыслѣ высшаго народнаго озлобленія противъ исповѣдниковъ Іеговы, проявлявшагося надъ ними найболѣе частымъ и найболѣе чувствительнымъ образомъ. Отъ Изъяслава и Владиміра Мономаха до Гонты и Желѣзняка и отъ этихъ послѣднихъ до нашихъ дней, чувства кіевлянъ, чувства всего южно-русскаго народа къ еврейскому поколѣнію не измѣнились ни на іоту. Нечего говорить о томъ, что въ основѣ этихъ чувствъ лежатъ прежде и болѣе всего экономическія отношенія, а потомъ вѣроисповѣдное отличіе; но сверхъ этого въ нихъ видную роль играетъ особый циклъ вѣрованій, ничего общаго съ догматами христіанства не имѣющихъ, но твердыхъ и непоколебимыхъ, всасываемыхъ съ молокомъ матери, обоснованныхъ на

вѣковой традиціи. Едва ли и теперь удалось-бы вамъ, читатель, разувѣрить нашего простолюдина въ томъ, что „у жида нѣтъ души“, а есть только „*пара, что изъ скотины выходитъ*“,—даже не тотъ „дымецъ малъ“, что видѣлъ врачь—иностранецъ въ минуту кончины московскаго великаго князя Василія Васильевича, исходящимъ отъ тѣла его. Къ числу вѣрованій, столь давнихъ и повсюдныхъ, относится и увѣренность въ употребленіи евреями христіанской крови. Вѣрованіе это и связанная съ нимъ казуистика имѣютъ свою литературу, крайне любопытную въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ, писавшихъ объ этомъ *pro* и *contra*, никто никого ни въ чемъ не убѣдилъ и что изъ большаго числа возникавшихъ въ судебной практикѣ случаевъ обвиненія евреевъ въ добываніи христіанской крови, ни одинъ не доказанъ окончательно, но и ни одинъ не оставленъ безъ большаго или меньшаго подозрѣнія. Тотъ-же характеръ недоказанности и вмѣстѣ нѣкотораго сомнѣнія носитъ на себѣ и настоящій случай, о которомъ мы хотимъ разсказать, ради одной его особенности по существу и нѣкоторыхъ характерныхъ частностей.

Дѣло происходило не особенно давно, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ предѣлахъ кіевской губерніи. Въ васильковскомъ уѣздѣ, не вдалекѣ отъ самаго города Василькова, вправо отъ широкаго почтоваго тракта на Бѣлую Церковь, лежитъ большое село Плисецкое. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ немъ жилъ еврей Фроимъ, по фамиліи Каминскій. Фамилія нимало не еврейская, и это указываетъ на то, что либо самъ Фроимъ, либо вообще родъ его вполнѣ натурализовался въ „краѣ забраномъ“, а быть можетъ зашелъ сюда изъ „Конгрессувки“. Въ тридцатыхъ годахъ было уже царство откуповъ и процвѣтало оно во всю свою мощь какъ на Сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, на послѣднемъ—въ „народѣ избранномъ“. И въ окрестностяхъ с. Плисецкаго былъ откупщикъ, а въ самомъ Плисецкомъ его приказчикъ Фроимъ. Былъ онъ съ достаткомъ, жилъ здѣсь 14-ть лѣтъ, своимъ дѣломъ занимался, людей не чуждался. У Фроима была своя Сура, а отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей — Лею и Хайку,—какихъ лѣтъ, это также трудно опредѣлить, какъ трудно опредѣляются годы евреевъ-дѣтей при полученіи пассажирскихъ билетовъ и евреевъ-юношей при отбываніи воинской повинности. Рядомъ съ Фроимомъ жилъ казенный

крестьянинъ Кузьма Мироненко, а у него жена Дарья и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ былъ старше дочери, а другой имѣлъ лишь пять мѣсяцевъ отъ рожденія и проводилъ время въ „колыскѣ“ (люлькѣ) подъ присмотромъ старшаго брата и сестры, а иногда и самостоятельно. Дочери Фроима приходили къ дѣтямъ Мироненка „бавиться“, или поиграться. До происшествія, о которомъ возникло дѣло, посѣщенія ихъ были рѣдки, а ко дню происшествія участились и стали ежедневными. Вотъ какъ было самое дѣло.

30 сентября 1832 года Кузьма Мироненко куда-то отлучился изъ деревни; жена его Дарья была на огородѣ, а грудной ея ребенокъ, пятимѣсячный Ѳедоръ оставался въ хатѣ, подъ присмотромъ старшихъ дѣтей. Подъ вечеръ Дарья Мироненкова, навѣдавшись въ хату, застала тамъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дочерей Фроима-Лею и Хайку; но при ней-же ея старшія дѣти выбѣжали на дворъ, а она, покормивши, быть можетъ, грудное дитя, ушла на огородъ, оставивъ въ хатѣ Лею и Хайку. Что было въ слѣдъ за тѣмъ, не извѣстно; но спустя нѣкоторое время Дарья Мироненкова увидала, что старшій сынъ ея несетъ къ ней на огородъ плачущаго Ѳедю, а взявъ этого послѣдняго къ себѣ на руки замѣтила, что задняя часть его исцарапана или порѣзана во многихъ мѣстахъ. Старшій сынъ пояснялъ, что, придя въ хату, онъ засталъ, что старшая дочь Фроима держала маленькаго брата его на рукахъ и успокаивала его при сильномъ его плачѣ. Мать видѣла много царапинъ, или порѣзовъ, конечно, легкихъ, нашла и запекшуюся кровь, соображала, что царапины не могли быть дѣломъ случайнымъ. Мать Леи и Хайки была на сносяхъ; Мироненкова слышала и вѣрила, что еврейки при трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ помощи христіанской крови извѣстнымъ имъ образомъ. Въ душѣ ея явилось подозрѣніе, не были-ль тѣ порѣзы произведены дочерьми Фроима. Она бросилась обыскивать ихъ и въ карманѣ младшей нашла нѣсколько кусковъ стекла. Подозрѣніе переходило въ увѣренность. Мироненкова боролась и съ своими мыслями и съ постигшею ее бѣдою. Въ порывѣ гнѣва и досады, она бѣжитъ ко двору Фроима и срываетъ съ меньшей его дочери платокъ. Та подняла крикъ, выбѣжалъ Фроимъ и набросился на сосѣдку. Поднялась „сварка“ или ругань, не обошлось, быть можетъ, и безъ схватки; платокъ былъ отнятъ.

Изъ того, что жена Фроима не упоминается при этомъ и вскорѣ, какъ видно изъ дѣла, отъ бремени разрѣшилась, заключить можно, что въ ту пору она болѣла родами. Въ послѣдствіи Мироненкова объяснялась, что потому она платокъ сорвала, что хотѣла, чтобы самъ Фроимъ позвалъ ее въ судъ; другими словами: она боялась сама обжаловать еврея, опиравшагося на своего патрона-откупщика и вѣроятно не разъ дававшаго чувствовать свою силу односельчанамъ-крестьянамъ, и хотѣла открыть его вину при случаѣ, въ качествѣ отвѣтчицы. Было-ли въ самомъ дѣлѣ такъ, рѣшить трудно. Почему-то однако жалобу свою она принесла волостному тутъ-же жившему головѣ лишь на третій день, а изъ того, какъ первоначально принята жалоба, видно, что не одна Мироненкова боялась повѣреннаго откупщика. Самъ голова, выслушавъ такое ужасное заявленіе, обратился къ мѣстному священнику Халничу, но и тотъ „не могъ ничего сказать“. Можетъ быть, тѣмъ дѣло и кончилось-бы, если бы голова не обратился за совѣтомъ къ командиру квартировавшой въ селѣ Плисецкомъ роты, капитану Рожманту. Тотъ послалъ за Мироненками, самъ распросилъ ихъ и „сейчасъ-же велѣлъ послать до онаго еврея четырехъ человѣкъ солдатъ для караула до рѣшенія дѣла“. Голова послалъ донесеніе въ васильковскій земскій судъ; въ немъ, со словъ Мироненковой, прямо говорилось, что дочери Фроима, вынувъ изъ люльки ея дитя „начали стекломъ рѣзать оному младенцу тѣло во многихъ мѣстахъ и испустили большую кровь“, съ подущенія Фроима.

Такъ началось это курьезное дѣло, предъ которымъ сталъ-бы въ тупикъ любой изъ современныхъ юристовъ. Чѣмъ доказать или опровергнуть фактъ преступленія необычайнаго, невѣроятнаго? Съ которой стороны ни поверни это дѣло,—уликъ, слѣдовъ масса и въ тоже время ихъ вовсе нѣтъ. Остается ни опровергнутымъ, ни заподозрѣннымъ въ своей дѣйствительности фактъ внезапнаго израненія ребенка и „испущенія большой крови“ въ отсутствіе его матери, только предъ тѣмъ видѣвшей его невредимымъ, въ отсутствіе дѣтей, за нимъ присматривавшихъ, но въ присутствіи двухъ малолѣтнихъ евреекъ. Что происходило въ ту пору, когда эти дѣвочки оставались одни съ христіанскимъ дитятею, никто видѣть не могъ; но у одной изъ нихъ за столомъ дитя на рукахъ, и она его успокоиваетъ, у другой много битаго стекла въ карманѣ. На дѣт-

скій плачъ въ деревняхъ, въ быту крестьянскомъ, обыкновенно не обращаютъ вниманія, и дитя плачетъ по нѣскольку часовъ; но видно крикъ израненнаго Ѳеди былъ особенный, видно пораненіе его бросалось слишкомъ въ глаза, когда малолѣтній также братъ его выхватываетъ его изъ рукъ евреечки и бѣжитъ съ нимъ къ матери на огородъ. Допустить случайное исцарапаніе какою-нибудь въ въ платьѣ евреечки торчавшею иголкою или валявшимися гдѣ либо кусками стекла не приходится уже и потому, что такое объясненіе не было приведено обвиняемою стороною, что для нея было такъ легко. „Колыска“, обыкновенно ночвы или плетенка, нáбитая всякимъ тряпьемъ, еще менѣе могла быть орудіемъ пораненія, какъ не была и дотолѣ, и на нее, какъ ни на что другое не указываютъ ни обвиняемые, ни свидѣтели, ни самый судъ. Что пораненіе ребенка Мироненковой было не пустяшное, видно по тревогѣ матери, ея гнѣву и раздраженію, по ея наконецъ рѣшимости обжаловать сильнаго повѣреннаго еще болѣе сильнаго откупщика. Есть и другія указанія на серьезность факта: голова обращается къ священнику, священникъ отказывается даже сказать что либо, а капитанъ, распросивъ, не задумывается поставить военный караулъ къ дому Фроима. Трудно допустить, чтобы ни головѣ, ни капитану не пришло на мысль осмотрѣть израненнаго ребенка и если первый въ своемъ рапортѣ рѣшительно говоритъ о „испущеніи большой крови“, а второй рѣшается на мѣру чрезвычайную—военный караулъ, то для нихъ не оставалось сомнѣнія въ фактѣ значительнаго или случайнаго пораненія дитяти.

Доселѣ все за обвиненіе, отселѣ все противъ него. Произведено слѣдствіе и—никакихъ доказательствъ, никакихъ слѣдовъ и признаковъ доселѣ такъ несомнѣннаго факта. Приходилось бы и намъ съ вами, читатель, какъ и тогдашнему суду, заключить, что это былъ *„невѣроятный изветъ*, по одному только, *отъ простолюдчивости предосужденію“*. Но въ дѣлахъ старыхъ (и однихъ ли старыхъ?) судовъ была всегда своя закулисная сторона, и въ настоящемъ дѣлѣ она оставила по себѣ такіе слѣды, что ее и въ настоящее время и не записному юристу можно разглядѣть и опять воспроизвести. Попробуемъ, читатель.

Перенеситесь мысленно къ тому отдаленному времени, погрузитесь на минуту въ тогдашнюю уѣздную и сельскую жизнь, при-

помните тогдашніе суды и власти, откупа и царство израильское и положеніе крестьянской души, хотя бы и казенной, но бывшей во всемъ и за все въ отвѣтѣ. Вотъ съ одной стороны семья Мироненковыхъ, которой мать въ такой непрерывной работѣ, что ей и за дитятею присмотрѣть некогда; съ другой, семья приказчика по откупу, 14 лѣтъ живущаго на одномъ мѣстѣ. Если и теперь любой шинкарь—еврей, поживъ короткое время въ селѣ, овладѣваетъ всѣми пружинами сельской жизни, пріотрѣтаетъ авторитетъ и вліяніе свойствениными ему способами, знаетъ всю подноготную крестьянина, владѣетъ его карманомъ и трудомъ, то что могъ значить пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ с. Плисецкомъ повѣренный откупщика Фроимъ? Что онъ былъ съ деньгою, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; что онъ имѣлъ силу и вліяніе, видно по всему началу дѣла, если не исходу его. Самъ онъ мѣщанинъ сосѣдняго г. Василькова; его патронъ, конечно, васильковскій купецъ, а тамъ суды, тамъ родня Фроима, тамъ его патронъ, тамъ еврейскій кагалъ. Думаете ли, читатель, что этотъ Фроимъ до караула и подъ карауломъ, и его родня и патронъ, и этотъ кагалъ оставались равнодушными къ такому „невѣроятному извѣту“, какъ обвиненіе въ „испущеніи большой христіанской крови“, падающее на все еврейство?

Весь ходъ дѣла удостовѣряетъ въ противномъ, хотя мы не видимъ потаенныхъ пружинъ, а только примѣчаемъ повсюду ихъ дѣйствіе.—Судъ, въ то время очень медленный и тяжелый на подъемъ, поднимается въ путь на третій день послѣ рапорта головы и пребываетъ на мѣсто произшествія въ лицѣ засѣдателя земскаго суда Тулуба. Простой смыслъ могъ бы сказать, что разъ дѣло идетъ о пораненіи, необходимъ судебно-медицинскій или хотя-бы обыкновенный осмотръ; но земскій судъ не отряжаетъ врача, а командируетъ—не извѣстно почему и для чего—депутата съ военной стороны. Земскій засѣдатель, прибывъ на мѣсто, допрашиваетъ лишь мать потерпѣвшаго дитяти и отца обвиняемыхъ дѣвочекъ. Ни до кого ему больше дѣла нѣтъ; онъ знать не хочетъ, что могли-бы сказать эти обвиняемыя и братъ потерпѣвшаго малютки, который первый видѣлъ его пораненіе. Засѣдатель не считаетъ нужнымъ хотя-бы взглянуть на израненное дитя и записываетъ показаніе его матери, что дитя здорово, прибавляетъ даже „не вредимо“, мѣняетъ

лѣта обвиняемыхъ по показанію ихъ отца, назначая старшей 9 лѣтъ вмѣсто 12 и младшей 5 вмѣсто 7-ми, считаетъ нужнымъ занести въ протоколъ заявленіе Фроима, что ни ему, ни вообще евреямъ кровь христіанская ни въ какомъ случаѣ не нужна, обходитъ мотивъ подозрѣнія и беременность матери обвиняемыхъ и переходитъ къ спасительному повальному обыску, для котораго всегда въ такомъ дѣлѣ найдется нѣсколько „питуховъ" и еще больше должниковъ и инымъ способамъ обязанныхъ повѣренному виннаго откупа, а когда обыскъ далъ легко предвидимый результатъ, приходитъ къ заключенію, что „никакой важности по оному дѣлу не заключается". Жаловавшаяся прежде такъ энергически Мироненкова предъ засѣдателемъ какъ-бы отступается отъ прежнихъ, много разъ повторенныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, сильно понижаетъ тонъ обвиненія, говоритъ только, что, при видѣ крови на дитяти, ей стало „сердобольно". Засѣдатель могъ-бы и покончить на томъ; но его безпокоило мелочное разнорѣчіе въ показаніяхъ Мироненковой и Фроима: первая говорила, что въ карманѣ меньшей евреечки были куски стекла, а второй—что то были куски разбитой тарелки. Дана очная ставка и Мироненкова не стала противурѣчить.

Все это такъ предупредительно-поспѣшно, такъ строго-законно, такъ добросердечно и человѣколюбиво. Засѣдатель Тулубъ, представивъ въ судъ вышеприведенное свое заключеніе, поспѣшилъ даже отнестись къ капитану Рожманту о снятіи съ Фроима военнаго караула. Но надо знать этихъ добрыхъ судей добраго стараго времени. Все въ ихъ дѣйствіяхъ было предусмотрѣно, строго разсчитано, но такъ искусно замаскировано, что напрасно вы стали-бы судить по ихъ дѣйствіямъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. У нихъ во всемъ былъ свой особый разсчетъ. Поспѣшность суда—отъ чего? Надо ревность показать, быстроту дѣйствія, преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но при этомъ какъ-то невзначай, въ попыхахъ, конечно, забывается о судебно-медицинскомъ, даже простомъ осмотрѣ. Что-же? Дополнить можно: въ тѣ времена годы, десятки лѣтъ проходили въ дополненіяхъ. Оно и лучше для самаго дѣла: вѣдь это не какія либо серьезныя и глубокія раны, которыя и потомъ обнаружатъ несвоевременность осмотра, это лишь царапины, легкіе порѣзы верхнихъ покрововъ кожи, и только въ редакціи волостнаго писаря явилось тутъ „испущеніе большой крови". Нѣ-

сколько дней и на быстро работающемъ дѣтскомъ организмѣ отъ нихъ не останется и слѣда. Тогда безопасно можно и осмотръ произвести и слѣдствіе дополнить. Такъ и поступилъ земскій судъ. Какъ однако ни медлилъ онъ командировкою врача, все таки врачъ Кладкевичъ (военный), производившій освидѣтельствованіе пятимѣсячнаго Өедора Мироненка, нашелъ „небольшой значекъ подъ ляшкою, присохшій“; но, по его мнѣнію, онъ „вреда на тѣлѣ и малѣйшаго не причинилъ.“

Семь мѣсяцевъ лежало это дѣло въ васильковскомъ земскомъ судѣ и только 2-го мая 1833 года передано въ васильковскій магистратъ, которому, какъ мѣщанинъ, подсуденъ былъ Фроимъ. Зачѣмъ такъ долго лежало?—А неравно обвиняемый или потерпѣвшая поинтересуются положеніемъ дѣла и оборотомъ, какой оно можетъ принять: вѣдь надо-же ихъ любопытству удовлетворить... Въ томъ и особенность старыхъ судовъ, что они быстро набрасывались на дѣло новое, чѣмъ либо выдающееся и какую либо надежду подающее, и потомъ не выпускали его изъ рукъ, доколѣ не выжмутъ изъ него все.

Передачею въ магистратъ законченнаго слѣдствія земскій судъ могъ-бы покончить свою роль въ возникшемъ дѣлѣ, если-бы его засѣдатель не вздумалъ сорвать съ головы 5 рублей на поѣздку въ с. Плисецкое военнаго врача Кладкевича, хотя, мимоходомъ сказать, на эту сумму можно было тогда и весь уѣздъ проѣхать и назадъ вернуться. Видно, голова не хотѣлъ своего подарить, и судъ просилъ магистратъ съ рѣшеніемъ дѣла опредѣлить, на чей счетъ должны быть обращены эти 5 р. Въ своемъ заключеніи о Фроимѣ онъ сослался на указы Екатерины 10 февраля 1763 года, въ которомъ выражено ея изреченіе, впослѣдствіи такую громкую извѣстность получившее, что, при недостаткѣ уликъ, лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить, а противъ Мироненковой указалъ на суровый военный законъ, обращавшій грозившее обвиняемому наказаніе на голову не доказавшаго извѣтчика.

Спустя мѣсяцъ, магистратъ положилъ рѣшеніе, какое по ходу слѣдствія и приведеннымъ законамъ не трудно опредѣлить. Фроима обѣлили: самъ онъ,—значится въ рѣшеніи магистратскомъ, не повинился, по слѣдствію ни въ чемъ не уличенъ, а по повальному

обыску одобренъ, почему и опредѣлено оставить его отъ суда свободнымъ.—„Виновнаго не оказалось“, прибавлялъ магистратъ, но чѣмъ предавать, по обычаю тогдашнему, дѣло въ волю Божію, усмотрѣлъ вину въ „простолюдчествѣ“ (невѣжественной простотѣ) Мироненковой „по одному только предосужденію“ (предубѣжденію, предразсудку), почему постановилъ внушить ей и „впредь отъ такихъ нелѣпыхъ предосужденій воздержаться“ и на ея же счетъ обратилъ и тѣ 5 рублей, что проѣздилъ военный врачъ Кладкевичъ.

Магистратскіе, да и земскіе судьи, не менѣе Мироненковой повинные „въ предосужденіи отъ простолюдчества“, именно по этому одного не могли сообразить, что если она по одному невѣжественному предразсудку могла заподозрить семью сосѣда - еврея въ столь тяжкомъ преступленіи, то не существовалъ-ли и въ противной сторонѣ и средѣ, къ которой она не принадлежала, не менѣе невѣжественной и дико-фанатичной, соотвѣтственный предразсудокъ или повѣрье, если не въ употребленіи, то только въ „испущеніи христіанской крови“ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ слышала Мироненкова, еврейскія женщины дѣтей рождаютъ, и не подвинулъ-ли этотъ предразсудокъ семью Фроима на то незначительное тиранство надъ христіанскимъ младенцемъ, отъ котораго онъ въ здоровьи не пострадалъ. Но какъ проникнуть въ темную еврейскую среду, въ глубь ея вѣрованій и предразсудковъ, во мракъ дѣяній, изъ нихъ проистекающихъ? И голова, и капитанъ, и земскій засѣдатель, и Магистратъ, и сама Мироненкова напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, „не съ *подущенія*-ли его Фроима (на этомъ все подозрѣніе и слѣдствіе держатся) двѣ малолѣтнія дочери его рѣшились на „испущеніе христіанской крови“, когда матери ихъ пришлось родить. Отъ всего процесса только и остается для насъ новый оттѣнокъ народнаго вѣрованія о суевѣрномъ употребленіи евреями христіанской крови; но было-ли такое суевѣріе въ еврейской массѣ, или оно только плодъ суевѣрія нашего народа, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

И выходитъ, какъ мы въ началѣ сказали, что въ такихъ дѣлахъ ни одна сторона ничего не можетъ доказать. Приведенное дѣло одно изъ тысячныхъ тому доказательствъ. Нужны какіе либо другіе пріемы для разрѣшенія этого вопроса, играющаго и въ наше время не малую роль въ жизни обѣихъ народныхъ массъ

Матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 г.

Въ то время, когда въ Россіи царствовала Екатерина II, въ юго-западномъ русскомъ краѣ, пребывавшемъ еще подъ властію польской Рѣчи Посполитой, происходило гайдамацкое движеніе, разразившееся въ 1768 году страшною уманскою рѣзнею. Послѣднее событіе на первый разъ представляется какъ-бы отдѣльнымъ эпизодомъ въ исторіи южно-русскаго народа. Такъ на него долго смотрѣли и многіе искали причинъ этого событія въ ближайшихъ къ тому времени явленіяхъ, и дѣйствительныхъ, и вымышленныхъ, никогда не происходившихъ. Польскіе историки обыкновенно взваливали вину, главнымъ образомъ, на русскую политику того времени и давали вѣру баснѣ о томъ, будто императрица Екатерина II черезъ своихъ агентовъ разсылала манифестъ, которымъ разожгла противъ поляковъ южно-русское простонародіе, исповѣдующее, наравнѣ съ цѣлымъ народомъ русскимъ, православную (или, какъ ее называли поляки, схизматическую) религію. (Ср. Morawski, Dzieje Polski. V. 87. Józ. Szujskiego, Dzieje Polski, IV. 440). Русскіе изслѣдователи опровергали эту басню. Соловьевъ (Истор. Росс., XXVII, стр. 307), опираясь притомъ на свидѣтельство одного польскаго писателя, указалъ даже лицо, сложившее подложный манифестъ отъ имени русской государыни. Между тѣмъ этотъ документъ вездѣ въ Европѣ почитался за подлинный манифестъ русской государыни и съ такимъ же значеніемъ былъ во французскомъ переводѣ напечатанъ въ Сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ. Въ Кіевѣ въ 1879 году издана была книжечка: «Уманская рѣзня». Это переводъ извѣстнаго въ польской литературѣ мемуара г-жи Кребсъ, которая въ своемъ дѣтствѣ была свидѣтельницею уманскаго событія, ставшаго трагическимъ для ея родителей да и для ней самой. Переводчикъ, г. Рева, въ своемъ предисловіи къ издаваемому переводу, критически разобралъ этотъ манифестъ и доказалъ неоспоримо его подложность. Въ послѣднее время (Кіевская Стар., 1882 г., мѣсяцъ май, стр. 308—310) напечатанъ подлинный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 9 іюля 1768 г., распространенный тогда-же на польскомъ языкѣ между жителями Рѣчи Посполитой. Въ немъ русская государыня извѣщала всѣхъ, что ходившіе подъ ея именемъ указы — подложны, никто отъ ней не посылался подни-

мать ея единовѣрцевъ противъ согражданъ иныхъ вѣроисповѣданій, и тѣ, которые выдаютъ себя за отрядъ низового запорожскаго войска, будто-бы отправленный по ея волѣ — не болѣе какъ воры, разбойники, нарушители общественнаго спокойствія, а потому будутъ, послѣ ихъ поимки, подлежать карѣ. Обѣщалось помилованіе только тѣмъ изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, окажутъ участіе въ поимкѣ зачинщиковъ и будутъ представлять пойманныхъ ближайшимъ войсковымъ командамъ. Нѣтъ ни единаго несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, подающаго хотя-бы только намекъ на подущеніе южно-русскаго простонародія со стороны русской государыни. Однако, ни отсутствіе вѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни явная несостоятельность документа, на которомъ основывалось обвиненіе, не могутъ до сихъ поръ выбить изъ головы у польскаго общества увѣренности въ участіи Россіи и ея государыни въ этомъ дѣлѣ. Поляки всегда готовы приписывать вліянію Мо̀сквы и москалей все дурное, испытанное Польшею въ прошедшія времена, не исключая даже и такихъ временъ, когда не существовало Москвы. Такъ православіе называютъ поляки московскою вѣрою и готовы сами вѣрить и другихъ увѣрять, что приверженность подвластнаго имъ русскаго народа къ православной или восточной вѣрѣ была навѣяна и подогрѣвалась москалями; поляки не хотятъ знать, что въ южной и западной Руси еще прежде, чѣмъ эти края очутились подъ польскою властію, господствовала православная вѣра греко-славянскаго обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и въ поминѣ не было; а слѣдовательно приверженность народа къ вѣрѣ своихъ предковъ естественно могла проявляться безъ всякаго посторонняго воздѣйствія. При существующемъ настроеніи польскаго міросозерцанія не удивительно, если въ такихъ вопросахъ, какъ возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства, поляки хватаются за всякое обвиненіе противъ Россіи, вовсе не заботясь подвергать его критикѣ, и разъ усвоивши его себѣ, съ трудомъ отъ него отстанутъ. Кромѣ патріотическихъ предубѣжденій, отчасти поддерживаетъ невѣрные взгляды и скудость числа изданныхъ вѣрныхъ источниковъ, которые бы могли пролить болѣе свѣта и установить правильныя воззрѣнія. Правда, въ издаваемомъ кіевскою археографическою коммисіею Архивѣ юго-западной Россіи напечатано уже не мало документовъ, относящихся къ состоянію народа въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ и даже спеціально къ гайдамачеству, съ превосходными изслѣдованіями, составляемыми на основаніи печатаемыхъ документовъ и прилагаемыми въ качествѣ предисловій къ каждому тому изданія. Но изданіе Архива юго-западной Россіи не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманская рѣзня. Тѣмъ не менѣе однако, изданные до сихъ поръ документы, относящіеся къ XVIII вѣку достаточно уже показываютъ, что событіе, совершившееся въ 1768 году, неизбѣжно должно было состоять въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода событій, происходившихъ въ предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся рѣзко

въ половинѣ XVII столѣтія эпохою Хмельнищины, не окончилась въ XVII вѣкѣ, а перешла въ осьмнадцатый вѣкъ. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Украина правой стороны Днѣпра, вслѣдствіе возникшихъ тамъ усобицъ, подпала снова подъ власть поляковъ, но южнорусскій народъ не хотѣлъ оставаться подъ ненавистною для него властію и энергически возставалъ противъ ней, опираясь на помощь со стороны московскаго государства. Скоро однако московское правительство заключило перемиріе съ Польшею и формально, по договору уступило Польшѣ правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось, само не зная, что дѣлать, подпадало подъ управленіе разныхъ своихъ-же гетмановъ, споривших между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь-бы не быть подъ властію поляковъ, и тогда южно-русскій народъ, спасаясь отъ ужасовъ, раздиравшихъ его отечество, сталъ толпами убѣгать за Днѣпръ и селиться на земляхъ, принадлежавшихъ московскому государству. Такимъ образомъ заселилась слободская Украина, а правобережная Украина все пустѣла и пустѣла и наконецъ совершенно опустѣла. Остались южнорусскіе жители въ такъ называемомъ Полѣсьѣ, на Волыни и въ сѣверной части Подоліи, да въ Червоной Руси, состоя подъ властію Польши, находясь въ зависимости, иные же и въ полномъ порабощеніи у польскаго шляхетства. Край, лежавшій къ востоку отъ этихъ странъ, собственно Украина козацкая, занимавшая пространство значительной части нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, сдѣлался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться въ такомъ состояніи. Уже въ концѣ XVIII вѣка возникло у малорусскаго народа стремленіе населять эту пустыню, хотя еще недавно покинутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманивавшую къ себѣ и плодородіемъ своей почвы и благодатнымъ климатомъ и раздольнымъ привольемъ. Русское правительство сдерживало побѣги народа какъ изъ лѣвобережной Украины, такъ и изъ Слободской. Однако правобережная Украина годъ отъ году все болѣе и болѣе заселялась пришельцами изъ этихъ странъ. Новосельцы являлись туда съ унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ непріязнію къ польскому шляхетству, а попытки поляковъ распространить на нихъ свою власть и водворить между ними прежніе порядки привели къ кровавымъ столкновеніямъ. Вспыхнуло возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства не только въ Украинѣ, заселявшейся вновь, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно не переставало пребывать подъ шляхетскою властію. Возстаніе это вызвано было появленіемъ козачества, недавно возродившагося, разгорѣлось въ 1702 году, было укрощено свирѣпыми мѣрами, но не было погашено совершенно. Въ 1711 году Украина козацкая, находившаяся въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, какъ-бы въ чересполосномъ владѣніи Россіи и Польши, населенная козаками, которые по своему званію подчинялись регименту малороссійскаго гетмана лѣвобережной Украины, была окончательно уступлена отъ царя Петра Польшѣ. Всѣмъ тамошнимъ козацкимъ старшинамъ и рядовымъ козакамъ дозволялось съ

своими семьями и движимыми имуществами переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра и каждому, по своему желанію, водворяться въ какомъ-нибудь изъ козацкихъ полковъ лѣвобережной гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властію царской державы (Арх. юго-зап. Росс. Ч. III, т. I, 757). Тогда козачество совершенно уничтожилось въ правобережной Украинѣ, возвращенной русскимъ государемъ польской Рѣчи Посполитой. Нѣкоторые изъ тамошнихъ козаковъ воспользовались дарованнымъ дозволеніемъ и переселились въ царскія владѣнія; другіе остались на мѣстахъ прежняго жительства и подпали подъ власть шляхетства, начавшаго тотчасъ-же утверждать свое господство въ новопріобрѣтенномъ краѣ.

Польскіе паны въ Украинѣ захватили пустыя земли; для веденія хозяйства имъ нужна была рабочая сила, и они стали зазывать къ себѣ насельниковъ, привлекая обѣщаніями льготъ и разныхъ выгодъ. Украина стала тогда заселяться снова еще разъ и все людьми того-же южно-русскаго происхожденія, къ которому принадлежали и прежніе жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обѣщаніями, но съ тайнымъ недовѣріемъ къ этимъ обѣщаніямъ и съ непріязнью въ сердцѣ къ польскому шляхетству. Такое недовѣріе съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени осталось типичною чертою южно-русскихъ поселянъ того края. Не могла скоро испариться непріязнь къ панамъ-ляхамъ, напротивъ она стала еще развиваться, потому что польскіе паны не оставили прежняго способа обращенія съ подвластнымъ южно-русскимъ народомъ, отдавая его въ волю арендаторамъ доходовъ своихъ, а эти арендаторы были обыкновенно іудеи. Не покинули паны и своего завѣтнаго католическаго фанатизма и стали по старому пытаться вводить въ народъ унію. И вотъ—опять открылась борьба южно-русскаго простонародія съ польскимъ шляхетствомъ. Борьба эта явилась теперь въ новой формѣ. Эта форма была—гайдамачество. Оно, по характеру и пріемамъ своей дѣятельности, походило на прежнее козачество, но отличалось отъ него отсутствіемъ сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать въ краяхъ волынскомъ и подольскомъ еще до передачи отъ царя Петра Украины Польшѣ: оно было тогда непосредственнымъ продолженіемъ неугашеннаго возстанія 1702 года. Не переставали возникать ватаги «своевольныхъ гультаевъ», составлявшіяся изъ порабощенныхъ шляхетству поселянъ, къ которымъ приставали мѣщане и всякіе пришельцы, между прочимъ даже и люди шляхетскаго происхожденія. Въ польскомъ обществѣ почти всегда господствовало нестроеніе и происходили явленія своевольства. Не рѣдко обыватель шляхтичъ, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ обывателемъ, такимъ-же шляхтичемъ, вмѣсто того, чтобъ начать противъ него судебный искъ, нападалъ на его имѣніе съ ватагою, составленною изъ своихъ и чужихъ крестьянъ и разныхъ «гультаевъ». При такихъ наѣздахъ происходили всякія безчинства и разоренія. То было въ шляхетскихъ нравахъ. Въ сохранившихся уголовныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ зачастую попадаются имена лицъ «урожоныхъ»,

т. е. лицъ шляхетскаго происхожденія въ качествѣ участниковъ и не рѣдко предводителей гайдамацкой ватаги. Такимъ образомъ шляхетство своими обычными наѣздами другъ на друга, само пріучало подвластныхъ ему хлоповъ къ самовольству и собственнымъ примѣромъ дало имъ повадку расправляться и за себя путемъ насилія, а не путемъ закона, который въ Польшѣ вообще былъ малосиленъ.

Съ утвержденіемъ шляхетскаго господства въ бывшей козацкой Украинѣ, получившей прежнее административное наименованіе кіевскаго воеводства, и въ этомъ краѣ распространилось гайдамачество и тамъ нашло оно свой главный центръ. Польскіе историки придаютъ ему разбойничій характеръ. Оно и должно было имѣть его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашнимъ общественнымъ порядкомъ; ихъ преслѣдовали власти, и они по необходимости должны были скрываться въ лѣсахъ и не быть разборчивыми въ добываніи способовъ къ своему существованію, по крайней мѣрѣ, пока не пріобрѣтутъ къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ сочувствія ее единовѣрныхъ и единоплеменныхъ обывателей страны. Но послѣднее случилось скоро, благодаря накоплявшейся все болѣе и болѣе враждѣ простонародія къ шляхетству. Число гайдамаковъ увеличивалось въ южно-русскихъ краяхъ, подвластныхъ Польшѣ, умножались ихъ шайки большею частію панскими подданными, и мѣры къ ихъ истребленію для польскаго шляхетства становились все болѣе и болѣе затруднительными. По сосѣдству съ Украйною, на югъ отъ нея, находилось Запорожье, край населенный воинственнымъ братствомъ того-же южно-русскаго племени, всегда готовымъ откликнуться къ народнымъ страданіямъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и подать имъ помощь. Запорожцы приходили въ прямое и непосредственное общеніе съ гайдамаками, наполняли собою ихъ ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этихъ ватагъ, какъ люди болѣе опытные и искусные въ войсковомъ дѣлѣ. Борьба шляхетства съ гайдамачествомъ готовилась превратиться въ открытую борьбу двухъ національностей: польской поработительной и порабощенной южно-русской, искавшей себѣ освобожденія. Въ Украйнѣ правой стороны Днѣпра зачиналось снова возрожденіе дважды убитаго козачества. Эпоха этой борьбы изображена въ изданныхъ кіевскою археографическою коммисіею документахъ подъ редакціею профессора В. Б. Антоновича (Арх. югоз. Росс. ч. III. Т. II).

«Гайдамачество», говоритъ достопочтенный профессоръ въ предисловіи къ изданнымъ документамъ, — «сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ быту юго-западнаго края: крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе; количество крестьянъ, поступавшихъ или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамацкое движеніе раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественнаго строя. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и разрозненности дѣйствій гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько-нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось шляхетству на этотъ разъ предот-

вратить катастрофу тѣми экстренными мѣрами, какія были приняты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями (ibid. стр. 124). Тогда весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими отрядами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленіяхъ и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычныя занятія; они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ или могли призвать послѣднихъ, если-бы помѣщикъ сталъ настоятельно взыскивать панщину, они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ, такъ какъ проѣхать въ «гродъ» было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались гродскіе суды, подвергались нападеніямъ. Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя «Коліивщины» (ibid. стр. 126—127, 128).

Нѣсколько лѣтъ уже мы ожидаемъ выхода въ свѣтъ новаго тома актовъ о гайдамакахъ, который должна издать кіевская археографическая коммисія. Этотъ второй томъ будетъ заключать документы, относящіеся къ 1768 году, къ эпохѣ уманской рѣзни. Въ чаяніи появленія этого желаннаго изданія не будетъ, надѣемся, излишнимъ, напечатаніе четырнадцати документовъ, касающихся означенной эпохи. Документы эти доставлены намъ отъ г. Поля, екатеринославскаго обывателя, извѣстнаго въ своемъ краѣ знатока мѣстной старины, чрезъ посредство А. Л. Боровиковскаго, которымъ обоимъ считаю долгомъ принести мою признательность за любезное и обязательное вниманіе. Кромѣ одного. польскаго письма съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ то время (№ 1), гдѣ убѣжавшій отъ уманскаго погрома полякъ описываетъ близкую къ себѣ трагедію въ своеобразныхъ чертахъ, нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ относятся къ личности Неживого, одного изъ предводителей гайдамацкихъ ватагъ, до сихъ поръ извѣстнаго только по голому имени. Этотъ Неживый самъ лично не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтою, но расправлялся съ поляками и іудеями въ другихъ жилыхъ мѣстностяхъ правобережной Украины, между прочимъ въ Мошнахъ, Каневѣ, Медвѣдовкѣ и получилъ отъ обывателей этихъ городковъ свидѣтельства на письмѣ о томъ, что онъ не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и іудеевъ, дѣлавшимъ имъ обиды. Неживый сносился съ начальниками командъ войска русской императрицы, разставленныхъ въ пограничныхъ форпостахъ, излагалъ имъ въ своихъ отпискахъ причины, принудившія его взяться за оружіе, и прилагалъ при своихъ отпискахъ выданныя ему свидѣтельства украинскихъ обывателей (№№ 2. 3. 4. 89).

И онъ самъ и тѣ земляки его, что давали ему свидѣтельства, изъявляли желаніе вѣрно служить императрицѣ всероссійской. Но потомъ Неживый, не заставши въ Крыловѣ ни одного человѣка изъ поляковъ и іудеевъ и узнавши, что

всѣ они оттуда убѣжали подъ защиту русскихъ войскъ, сталъ этимъ недоволенъ и домогался выдачи своихъ жертвъ (№ 5). 18 iюня Неживый съ своею ватагою взялъ мѣстечко Палѣево-Озеро, перебилъ тамъ захваченныхъ враговъ, но нѣкоторые успѣли заранѣе убѣжать въ турецкiй городокъ Балту. Неживый послалъ къ тамошнему каймакану просьбу о выдачѣ бѣглецовъ. Но турки не только не выдали ихъ, а еще послали военную силу и сожгли Палѣево-Озеро, откуда гайдамаки тѣмъ временемъ выступили. (№ 7) Неживый овладѣлъ турецкою слободою Голтою близь Балты, гдѣ также расправился по гайдамацки съ поляками и iудеями, какихъ успѣлъ тамъ застать (№ 6), а 26 iюня онъ былъ въ Крыловѣ, откуда послалъ къ одному изъ русскихъ командировъ, подполковнику Хорвату, просьбу о выдачѣ бѣглецовъ, обреченныхъ на гибель народнымъ мщенiемъ и изъявлялъ желанiе лично объясниться съ русскимъ военнымъ начальствомъ. По этому поводу произошло свиданiе Неживого съ высланнымъ для этой цѣли русской службы офицеромъ, поручикомъ кн. Мапвеловымъ. Оно происходило на «греблѣ» (плотинѣ) по указанiю Неживого. На всѣ представленiя гайдамацкаго предводителя русскiй офицеръ на отрѣзъ объявилъ, что невозможно выдавать бѣглецовъ, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый съ своимъ отрядомъ удалился изъ Крылова, установивши тамъ козацкiй порядокъ и назначивши атамана, какъ это дѣлалось во всѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ, приставшихъ къ гайдамацкому возстанiю. Отъѣзжая Неживый объявилъ атаману и всѣмъ крыловскимъ обывателямъ, чтобъ они, въ случаѣ нужды, обращались съ просьбою о защитѣ къ русскому войску, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ тамошнiя мѣста будутъ принадлежать россiйской, а не польской державѣ и всѣ они должны считать себя россiйскими, а не польскими обывателями (ibid). Но въ iюлѣ получены были отъ верховной власти (вѣроятно послѣ манифеста императрицы отъ 9 iюля, напечатаннаго въ майской книжкѣ «Кiевской Старины») предписанiя о преслѣдованiи гайдамаковъ, и кiевскiй генералъ-губернаторъ Воейковъ разсылалъ подначальнымъ командирамъ соотвѣтствующiе приказы (№№ 11. 12). Изъ елисаветградской провинцiи отправлены были въ погоню за гайдамаками отряды гусарскихъ пикинерныхъ и компанейскихъ командъ, и приказано было объявить всѣмъ польскимъ шляхтичамъ, укрывшимся отъ погрома въ елисаветградской провинцiи, что они могутъ спокойно пребывать въ русскихъ владѣнiяхъ подъ высочайшею защитою до совершеннаго истребленiя гайдамаковъ и до возстановленiя порядка въ ихъ отечествѣ, когда возможно будетъ имъ безопасно возвратиться въ свои жилища. Но такая-же милость оказана была и польскимъ козакамъ, которые изъявляли желанiе переселиться въ русскiя владѣнiя подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотятъ быть въ согласiи съ барскою конфедерацiею, а такое несогласiе выставлялось побудительною причиною и у гайдамаковъ къ возстанiю противъ польскихъ властей. Имъ дозволялось по желанiю переходить въ Россiю и селиться тамъ съ своими семьями, устроиваясь слободами, по указанiю начальства. Первый примѣръ показалъ прибывшiй въ Кременчугъ еще въ апрѣлѣ 1768 года

козацкій атаманъ Сухина съ шестидесятью двумя человѣками, прибѣгнувшій подъ высочайшій покровъ ея императорскаго величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ (№ 13). За тѣмъ всѣхъ пойманныхъ гайдамаковъ, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно изъ запорожцевъ, доставленныхъ въ елисаветградскую провинцію и особенно въ Кременчугъ, приказано было судить и за доказанное сопротивленіе оружію ея императорскаго величества, а равно за разнообразныя варварства, совершенныя ими въ Польшѣ, приговорить къ смертной казни, но предъ самымъ исполненіемъ ея измѣнить въ тѣлесное наказаніе кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и съ вырваніемъ ноздрей, послѣ чего отправить въ ссылку въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы (№ 13) [1]).

Послѣдній изъ печатаемыхъ здѣсь документовъ—секретное письмо Воейкова находившемуся въ Кременчугѣ бригадиру Черткову, отъ 14 декабря того-же года о препровожденіи изъ Смѣлой содержавшихся тамъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ числѣ гайдамаковъ, а между ними оказывается поручикъ черного гусарскаго полка Станкевичъ. Неизвѣстно, было-ли это единичное явленіе, когда русскій офицеръ участвовалъ въ возстаніи южно-русскаго народа противъ польскаго шляхетства, или можетъ быть это былъ одинъ изъ немалаго числа такихъ.

Н. Костомаровъ.

С.-ПБ. Май.

№ 1.

Письмо пана Якова Кузалкевича къ русскому полковнику Чорбѣ, съ описаніемъ уманской рѣзни 1768 года [2]).

Съ величайшимъ почтеніемъ получилъ я письмо вашего высокородства ко мнѣ и вмѣстѣ съ нимъ и приказъ къ его благородію г. поручику Мацкову на счетъ помѣщенія и безопасности въ Архангродѣ, за что и повергаю къ ногамъ его благодарность. Теперь же, пока самъ буду въ возможности пасть къ ногамъ вашей вельможности, ужасное, неслыханое и никогда не практикованное (неслучавшееся) дѣлаю донесеніе, что гайдамаки числомъ въ нѣсколько сотъ, соединившись съ крѣпостными уманскими и коза-

---

[1]) Вотъ неотразимое опроверженіе польскимъ писателямъ, клевещущимъ на Екатерину II, будто она не наказывала своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 года, а иныхъ даже и награждала.

[2]) Подлинное письмо на польскомъ языкѣ, но при немъ современный переводъ на русскій языкъ, сдѣланный по полученіи письма. Мы печатаемъ одинъ лишь переводъ, найдя оный вполнѣ сходнымъ съ подлинникомъ.

ками тамошними, т. е. съ сотникомъ Кгонтенкомъ и Уласенкомъ тожъ сотникомъ и другими ватагами уманскими, которые измѣнили присягѣ въ вѣрности къ высокородному благодѣтелю своему, штурмомъ взяли Умань, гдѣ собравшихся съ разныхъ сторонъ для безопасности дворянства съ имуществомъ, женами дѣтьми около пяти тысячъ и болѣе и жидовъ тоже со всѣмъ имуществомъ, женами и дѣтьми болѣе семи тысячъ всѣхъ безъ малѣйшаго исключенія дня 21 іюня по римскокатолическому календарю текущаго года до ноги вырѣзали и между ними губернатора Младановича, подскарбія Рогашевскаго, для заключенія договоровъ на счетъ имѣній отъ его высокородія пана воеводы нашего высланнаго, съ женами и дѣтьми, а равнымъ образомъ и ксендзовъ какъ латинскаго обряда, такъ и отцовъ базиліанъ съ прихода тамошняго и монастыря Маньковецкаго варварски поумерщвляли и повѣшали. Кромѣ того, въ костелѣ и часовнѣ отцовъ базиліановъ олтари и образа поопрокидывали, стрѣляли, списами (пиками) кололи, пресвятыя тайны на землю съ дарохранительницы (cymborium) выбросили, топтали, обезчещивали, образъ самаго Спасителя, изображеннаго на крестѣ, списами кололи, стрѣляли и, наконецъ, за голову повѣсили; у распятіи головки пообрывали и велѣли женщинамъ эти головки Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какія оскверненія изображеніямъ самаго Бога дѣлали, чего бы даже и бусурмане не дѣлали. Цѣлый городъ и предмѣстье покрыли трупами. Я только съ пограничча до Архангр££ада, а другой высокородный полковникъ Обухъ съ частію семейства, и то отдѣльно, съ помощію Божіею, спаслись бѣгствомъ. Бунтъ возрастая въ силѣ, все дальше въ польскій край подвигается и умножается, и до того доходитъ этотъ край злополучія, что свои на своихъ нападая погибаютъ взаимно, и гдѣ былъ только дворянинъ или полякъ или жидъ, вездѣ своимъ коварнымъ шпіонствомъ разузнали и погубили. Мы только съ женами находимся здѣсь въ Архапградѣ и отсюда желаемъ отправиться въ Елисаветъ, Кременчугъ и Кіевъ для снисканія покровительства (защиты) имѣніямъ его вельможности нашего благодѣтеля. Сообщая(ю) при этомъ ужасныя продѣлки Максима Желѣзняка, Войска Низового запорожца, который успѣлъ распустить множество своихъ воззваній и прокламацій во всей Уманьщинѣ, а также Ивана Кгонтенка и Пантелеймона Уласенка, уманскихъ сотниковъ. Желая этимъ просить великодушнаго покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разореніе имуществамъ

вельможнаго пана и благодѣтеля нашего, не имѣю никакой возможности извѣстить васъ о семъ, ибо эти злодѣи наполнили край и всѣ дороги позанимали, развѣ чрезъ Кіевъ, пользуясь покровительствомъ г. генералъ-аншефа, генералъ-губернатора кіевскаго, къ которому дѣлаемъ особенное донесеніе, всепокорнѣйше прося, чтобъ это письмо, приложенное къ оному донесенію, дошло вскорости рукъ вашихъ въ Кіевѣ. А при семъ прилагаемъ еще всепокорнѣйшую просьбу къ вашей милости, чтобы особымъ указомъ г-дамъ пограничнымъ коммендантамъ русскимъ приказано было дѣлать розыскъ деньгамъ, серебру и другимъ вещамъ, таскаемымъ въ тѣ стороны, и чтобы вещи тѣ оставались при командахъ до дальнѣйшаго распоряженія вашего, котораго великодушію и покровительству препоручаясь, имѣю честь писаться

Вашей вельможности, милостиваго государя, нижайшій слуга Яковъ Кузалкевичъ.

11 іюля 1768 г.

Архангрworld[1]).

№ 2.

Письмо запорожскаго атамана, уманскаго куреня, Семена Неживого къ гусарскаго полка командиру Өедору Чорбѣ, 21 іюня 1768 г.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ полковникъ, правящій командою, нашъ всегдашній благодѣтель.

Поневажъ въ польской области показалося немалое разореніе, яко и въ староствѣ чигиринскомъ отъ году 1766-го отъ уніатъ, которые уніаты народу христіанскому великіе бѣды и разоренія дѣлали, при томъ-же разореніи, священниковъ благочестивыхъ словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникамъ и монахомъ тое дѣлали, но и народу христіанскому, и еще войско конфедерацкое, въ Украину спровадивши, хотѣли народъ христіанскій мучити, яко в городѣ Каневѣ отъ козакъ отобравши ружья хотѣли (ихъ) смертью казнить. Я Семенъ Неживый, атаманъ курѣнный уманскій, видячи кривду народа православнаго, собравши козаковъ, вооружился и тѣхъ

[1]) Нынѣ посадъ херсонской губерніи на рѣкѣ Синюхѣ, на самой границѣ кіевской и херсонской губерніи, иначе называемой Архангельскъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ находилось русское пограничное укрѣпленіе.

конфедератовъ зъ Украины отогналъ, а нѣкоторыхъ ляховъ и жидовъ смерти предалъ. Теперича содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородiя милостивой резолюцiи: что мнѣ впредь поступать; поневажъ со всею своею командою народу христiанскому никакой обиды не дѣлалъ и которые города доставалъ, и тѣ города подписалися, при которомъ письмѣ до вашего высокородiя для разсмотрѣнiя и предоставляю. В. в-дiя покорный слуга, атаманъ курѣня уманскаго Семенъ Неживый со всѣмъ своимъ товариствомъ.

Iюня 21 дня, 1768 г. зъ Медведовки.

№ 3.

Свидѣтельство отъ мошенцевъ.

Благородному и достопочтенному г-ну атаману курѣня уманскаго войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ мошенскихъ.

За прибытiемъ къ намъ зъ войскомъ г-на атамана Семена Неживого в мѣстечко Мошна наши мѣщане мошенскiе, видя свою крайнюю нужду и отягощенiе отъ ляховъ, такъ и отъ войсковыхъ, яко тежъ и отъ губернатора мошенскаго Подгородецкаго, который то Подгородецкiй много людямъ мошенскимъ разныхъ обидъ делалъ не толко свецкому народу, но и духовному чину за благочестiе: людей свецкихъ до полусмерти кiями забивали, унiатамъ гонителямъ великую протекцiю давалъ во всемъ, что наши священници мошенскiе, которые до благочестiя пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывалися; сверхъ-же того той-же губернаторъ на нашу громаду великое страхованiе наносивъ и за подлинно мнилъ на насъ конфедерацiю спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христiанъ ни однiй души в живыхъ не осталося, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели-бъ мы смерти нечаянной отъ поляковъ не убѣгли, и близко тое уже к намъ приходило. Чтоже г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностiю его в Мошнахъ и з воинствомъ людямъ нашимъ мошенскимъ ни меншей кривды не учинилъ, совестiю о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами. Атаманъ городовый мошенскiй Василь Кирченко, Иванъ Бабичъ, Марко Гречула, Иванъ Левченко, Антонъ Швець, Данило Яршовъ, Петро Высочинъ, Максимъ Птиченко, Иванъ Каля, Моисей Моргунъ, Андр. Дуда,

Грицко Слюсарь, Никола Сусенко, Корнѣй Костаченко, Иванъ Гречуха, Ѳесько Гречуха, Иванъ Яцына, Максимъ Швець, Ѳедоръ Прудевъ (послѣ каждаго значекъ ⊗).

Къ сему и цѣлая громада мошенская.

Дано сіе свидѣтельство в мѣстечкѣ Мошнахъ іюня 15, 1768 г.

№ 4.

Свидѣтельство каневскихъ мѣщанъ и козаковъ.

Благородному господину атаману курѣня уманского, войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ и козаковъ каневскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ до Канева, которому наши козаки каневскіе, видя свою нужду и ближнею смерть и прочихъ христіанъ, доносили ему атаману, чтобы посланнаго отъ нихъ съ таковымъ резономъ, что господа наши каневскіе въ замку обрѣтающіися совѣтовали между собою не премѣнять никакоже намѣренного дѣла: оныхъ козаковъ прежде атамановъ, потомъ рядовыхъ обрѣтающихся между собою, отобравши оружіе отъ нихъ, выгубити смертно. И съ тоей причины слышали отъ нѣкоторыхъ таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочихъ христіанъ; оные каневскіе козаки и просили вышепомянутаго атамана войска запорожскаго, но токмо слышали объ ономъ войску за нѣсколько недѣль. То вышепомянутый атаманъ посылалъ до замку три раза команды своей зъ писаніемъ козака, дабы оные господа каневскіе не опасовалися никакова разоренія отъ нихъ, но только посовѣтовать между собою желалъ. На то отвѣтствовали, что они—готовы до битвы.

И по тѣмъ тремъ посылкамъ видя ихъ противныхъ, приказалъ атаманъ дворъ поручиковъ согласно съ командою своею пустой запалить, отъ котораго то и замокъ загорѣлся, и въ то время господа каневскіе съ войскомъ польскимъ и козаками каневскими з дворовъ уступили; по выходѣ же зъ замку козаки отъ поляковъ отлучилися и прилучилися къ командѣ вышепомянутаго атамана и были при командѣ его. Той же вышепомянутый атаманъ, будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ каневскимъ никаковой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго

козаки и мѣщане каневскiе даемо квитанцiю съ подписанiемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство.

Въ Каневѣ iюня 12 дня року Божiя 1768. Яко же неумѣвшiе писанiю крестъ святый саморучно полагаемъ.

Леско Сало атаманъ козацкiй ✠

Алексѣй Галушка атаманъ, ✠

Иванъ Пи аной атаманъ ✠

Ив. Секанъ атаманъ ✠

И всѣ городовые козаки

Мѣщане: Василь Куссейко, атаманъ городовый ✠

Яковъ Серенко, Семенъ Ковальскiй цехмистръ, Прокопъ Лабаренко, Тимошанъ Крамарь. Послѣ каждаго имени слѣдуетъ знакъ ✠

№ 5.

Письмо атамана запорожскаго Неживого къ подполковнику Хорвату, въ которомъ жалуется, что русскiя военныя власти принимаютъ и укрываютъ поляковъ и жидовъ отъ козацкой расправы.

Высокородный и достойный почтеня господинъ подполковникъ Ив. Хорвате, нашъ всегдашнiй благодѣтель.

Случилося намъ съ командою прiѣхать въ Крыловъ полской, толко не имѣемъ себѣ того счастiя, что не застали а ни единого поляка, такжежъ и жида. Поневажъ пребралися всѣ подъ вашу команду въ границу россiйскую, и не знаемъ съ какой причины ваше высокородiе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непрiятелямъ Ея Императорскому Величеству, также жъ и правовѣрнымъ христiанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христiанскiй своимъ поганствомъ сквернятъ, то хиба Вашему высокородiю великое награжденiе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать хоча и сонныхъ. Понежваши (? [1]) не за имущества втруждаемося, только абы вѣра христiанская отъ насъ [2]) не была большъ скверненная и чтобъ не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христiанъ. А ежели ваше высокородiе не исполните [3]) нашего

---

[1]) Вѣроятно ошибка переписчика—вмѣсто: „поневажъ".

[2]) Можетъ быть описка: надобно было-бы—„отъ нихъ", такъ по смыслу рѣчи.

[3]) Быть можетъ и здѣсь переписчикъ описался вмѣсто: не изволите.

прошенія зделать, то просимъ всепокорнѣйше, абы вволили насъ [1]) къ намъ утрудиться хоча и на половину гребли для совѣту съ нами. Притомъ кланяемся вашему высокородію хлѣбомъ и солью; и мы не пріѣхали, чтобъ на воеводство къ вамъ, только за своимъ интересомъ, что намъ повелѣно дѣлать и притомъ зостаемся:

Вашему высокородію доброжелательные слуги
Семенъ Неживый атаманъ,
Василь сотникъ съ товариствомъ.

№ 6.

Рапортъ премьеръ майора Вульфа правившему въ крѣпости св. Елисаветы за коменданта Христіану Григорьевичу Корфу о гайдамацкомъ набѣгѣ на слободу Голту и о преслѣдованіи гайдамаками поляковъ и жидовъ.

Вчерашняго, то-есть 24 числа, въ третьемъ часу съ полдня, пріѣхавъ до девятнадцати человѣкъ запорожскихъ козаковъ въ ханскую слободу Голту, прислали двухъ человѣкъ своихъ къ тамошнему каймакану съ требованіемъ, чтобъ онъ выслалъ съ Голты укрывшихся туда поляковъ и польскихъ жидовъ. И какъ онъ каймаканъ выслать не похотѣлъ, то они запорожцы, прибѣжавъ туда, учинили тамошнимъ жидамъ грабительство и разореніе, и находящихся тамъ во укрывательствѣ двухъ польскихъ шляхтичей и до семи жидовъ польскихъ же до смерти закололи, а нѣсколько жидовъ, убѣгая ихъ запорожцевъ нападенія, хотя переплыть чрезъ рѣку Бугъ на здѣшнюю сторону для укрывательства, утонуло. Тожъ и сего числа въ десятомъ часу дня, во оную слободу Голту прибѣжавъ, нѣсколько изъ тѣхъ запорожцевъ человѣкъ, убили до смерти трехъ голтянскихъ жидовъ, а нѣкоторыхъ до полусмерти прибили, и имущество ихъ грабили. Почему я и голтянскій каймаканъ, опасаясь ихъ запорожцевъ, перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ, объявилъ мнѣ, что де посыланный отъ него каймакана въ запорожскій гардъ Бегилей, возвращаясь оттуда, обратно, видѣлъ, что запорожской команды на запорожскій гардъ перешло того же 24.

---

[1]) Въ спискѣ, бывшемъ у насъ, это слово поставлено въ скобкахъ. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи тотъ, что атаманъ Семенъ Неживый проситъ выѣхать къ нему на средину плотины, за которою на другомъ берегу онъ стоялъ съ козаками, для совѣщанія.

числа пѣшихъ до тридцати, а конныхъ до двадцати человѣкъ, и состоятъ въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты за пятнадцать верстъ, да переѣхавшіе съ ханской стороны на здѣшній орловскій форпостъ чумаки объявили, что вчерашняго жъ 24 числа видѣли на степи, въ ханской сторонѣ, близь Гарду, до полтораста человѣкъ запорожской команды пѣшей, а запорожскій гардовой писарь Быстрицкій, будучи у меня сего числа по его надобности объявилъ, что де на запорожскій Гардъ никакой команды не переходило на ханскую сторону, тоже и состоящей въ Гарду запорожской команды ни единъ де человѣкъ никуда не отлучался, а чаетъ только де та команда изъ числа находящейся въ Умани запорожской же команды; нѣкоторые же изъ перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орелъ изъ оной слободы Голты объявили, что де онѣ будучи во оной слободѣ Голтѣ слышали, что за Кодымой на ханской сторонѣ верстъ въ четыре собирается татарское войско, а для чего—неизвѣстно, о чемъ вашему высокородію рапортъ, и ежели паче чаянія тѣ запорожцы и отсель укрывшихся на здѣшней сторонѣ поляковъ и жидовъ о выдачѣ ему требовать станутъ, какъ въ томъ повелѣно будетъ, прошу вашего высокородія снабдить резолюціею.

Премьеръ-майоръ Владимиръ Вульфъ.

25 іюня
1768 года.

№ 7.

Показанія купцовъ о нападеніи запорожцевъ и гайдамаковъ на Палѣево-Озеро, избіеніи тамъ поляковъ и жидовъ и о покушеніяхъ на турецкое мѣстечко Балту.

1768 года 21 іюня въ крѣпости св. Елисаветы купцы Александръ Соломянцевъ, Евфимъ Шапошниковъ и Тимоѳей Балашовъ сказкою показали: въ бытность де ихъ въ мѣстечкахъ ханскомъ Балтѣ и польскомъ Паліевомъ-Озерѣ для торговаго промысла видѣли, что сегодня 18 числа пріѣхавъ во оное польское мѣстечко Паліево Озеро команда до трехсотъ человѣкъ, которые себя называли запорожцами, бывшихъ тамо поляковъ и жидовъ пиками покололи и имущества ихъ забрали, а потомъ съ оной команды послано двухъ человѣкъ во оное ханское мѣстечко Балту къ турецкому воеводѣ Якубу Агѣ съ прошеніемъ, чтобъ онъ укрывшихся туда поляковъ и жидовъ съ онаго мѣстечка на польскую

сторону выгналъ и чтобъ оной командѣ никакой обиды отъ стороны турецкой не было. Однакъ онъ воевода трехъ перешедшихъ туда для укрывательства поляковъ и жидовъ не выгналъ оттуда, и того-жъ числа оная команда, убоясь яко бы турковъ, съ онаго польскаго мѣстечка Палѣева-Озера выѣхала и не въ отдаленности отъ онаго мѣстечка стала; что усмотря турки, считая ихъ за гайдамаковъ, переѣхавъ на польскую сторону съ тѣмъ, чтобы ихъ ловить, оное польское мѣстечко Палѣево Озеро зажгли и, напавши того мѣстечка на купцовъ и прочихъ тамошнихъ жителей, начали рубить, считая ихъ за бунтовщиковъ, будто яко бы они тоя команды поддались, и потомъ побѣжали было за оною командою въ погонь, однакъ убоялись оной, возвратились въ мѣстечко Балту. Тожъ оная команда къ оному польскому мѣстечку возвратилась; на которую команду тѣ турки съ ихъ сторонъ до полдня съ ружья паля убили двухъ человѣкъ, тожъ одного грека и трохъ волоховъ. Оная команда на ихъ турковъ не палила; а послѣ какъ пріѣхало еще конной до четырехсотъ человѣкъ при ихъ полковникѣ таковой же команды,—а какъ онаго полковника зовутъ и прозываютъ неизвѣстно—съ четырьмя пушками, то въ ту пору и оная команда начала на турецкую сторону съ пушекъ палить; и тогда турки и прочіе тамошніе жители, убоясь, побѣжали съ онаго мѣстечка Балты, за которыми большая часть оной команды въ погонь побѣжала, и тамъ учинила сраженіе. А убито-ль кого на ономъ сраженіи или нѣтъ—неизвѣстны-жъ; а потомъ возвратились на польскую сторону, гдѣ оная команда до отъѣзду ихъ, купцовъ, оттуду находилась. Болѣе вышепоказаннаго они Соломянцовъ, Шапошниковъ и Балашовъ ничего не видѣли и не слыхали и что въ томъ по самой справедливости показали, въ томъ и подписались на подлинномъ тако:

Крѣпости св. Елисаветы купецъ Александръ Соломянцевъ, крѣпости св. Елисаветы купецъ Тимоѳей Балашовъ, а вмѣсто него неграмотного по его прошенію подписался Евфимъ Шапошниковъ.

№ 8.

Письмо атамана Семена Неживого Чорбѣ отъ 30 іюня 1768 года.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ жолтого гусарского полку полковникъ, высокомилостивый нашъ государь и наособливѣшій патронъ!

Нарочный войска запорожскаго бывъ посланный козакъ Василей Таловъ для увѣдомленія, что бѣжавшіе гусары, забравши изъ собою казну и аммуницію, присягають самовольству и конфедераціи польской и противъ вѣрно(сти) нашой всемилостивѣйшей ея императорскаго величества и всея Россіи много нападенія и разбойства делають, намъ же будучи христіанамъ не хотя того оставить, толко въ вѣрность Ея Императорскаго Величества, хотя и нынѣ, все товариство должны смертію страждать. Что-же приказъ отъ вашего высокородія и патрона словесный и письменный, дабы явиться къ Гаграганову (?) для разговоровъ, сего дня крайне не могу, но дня 1 іюля съ приставою вашихъ дезертировъ служить одолжаемся. Мы же вѣрные и всенайподданнѣйшіе Ея Императорскаго Величества просили вашего высокородія отъ нашего войска посланнаго Василья Бузка да жителя медведовскаго Давида войта приказать отпустить, дабы мы отъ вашего высокородія обиды не могли признать. Впрочемъ и отданный отъ насъ всего войска всенижайшій первый поклонъ зостаемся вашему высокородію, высокомилостивому государю и наиособливѣйшому патрону, всенижайшіе слуги Семенъ Неживый съ товариствомъ.

Іюня 30 дня 1769 г. зъ Медведовки.

№ 9.

Свидѣтельство медвѣдовцевъ.

Благородному и достойно почтенному атаману войскъ низовыхъ запорожскихъ Семену Неживому куреня уманского отъ мѣщанъ и козаковъ медвѣдовскихъ.

Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа въ полской области въ староствѣ чигринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, то-есть отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши въ Жаботинъ войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и, имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали. Которые-жъ то конфедераты, враги и непріятели Ея Императорскому Величеству и Коронѣ польской, пріѣхавши сто человѣкъ у Медведовку и стали въ замку и заразъ отъ козаковъ и

клеяновъ (?[1]) списы и оружья со всѣми припасами отобрали и, недовольны тѣмъ будучи, но еще хотѣли нашего пана полковника Квасковскаго взять съ собою до конфедераціи, но онъ ушолъ въ границу россійскую. И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою забрать, а священниковъ греко-россійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертно за благочестіе, и чтобы привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи. Но мы всѣ правовѣрные христіане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, вѣрными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, отъ ихъ конфедератовъ гордо (sic) бѣжали зъ домовъ своихъ по лѣсахъ, островахъ и на розныхъ мѣстахъ непристойныхъ скрывалися и чрезъ тое гоненіе не единъ въ домахъ имущество потерявъ. И какъ бы сей атаманъ отъ войска запорожскаго Семенъ Неживый, собравши команду козаковъ и вооруживши, оныхъ конфедератовъ зъ Украины (не) отогналъ, то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами. Понеже пановъ[2]) нашихъ и арендаровъ розогнали и не было за нами никакого обстоятеля; только сей атаманъ Семенъ Неживый сталъ за вѣру христіанскую и конфедератовъ отогналъ зъ Украины и явися съ командою у Медведовку, грабителства и обиды народу христіанскому не дѣлавъ нигдѣ, но еще великое спомоществованіе отъ своевольцевъ; и какъ бы не онъ у насъ содержался, то бы до сего времени великое кровопролитіе между народомъ было и имущества были бы отъ насъ пограблены. Но только онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты. Дѣялося сіе на урядѣ городовомъ въ Медведовкѣ дня 1 іюля 1768 году.

Семенъ Рудь, атаманъ городовый ⊕

Ѳедоръ Латка, Василь Буханъ, Григ. Колесникъ, Авр. Гончарь, Борисъ Гончарь, Симонъ Крамарь, Уласъ Зобенко, Сем. Коваль. Послѣ каждаго изъ этихъ именъ слѣдуетъ слѣдуетъ знакъ ⊕

Къ сему и целая громада медведовская.

---

[1]) Быть можетъ въ этомъ мѣстѣ, испорченномъ переписчикомъ, надобно читать *кіяковъ*: такъ назывались въ Украинѣ и въ Польшѣ мужики, ходившіе на заработки. Они всегда ходили съ большими палками, называемыми кіями.

[2]) Подъ панами разумѣлись запорожскіе войсковые товарищи, водворявшіеся въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украины.

№ 10.

Рапортъ къ полковымъ дѣламъ жолтаго гусарскаго полка поручика князя Манвелова о переговорахъ съ атаманомъ гайдамаковъ Неживымъ, домогавшимся выдачи бѣжавшихъ поляковъ и жидовъ.

По отправленіи вчерашняго числа отъ меня въ четвертомъ часу къ полковымъ дѣламъ рапорта, злоумышленные гайдамаки съ атаманомъ Неживымъ, тожъ и сотникомъ Василіемъ предъ вечеромъ прибыли болѣе (какъ?) и на человѣкъ сто. Прибывши въ польскій Крыловъ, означенный атаманъ Неживый присланнымъ на имя господина подполковника Хорвата письмомъ просили (кое письмо при семъ оригиналомъ прилагается), что (бъ) для нѣкотораго совѣту съ ними выйти на греблю; по каковымъ обстоятельствамъ я перво предпринялъ самую крѣпчайшую предосторожность и, совокупивъ(ся съ) своею и козачьею командою, прибывъ къ крыловскому форпосту, гдѣ возлѣ оного оставя, а я—съ поручикомъ Бутовичемъ и прапорщикомъ князомъ Манвеловымъ и Танталеевымъ, тожъ и зъ сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаманъ Неживый и сотникъ Василій къ намъ прибылъ съ хлѣбомъ и солью, а при томъ объявили: что мы де не для чего иного прибыли, какъ только требовать отъ васъ о выдачѣ жидовъ и поляковъ; на это я онымъ объявилъ, что тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно. И такъ оные, установивъ отъ себя въ польскомъ Крыловѣ расположеніе, и определивъ въ ономъ атамана, приказывали ему, чтобы по ихъ приказаніямъ единственное исполненіе чинили; а потомъ—отъѣхали до села Конабарка, гдѣ и находятся понынѣ; а сверхъ того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у нихъ суспиціи оказываться будутъ, то давали бы къ намъ знать, и просили оные насъ, чтобъ и въ томъ вспомоществованіе чинили, а во всемъ объявляя притомъ, что де оные мѣста будутъ въ скоромъ времени россійской державы, а не польской и чтобъ тѣ мужики считались россійскими, а не польскими жильцами.

Поручикъ князь Иванъ Монвеловъ.

Іюня 26. 1768 г.

№ 11.

Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о преслѣдованіи гайдамаковъ и бѣглецовъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!

Вашего высокородія четыре рапорта отъ 17 и 18 сего со всѣми къ онымъ приложеніями исправно до меня дошли, на которые слѣдующее для вѣдома и въ наставленіе вамъ предписываю. Елико до перехода запорожскихъ козаковъ чрезъ Гардъ въ ханскую сторону для удобнѣйшаго съ гайдамаками въ пути соединенія принадлежитъ, то, въ силу моихъ ордеровъ, отъ кошевого атамана командированіемъ, при шести полковникахъ и при нѣсколькихъ куренныхъ атаманахъ, разныхъ партій въ степь запорожскую и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову, надлежащіе мѣры уже приняты вами для пресѣченія перехода гайдамакамъ въ Польшу, такъ и для переловленія возвращающихся оттуда съ добычею въ запорожскія земли, чѣмъ безъ сумнѣнія (sic) къ искорененію сей зловредной шайки не малый способъ поданъ быть можетъ, если только содержаніе прежнихъ моихъ ордеровъ о преслѣдованіи, поимкѣ и истребленіи оныхъ точно наблюдаемо и въ исполненіе неослабное и ревностное стараніе приложено будетъ. Татарское за Кодымою собраніе хотя по обстоятельствамъ и видится быть дѣйствомъ гайдамацкаго на Балту и Голту нападенія, слѣдовательно не иное въ себѣ заключающее, какъ собственную предостережность отъ другихъ гайдамацкихъ на татарскія мѣста пустошеній, однако презирать оное не должно, ибо предосторожность, а найпаче при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородіе, по полученіи сего, немедленно одного надежнаго и искусного офицера отправить къ начальнику Едисанской Орды съ письмомъ для исканія яко бы какого либо за границу съ немалою суммою бѣжавшаго купца, прося, чтобы, въ силу вѣчно мирнаго трактата и сосѣдственной дружбы въ отысканіи онаго, приказано было стараніе приложить и по отысканіи (чтобъ) оный совсѣмъ, что при немъ найдено будетъ, посланному на руки отдать(нъ) и до границы препровожденъ былъ, такъ (какъ) и съ нашей стороны съ подобными отъ нихъ бѣглецами неоднократно уже поступлено. Подъ которымъ претекстомъ посланный стараться долженъ о подлинныхъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ той орды развѣдать, а между тѣмъ въ разговорахъ от-

зываться и увѣрять можетъ, что набѣгшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая въ немаломъ числѣ всякой сволочи, польскихъ козаковъ, мужиковъ и другихъ гайдамаковъ, разорявшихъ польскую Украину, нашими войсками большею частію разбита и переловлена, которой остатокъ уповательно также скоро истребленъ быть имѣетъ. И такъ, что симъ нарочнымъ посланцемъ развѣдано будетъ, меня немедленно увѣдомить. По второму вашему рапорту, при которомъ сказка купцовъ елисаветградскихъ Евфима Шапошникова съ товарищами, надлежитъ такожде у начальника Едисанской Орды справедливаго удовлетворенія, по сосѣдственной дружбѣ, требовать, и что потомъ послѣдуетъ, меня увѣдомить. По третьему—всѣмъ находящимся въ елисаветградской провинціи польскимъ шляхтичамъ, кои подъ покровительство ея имп-го в-ства прибѣгнули для спасенія живота отъ гайдамацкаго гоненія, приказать до дальняго ордера оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, пользуясь подъ высочайшею защитою дозволеннымъ имъ благоденствіемъ до совершеннаго истребленія всѣхъ гайдамаковъ и возстановленія въ ихъ отечествѣ прежняго покоя и тишины; а когда желанное спокойствіе возстановлено будетъ и опасность къ возвращенію въ ихъ отечество минется—отъ меня имъ знать дано будетъ, и они тогда безпрепятственно въ свои домы отпущены быти имѣютъ. И такъ мнѣ остается ожидать, въ силу прежняго моего ордера, присылки отъ васъ имяннаго списка всѣхъ шляхтичей польскихъ, ретировавшихся въ елисаветградскую провинцію, съ означеніемъ чина, фамиліи и служителей обоего пола; на послѣдвій (рапортъ), при которомъ сказка отставного ротмистра Иванченка и допросъ сотника Власенка съ переводами двухъ писемъ губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку съ роспискою отдать приказать, ибо, какъ видно, Квитневичъ съ нимъ въ томъ помирился [1]). Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причинѣ экономіи въ домъ отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть такъ, но смотрѣть надобно, чтобы какимъ либо образомъ онъ скрыться не могъ. Сотника-же Власенка до дальняго ордера содержать подъ карауломъ въ крѣпости, а вещи какъ Иванченка, такъ и Власенка оставить въ смотрѣніи вахмистра Бабки, не ока-

---

[1]) Обстоятельства, на которыя здѣсь дѣлается намекъ, неизвѣстны.

жется ли иногда и впредь по онымъ какой либо улики, по которой тогда и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть можетъ [1]).

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга

Өедоръ Воейковъ.

Кіевъ. 31 іюля
1768 г.

№ 12.

Того же Воейкова тому же бригадиру о преслѣдованіи гайдамаковъ и о содержаніи карауловъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! Два ваши рапорта отъ 23 съ приложеніемъ исправно здѣсь получены. Первый, служащій только для вѣдома, остается въ своей силѣ, а на второй предписывается, что во уваженіе вашего представленія, яко за отправленіемъ для истребленія и поимки разбойниковъ въ Польшу гусарскихъ и пикинерныхъ и компанейскихъ командъ и умножающихся ежечасно арестантами, равно какъ и въ разсужденіи обширности границъ Елисаветградской провинціи, на которой тамошними гусарскими, компанейскими и пикинерскими полками форпосты содержутся и безпрестанные разъѣзды чинятся однимъ пѣхотнымъ козловскимъ полкомъ, отъ котораго двѣ роты на подкрѣпленіе главныхъ форпостовъ посланы, по числу некомплекта всѣ караулы въ крѣпости въ Кременчугѣ и надъ арестантами, безъ крайней тягости и изнуренія солдатъ, исправляемы быть не могутъ, отъ меня одну генералъ аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благоразсмотрѣнію приказать изъ ближнихъ полковъ конный или пѣхотный въ Елисаветградскую провинцію командировать до совершеннаго возстановленія въ Польшѣ покоя; и такъ пока оный полкъ или какая другая команда и тамъ прислана будетъ, изволите приказатъ по вашему разсмотрѣнію въ Кременчугѣ хотя гарнизонными солдатами надлежащій караулъ содержать.

Вашего высокоблагородія охотнѣйшій слуга

Өедоръ Воейковъ.

Кіевъ 31 іюля по полудни въ 6 часу 1768 году.

---

[1]) Власенко сотникъ—вѣроятно иначе Уласенко, товарищъ Гонты. Допроса, учиненнаго ему, о чемъ здѣсь намекается, не имѣли мы въ рукахъ.

№ 13.

Отношенія кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову: 1) о водвореніи польскихъ козаковъ, пожелавшихъ поступить въ подданство Россіи, 2) о допросѣ и отсылкѣ содержащихся въ Кременчугѣ запорожцевъ, участвовавшихъ съ гайдамаками и 3) о судѣ и приговорѣ надъ виновными. Августа 15, 1768 года.

1.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По рапорту вашему отъ прошедшаго апрѣля о вышедшаго изъ польской Украины козацкаго атамана Сухины съ шестьюдесять двумя человѣками польскихъ козаковъ, кои, убѣгая отъ согласованія съ польскими конфедератами, прибѣгнули подъ высочайшій покровъ Ея Императорскаго Величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ, объявляя, что къ такому же выходу и еще многое число козаковъ намѣреніе имѣютъ, съ желаніемъ учинить въ вѣрности службы присягу и выведя всю свою фамилію, поселиться слободою, гдѣ мѣсто отведено будетъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено съ испрошеніемъ высочайшаго указа, что съ ними и съ являющимися впредь учинить повелѣно будетъ; начто высочайшимъ рескриптомъ отъ 11 іюля всемилостивѣйше повелѣно: во уваженіе указаннаго отъ нихъ усердія принять ихъ ласково и помѣстить между настоящими въ Елисаветградской провинціи поселянами, не заводя особыхъ для нихъ поселеній, пока замѣшательства въ Польшѣ продолжаться будутъ, а при томъ дозволить имъ пользоваться всѣми тѣми выгодами, кои согласоваться могутъ съ узаконеніями по тамошнему мѣсту учиненными. Сіе разумѣется и о тѣхъ польскихъ козакахъ, кои впредь изъ польской Украины по объявленію сихъ выходцевъ съ такимъ же точно намѣреніемъ, съ какимъ и они прибѣгли, выходить будутъ.

Во всеподданнѣйшее исполненіе такого Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія изволите ваше высокородіе потребное къ распредѣленію ихъ по вашему разсмотрѣнію учинить расположеніе и, по вмѣщеніи всѣхъ, меня въ свое время рапортовать.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

2.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По полученіи сего извольте, ваше высокородіе, приказать кому надлежитъ какъ можно скорѣе всѣхъ въ елисаветградской провинціи и въ Кременчугѣ находящихся между содержащимися гайдамаками запорожскихъ козаковъ, каждого особо по приложеннымъ при семъ пунктамъ, допросить и таковый съ нихъ допросъ съ нарочнымъ ко мнѣ отправить, между тѣмъ надлежитъ ихъ злодѣевъ по приложенному при семъ экстракту изъ указа формальнымъ образомъ судить ихъ и приговоръ сдѣлавъ съ нарочнымъ ко мнѣ рапортовать.

Пункты, по которымъ допрашивать пойманныхъ въ Польшѣ на разбоѣ запорожцевъ:

1. Стараться вывѣдать прямое начало заговора оныхъ пойманныхъ въ Польшѣ запорожцевъ, а особливо, кто изъ нихъ подговорщикъ былъ самъ, или же всѣ отъ другихъ научены были и гдѣ именно зборище ихъ началось?

2. Съ вѣдома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились въ Польшу?

3. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлали нападеніе на слободу Балту и что кѣмъ гдѣ учинено?

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Ѳедоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

3.

Экстрактъ присланнаго въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа отъ 24 іюля 1768 года.

1. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми запорожцами надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ.

2. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противу войскъ ея имп-го в-ства, не могутъ конечно оправдаться ни въ бунтовчичьемъ супротивленіи волѣ и оружію Ея Величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы.

3. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы.

Въ губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа (экстрактъ). Канцеляристъ Өедоръ Онисимовъ.

№ 14.

Секретное письмо кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о мѣрахъ къ поимкѣ и о доставленіи капитана Станкевича, участвовавшаго въ гайдамацкомъ бунтѣ.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ бригадиръ!

Изъ сообщенія его сіятельства, г-на генерала аншефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцова усмотрѣлъ я, что между пойманными посланною въ Польшу нашихъ войскъ командою около Жаботина и Смѣлой гайдамаками находится бездѣльникъ чернаго гусарскаго полку капитанъ Станкевичъ съ нѣсколькимъ числомъ россійскихъ подданныхъ, которые содержатся въ Смѣлой. А какъ сіе мѣсто въ близости елисаветградской провинціи находится, то отъ меня г-ну генералъ майору и кавалеру Исакову ордеромъ подтверждено для взятья оныхъ оттуда и препровожденія до Кременчуга отправить достаточную изъ гусаръ и пикинеръ команду. Того ради вашему высокородію найприлѣжнѣйше рекомендую, по приводѣ сихъ злодѣевъ къ вамъ, приказать оныхъ подъ крѣпкимъ содержать карауломъ и надъ помянутымъ бездѣльникомъ Станкевичемъ изслѣдовать: какъ и съ чѣмъ былъ онъ отправленъ въ Польшу и для чего нашимъ войскамъ противился? Прочихъ гайдамакъ всѣхъ обыкновеннымъ образомъ допросить: кѣмъ они подговорены и съ какимъ намѣреніемъ въ Польшу пошли. О полученіи сего и о исполненіи меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородія покорный слуга Өедоръ Воейковъ.

Кіевъ 14 декабря 1768 года.

Матеріалы для исторіи б. Запорожья *).

Насытишася сыновъ и оставиша останки младенцемъ Псал. XVI ст. 14.

Помѣщаемые ниже документы являются такъ сказать посмертными записями Запорожья; они относятся къ тому времени, когда Запорожье прекратило уже свое историческое существованіе, и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ дѣлилось его огромное наслѣдство и какъ само оно, разгромленное и разбитое на части, но возродившееся въ одной изъ своихъ частей въ формѣ войска черноморскаго, путемъ различныхъ ходатайствъ искало мѣста для своего поселенія. Подлинно *иніи трудишася, друзіи же въ трудъ ихъ внидоша*, а тѣ, кто трудился, ищутъ, *гдѣ главу подклонити*. Львиныя части забрали при этомъ дѣлежѣ главные виновники и зрители уничтоженія Запорожья, эти, по выраженію народной пѣсни, «паны, генералы и сенаторы» [1]), которые при всякихъ подобныхъ кризисахъ являются первыми кандидатами на подобное наслѣдство; остальное раздается по инструкціи, порціями 1500—12000 десятинъ, всякому охочему и захожему лицу привилегированнаго сословія, но въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ десятинъ, что достались генералъ-прокурору Вяземскому, князю Прозоровскому и многимъ другимъ, оно представляло уже такъ сказать объѣдки гигантскаго по размѣрамъ запорожскаго пирога.

---

*) Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ восемь документовъ принадлежали къ обширной коллекціи рукописей б. профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, а имъ добыты изъ архива б. секретаря Потемкина В. С. Попова. Достопочтенный Алексѣй Ивановичъ, такъ долго съ честію трудившійся для исторіи, къ прискорбію, давно лежитъ, разбитый параличемъ, а драгоцѣнное его собраніе, истощаясь постепенно, не скоро, кажется, станетъ достояніемъ науки. Доставшаяся намъ крупица уступлена намъ однимъ изъ сыновей заслуженнаго профессора.—Ред.

[1]) См. эту пѣсню въ февральской книжкѣ „Кіев. Ст.“, стр. 436.

Бывшія запорожскія земли обнимали собою почти все пространство нынѣшнихъ двухъ губерній херсонской и екатеринославской и заключали въ себѣ свыше десяти милліоновъ десятинъ земли. Запорожскія владѣнія образовывались постепенно и такихъ размѣровъ достигли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ они были заняты и удерживаемы съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ, можно сказать, каждый клочекъ земли много разъ обагряемъ былъ кровію его обладателей. Запорожцамъ не страшны были такіе враги—сосѣди, какъ поляки и татаре; съ ними много вѣковъ они мѣрялись своими силами и на борьбу съ ними посвящено было все ихъ существованіе. Со стороны Польши ихъ владѣнія шли по чертѣ нынѣшнихъ губерній: кіевской, подольской и херсонской, со стороны Турціи и татаръ точныхъ границъ не было, и какъ татаре захватывали запорожскія земли, такъ и запорожцы проникали внутрь ихъ земель и тамъ имѣли свои *паланки*. Одно время запорожцы фактически лишились было своего наслѣдія лѣтъ на двадцать, именно послѣ катастрофы, постигшей Мазепу съ Карломъ XII, съ 1709 по 1733 г., но въ ихъ отсутствіе ни одна изъ сосѣднихъ державъ, ни даже татаре, не посягнули на ихъ землю и, когда «по соизволенію своему собственному» возвратились они снова въ подданство россійское, то безвозбранно поселились «на своихъ древнихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ». «Всѣ тіе мѣста, писалъ имъ при этомъ баронъ Вейсбахъ, при посредствѣ котораго велись переговоры о возвращеніи запорожцевъ, ваши собственныя, и въ оные мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ и для того этимъ мѣстамъ между обоими имперіями (россійскою и турецкою) разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ» [1]). Совсѣмъ иначе взглянули на запорожцевъ съ ихъ землями, когда возвращеніе ихъ въ русское подданство стало совершившимся фактомъ. Уже послѣ пятилѣтней неудачной войны России съ Турціею (1735—1739 г.) по ниской конвенціи, часть земель запорожскихъ отошла къ Турціи, а по велико-ингульскому инструменту 1740 г., дополнившему бѣлградскій трактатъ, всѣ запорожскія земли вошли въ составъ Россійской Имперіи и стали трактоваться, какъ общегосударственныя земли, которыми правительство въ правѣ распорядиться по своему усмотрѣнію. Въ основѣ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства относительно запорожцевъ и ихъ земель легли съ одной стороны недовѣріе къ запорожцамъ за участіе ихъ въ измѣнѣ Мазепы, съ другой—намѣреніе чрезъ ихъ пустыни, путемъ заселенія послѣднихъ и постройки на нихъ укрѣпленій придвинуться постепенно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Еще съ 1735 г. баталіонъ войска, приданный Кошу какъ-бы для вспоможенія и находившійся съ запорожцами въ походѣ, на обратномъ пути зазимовалъ въ Сѣчи, а за тѣмъ не только оставленъ тамъ навсегда, но и усиленъ въ своемъ составѣ съ возведеніемъ

---

[1]) Исторія Нов. Сѣчи. Скальковскаго, ч. II, стр. 73.

порученнаго ему особаго укрѣпленія. Такія-же укрѣпленія, послѣ бѣлгродскаго трактата, годъ за годомъ возводились на запорожскихъ земляхъ, начиная отъ польской границы внизъ по теченію Днѣпра. Въ тоже время здѣсь поселяемы были выходцы прежняго времени изъ Россіи, изъявившіе согласіе возвратиться въ отечество. Съ 50-хъ годовъ запорожскія земли предоставлены для поселенія четырехъ ново-сербскихъ полковъ, образованныхъ изъ славянскихъ выходцевъ, и населеніе запорожскихъ куреней сдвинуто было съ своихъ мѣстъ въ пустынныя степи, а впослѣдствіи поселены были еще два полка, набранныя изъ молдованъ, волоховъ, грековъ и др. Запорожскія владѣнія сокращались годъ за годомъ путемъ отвода подъ военныя и другія поселенія, а равно—укрѣпленія, по указаніямъ высшей власти, и просто путемъ захвата. Запорожцевъ вытѣсняли съ Кубани, гдѣ они нашли для себя новыя удобныя мѣста, и со стороны р. Калміуса, гдѣ они приходили въ столкновеніе съ другою военною общиною донскихъ козаковъ. Ихъ земельныя права нарушали и татаре, искавшіе выгодныхъ пастбищъ, и сосѣдніе польскіе помѣщики, а самоличная ихъ расправа съ узурпаторами встрѣчала строгое осужденіе со стороны правительства и становилась невозможною. Протесты съ одной, жалобы съ другой стороны вели къ нескончаемымъ спорамъ и разслѣдованіямъ, рѣдко когда оканчивавшимся въ пользу запорожцевъ, но болѣе и болѣе навлекавшимъ на нихъ гнѣвъ правительства. Разселившіяся въ разныхъ концахъ Запорожья русскія военныя власти, дѣйствуя безконтрольно и безнаказанно въ своихъ земельныхъ притязаніяхъ къ запорожцамъ, не признавали никакихъ ихъ историческихъ правъ, да и въ самомъ Петербургѣ не находили уже ихъ жалованныхъ грамотъ, универсаловъ и даже договорныхъ статей Хмельницкаго. Запорожцы видѣли себя въ полной почти блокадѣ, ихъ вѣковое достояніе уплывало изъ ихъ рукъ, поѣздки ихъ депутацій въ Петербургъ и странствованія ихъ по переднимъ елисаветинскихъ и екатерининскихъ вельможъ становились все унизительнѣе и безплоднѣе. Словомъ: неофиціальный, или частный разборъ ихъ земель начался гораздо ранѣе формальнаго уничтоженія Запорожья, и есть много основаній думать, что имущественное его наслѣдство болѣе, чѣмъ что либо другое, входило въ разсчеты людей рѣшавшихъ безповоротно его кончину.

Мы не будемъ говорить о самомъ разореніи Запорожья; для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь общій характеръ этого великаго въ народной жизни событія, главная причина котораго, какъ бы мы ни объясняли оное, лежитъ все таки въ разгорѣвшемся тогда честолюбіи Потемкина. Сытый, избалованный временщикъ, распоряжавшійся по своей прихоти судьбами обширнѣйшаго края, новороссійскаго, додумался до неосуществимаго *греческаго* проэкта и проглядѣлъ позади себя единовѣрный и единокровный, стонавшій въ польскомъ ярмѣ народъ, единственнымъ представителемъ и защитникомъ котораго служило Запорожье. Ему нѣтъ дѣла до своихъ; онъ не ломаетъ головы надъ переустройствомъ Запорожья, согласно инымъ требованіямъ внѣшней и внутренней политики, онъ стремится какъ нибудь перешагнуть всѣ эти степи и море, добраться до Царьграда, возстановить древнюю Византію,

и, ради своихъ фантастическихъ проэктовъ, онъ спѣшитъ покончить съ запорожцами, попираетъ историческія ихъ права и значеніе, одно упоминаніе ихъ объ этихъ правахъ превращаетъ въ тяжкое государственное преступленіе, которое влечетъ за собою для представителей Запорожья лишеніе всѣхъ служебныхъ и имущественныхъ правъ и суровое заточеніе на крайніе пункты Сѣвера. Ему и на мысль не всходило, что если для осуществленія его плановъ требовалось скорое заселеніе края, то лучшими его колонизаторами могли быть тѣже запорожцы, выдѣлявшіе отъ себя семейныхъ козаковъ съ ихъ зимовниками и отлично устроенными хозяйствами, и что они предпочли-бы, конечно, всякое иное свое устройство и переустройство совершенному уничтоженію и подчинились бы оному также безмолвно, какъ и объявленному смертному приговору; но онъ безъ дальнихъ разсужденій лишаетъ ихъ вѣковаго ихъ достоянія,—заслуженныхъ храбрѣйшихъ воиновъ силится привлечь къ ненавистному и для обыкновеннаго человѣка крѣпостному ярму, разными льготами привлекаетъ въ край всякій иноземный сбродъ, раздаетъ пожитки войсковые бѣглымъ грекамъ и арнаутамъ, надѣляетъ свободныя земли огромными частями безплатно всѣмъ, кто приметъ на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и служившій убѣжищемъ отъ него.

Ко времени уничтоженія Запорожья, т. е. къ 1775 году, Потемкинъ придумалъ проэктъ раздѣленія довѣренной ему новороссійской провинціи на двѣ губерніи: новороссійскую и азовскую. Запорожскія земли подѣлены были между той и другой, но о раздачѣ ихъ въ первой свѣдѣній у насъ нѣтъ, хотя, конечно, и тамъ она не могла быть иной. Губернаторомъ послѣдней назначался Чертковъ, доселѣ помощникъ Потемкина по управленію всѣмъ краемъ. Изданная имъ инструкція относительно раздѣла б. запорожскихъ земель, спустя три года послѣ уничтоженія Запорожья, въ основныхъ чертахъ своихъ принадлежитъ, конечно, Потемкину, на ордерѣ котораго основана. Въ основѣ ея лежитъ крѣпостническій взглядъ того времени: хотѣлось заселить край; безплатная раздача богатѣйшихъ земель служила вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ, но ихъ нельзя было предоставлять лицамъ не свободныхъ сословій, ибо это служило-бы подрывомъ господствовавшаго въ имперіи строя и образовало бы провинцію, надъ общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ которой пришлось-бы ломать голову. Тутъ и прославленный геній не могъ придумать иной формы, какъ та, которая была всюду предъ глазами, т. е. раздавать земли лицамъ привилегированныхъ классовъ съ обязательствомъ заселенія ихъ въ извѣстный срокъ и въ извѣстной мѣрѣ на тѣхъ-же началахъ крѣпостническихъ отношеній. Нельзя не признать, что раздача земель совершалась на самыхъ широкихъ льготахъ; въ свою очередь импровизированные владѣльцы огромныхъ участковъ, конкурируя между собою, должны были давать другъ передъ другомъ разныя льготы селившимся на ихъ земляхъ; но въ результатѣ получалось тоже крѣпостническое иго, отъ котораго народъ массами бѣгалъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ заселеніе края, не смотря на всѣ льготы, шло крайне медленно и туго даже

до недавняго времени, земля, переходившая изъ рукъ въ руки, оставалась достояніемъ не многихъ, и когда народъ, столько вѣковъ носившій невольничье ярмо, получилъ наконецъ свободу, край очутился въ тѣхъ-же почти земельныхъ условіяхъ, какъ и другія части имперіи.

Само собою разумѣется, что б. запорожцы не могли принять никакого участія въ этой новой искуственной колонизаціи ихъ-же края, такъ какъ она шла въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣковыми стремленіями и привычками къ свободѣ и приволью. Даже военная служба въ регулярныхъ кавалерійскихъ войскахъ, послѣ учиненнаго надъ ними насилія, не могла ихъ прельстить и усилія всемогущаго Потемкина образовать изъ оставшихся запорожцевъ два пикинерные полка кончились ничѣмъ. Позже, спустя семь лѣтъ, при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края и особливо въ виду приближавшейся турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ козацкую службу подъ его личнымъ предводительствомъ; но это воззваніе его прежде всего вызвало волненіе въ народѣ и толки о возобновленіи запорожской Сѣчи, приведшіе народъ, какъ даетъ понять второй изъ приводимыхъ документовъ, къ нелегкому отвѣту предъ разными Халчевскими, Борхами, Булацелями и другими новонароднвшимися обладателями запорожскихъ земель. Когда-же наконецъ, усиліями запорожскихъ старшинъ: Головатаго, Харька, Чепеги и Легкоступа, разсѣянные останки «славнаго войска низоваго» снова собраны были на службу подъ названіемъ черноморцевъ и, принявъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціею 1787—1791 г., покрыли себя новою славою, то въ награду за всѣ свои подвиги, которые очень цѣнилъ самъ Потемкинъ, обѣщавшій имъ завоевываемыя тогда земли между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, за послѣдовавшею смертію Потемкина, едва не были обращены въ крестьянское званіе. Обширнѣйшія владѣнія ихъ были разобраны до клочка; новозавоеванныя земли не были имъ переданы, хотя значительная часть козачьихъ семействъ поселилась на нихъ, по указанію Потемкина. Оставалось искать новаго мѣста и такимъ оказалась знакомая отчасти, хотя далекая и болотистая, Тамань. Особому искусству своихъ ходатаевъ и расположенію приближенныхъ Потемкина, Каховскаго и Попова, переформированные теперь по семейному запорожцы обязаны были полученіемъ новаго мѣста для своего поселенія. Приводимая переписка по сему дѣлу не даетъ, къ сожалѣнію, свѣденій о томъ, чѣмъ кончилось ходатайство черноморцевъ о выпущеніи съ ними на Тамань тѣхъ изъ ихъ сподвижниковъ, которые перешли къ нимъ изъ разныхъ губерній и заграничныхъ мѣстъ (Украйны), но которыхъ помѣщики всѣми мѣрами выискивали и старались удержать на мѣстѣ. Она только показываетъ, какъ ненавистно было народу крѣпостное состояніе и какъ велико было его стремленіе къ козачеству: въ короткій промежутокъ времени отъ призыва Потемкина до окончанія турецкой кампаніи остававшееся едва половинное число запорожцевъ, не смотря

на потери отъ войны, обыкновенной смертности и чумы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число всѣхъ готовившихся къ переселенію на Тамань простиралось до 25-ти тысячъ лицъ мужескаго пола.

I.

Инструкція азовскаго губернатора Василія Черткова относительно раздѣла б. запорожскихъ земель.

Отъ генералъ порутчика азовского губернатора и кавалѣра азовской губернской канцеляріи предложеніе.

Ордеромъ его свѣтлости, господина генералъ-аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице-президента, трехъ губерній государева намѣстника, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалѣра, князя Григорія Александровича Потемкина, отъ 26 декабря прошлаго 1777 года, подъ № 2764, предписано, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго въ пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній, назначенныя владѣльцамъ въ отводъ казенныя земли, утверждать за ними, на основаніи положенія о семъ въ штатахъ, вѣчно, однако-же, отводить каждому не менѣе тысячи пяти сотъ и не болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, со льготою для заселенія десяти лѣтъ, а въ представленномъ планѣ о сей губерніи, о раздѣленіи земли подъ селеніе, объ утвержденіи оной въ вѣчность, о продажѣ изъ рукъ въ руки, о подѣлѣ между наслѣдниками и о льготномъ времени, 5-й главы въ нижеписанныхъ статьяхъ, изображено; а именно: въ 1-й—чтобъ необитаемыя земли изъ бывшихъ запорожскихъ дачъ составленныя, а особливо задонскія земли таганрогскаго уѣзда заселить и усилить, яко нужную по пограничности тѣхъ мѣстъ сторону, обитателями, раздавать для заселенія въ вѣчность всякаго званія и чина людямъ, *исключая однодворцевъ, крестьянъ и прочихъ помѣщичьихъ людей*, нетолько проживающимъ и при должностяхъ состоящимъ, но и кто жительство имѣетъ въ Великороссіи и Малороссіи, равно иностранцамъ, изъ-за границы приходящимъ и на вѣчное подданство присягу учинившимъ, съ дачею на десять лѣтъ льготы и съ обязательствомъ, чтобъ оныя во время тѣхъ льготныхъ лѣтъ заселили выводимыми изъ незапрещенныхъ мѣстъ людьми, во 2-й—оныя земли раздѣлить на участки, каждый въ полторы тысячи десятинъ, и во всякомъ заселено бъ было неменьше тринадцати дво-

ровъ, дабы и помѣщикъ имѣлъ въ той-же дачѣ землю для своего обихода, но кто похощетъ населить на такомъ-же участкѣ и болѣе того числа дворовъ, таковому не воспрещать и отдавать одному участками не болѣе восьми, то есть: двѣнадцать тысячъ десятинъ, и не меньше одного, которые и населять, соразмѣрно вышеписанному участку по полторы тысячи десятинъ; а именно: на трехтысячномъ двадцать пять, на шеститысячномъ пятьдесятъ, на двѣнадцатитысячномъ участкѣ сто дворовъ, а ежели за отводомъ будетъ оставаться гдѣ промежутокъ, въ такомъ случаѣ или просящему отдать, или чтобъ впустѣ безъ платежа не оставалась, набавлять въ дачи, въ смежности въ населеніи взятыя; въ 3-й—при отводѣ давать каждому специальные планы при участкахъ со взысканіемъ за обмежеванную землю по три деньги за десятину, но болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ одному во владѣніе, равно, какъ на женъ, незамужнихъ дочерей, такъ и на малолѣтнихъ сыновей особыхъ участковъ (кромѣ достигнувшихъ изъ сыновей въ совершенныя лѣта, тожъ и такихъ женъ, которыя остаются во вдовствѣ, не имѣя никакихъ наслѣдниковъ) или полныхъ двѣнадцатитысячныхъ участковъ не давать, однако, кому нѣтъ законнаго запрещенія въ покупкѣ (исключая малолѣтнихъ), замужнимъ женамъ и дѣвицамъ покупать и въ закладъ брать не возбранять, но не болѣе положеннаго числа десятинъ, дабы чрезъ то зажиточные не присваивали себѣ пространныхъ дачъ, а малоимущіе, особливо изъ-за границы переселившіеся и вступившіе въ поселенные полки офицеры безъ земли и по отставкѣ безъ пропитанія быть не могли, но по тѣмъ отдаваемымъ во владѣніе землямъ никто, кромѣ природныхъ дворянъ и по службѣ пріобрѣтеннаго дворянства себѣ присваивать не можетъ, потому что дворянинъ—не по землѣ имъ владѣемой, а по природѣ или заслугамъ, въ 4-й—по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, кто заселитъ свою землю, или прежде, вышеписаннымъ числомъ дворовъ, давать межевыя книги и надлежащіе планы съ штемпелями, за подписаніемъ намѣстническаго правленія, оставляя при ономъ съ нихъ точныя копіи, взыскать при дачѣ ихъ еще другія за каждую десятину по три деньги, чѣмъ и состоится сборъ по три копѣйки, въ силу межевой инструкціи, главы 29, пункта 8, и платить, по минованіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, ежегодно съ земли по прежнему о новороссійской губерніи положенію за каждую десятину удобной земли въ годъ *по пяти денегъ*, въ 5-й—ту населенную землю каждому, по утвержденіи за нимъ

вышеписаннымъ образомъ, вольно указаннымъ порядкомъ продать, заложить и въ приданое отдать, но не иначе, какъ полуторытысячными участками по одному, по два, по три и по осьми, а меньше полуторы тысячи дачъ не раздроблять, такъ что хотя бы случилось, что у кого-либо наслѣдниковъ осталось столько, что полутора тысячными участками ихъ подѣлить было не можно, то тѣхъ, которымъ недостанетъ земли, прочимъ полюбовно или по суду удовольствовать, по разсчету, деньгами, въ 6-й—не имѣющіе дворянства, ни чиновъ штабъ и оберъ-офицерскихъ, никто готоваго покупать не можетъ, а пользуется онъ или его потомки за труды и употребленное ими иждивеніе только тѣмъ, сколько симъ подъ поселеніе возьметъ земли и что на оной объзаведетъ, въ 7-й—какъ таковое имѣніе поселеніемъ людей пріобрѣтается не по наслѣдству, но собственными трудами и иждивеніемъ того, кто взялъ пустую землю, то таковой и воленъ при жизни, или при кончинѣ отдать въ наслѣдство, кому заблагоразсудитъ, объявляя на то свои записи въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ кому ближе, а безъ того, ежели записи объявлены не будутъ, таковаго имѣніе принадлежитъ въ родъ ближнимъ наслѣдникамъ, на основаніи сей главы, 5-й статьи; въ 8-й—кто во время льготныхъ лѣтъ взятую землю положеннымъ числомъ дворовъ не заселитъ, таковому межевой книги и подлѣжащаго съ стемпелемъ плана не давать, почему онъ ту землю до того времени ни продать, ни заложить, ни по какимъ сдѣлкамъ укрѣпить и ниже въ приданное отдать не можетъ, но, не взирая на то, платить долженъ за каждую десятину въ годъ по пяти денегъ и въ нарядахъ и въ протчихъ по земству управленіяхъ быть, наравнѣ съ заселившими не по числу имѣющихся у него дворовъ или поселянъ, а по количеству земли; въ 9-й—кто отъ населенія взятой имъ земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ или и прежде откажется, то съ таковаго за все время, сколко онъ тою землею ползовался, взыскать по пяти денегъ, за десятину за каждый годъ, въ сходство чего и благоволитъ оная губернская канцелярія, по окончаніи нынѣшняго лѣта межеванія, снятыя земли, на коихъ подлѣжащия межевыя знаки постановлены, за тѣми просителями оставить въ вѣчномъ владѣніи, со взысканіемъ съ нихъ половиннаго числа положенныхъ по межевой инструкціи пошлинъ, кои и причислить къ межевой суммѣ, и на тѣ дачи сочинить специалные планы, раздѣля аглицкой дюймъ въ четырѣста сажень, за подписаніемъ губернской канцеляріи присудствующихъ, но безъ постановленія

штемпелей, дать каждому помѣщику при указѣ, изъ оныхъ плановъ копію для сочиненія впредь, ежели кто населитъ взятую землю положеннымъ числомъ людми, надлѣжащого положённого по межевой инструкціи плана и межевыхъ книгъ отослать въ губернскую межевую экспедицію, а прежде данной во оную отъ меня ордеръ о сочиненіи надлѣжащихъ плановъ, раздѣля аглицкой дюймъ въ двѣстѣ, а специалныхъ въ пять сотъ саженъ, отменить, соблюдая, чтобъ ни за кѣмъ ни по отводу, ни купленныхъ послѣ учрежденія новороссійской губерніи, то есть 1764 году, болѣе двѣнадцати тысячъ, а менѣе тысячи пяти сотъ десятинъ не было, исключая тѣхъ, кои по древнимъ грамотамъ и крепостямъ до состоянія еще новороссійской губерніи и по сооруженіи оной безспорно владѣли, естлиже кому либо до полученія вышеупомянутого его свѣтлости повелѣнія, какъ тогда въ сохраненіе Высочайшаго интереса, чтобъ земли въпустѣ и безъ полученія въ казну доходовъ не лежали, отъдавались въ наймы, безъ соблюденія того, чтобъ двѣнадцати тысячъ десятинъ не превосходило, отдано въ наймы съ отводомъ или по урочищамъ и безъ отвода, болѣе двѣнатцати тысячъ десятинъ, у таковыхъ, поелику теперъ, особливо по причинѣ переходящихъ изъ Крыма християнъ, недостатокъ оказатся можетъ, сколко по изъмѣреніи изъ лишнего окажется будущаго 1779 года, генваря съ 1-го числа, отобрать по прежнему, въ казенное вѣдомство, со взысканіемъ положенныхъ поземелныхъ денегъ съ опредѣленного при отдачѣ въ наемъ времени по 1-е генваря 779 года, и сколко у кого и въ какихъ урочищахъ отобрано будетъ, мнѣ дать знать, а предварително безъ потерянія времени сочинить алъфавитную всѣмъ азовской губерніи помѣщикамъ вѣдомость, съ показаніемъ, сколко кому по прошеніямъ, когда и въ какихъ именно урочищахъ, съ основанія азовской губерніи, въ наймы отдано, новороссійскою же губернскою канцеляріею отведено и послѣ 1774 года въ принадлѣжащихъ нынѣ до азовской губерніи мѣстахъ кѣмъ и гдѣ куплено. Подлѣнное подписалъ Василей Чертковъ.

Свидѣтельствовалъ въ должности секретаря коллежскій регистраторъ Яновскій.

Вверху помѣта: получено 13 ноября 1778 года, на сторонѣ № 1967.

II.

Рапортъ екатеринославскаго дворянскаго предводителя Руденка генералъ-аншефу Михаилу Коховскому о волненіяхъ въ народѣ по поводу слуховъ о возстановленіи Запорожья и не допущеніи крестьянъ къ запискѣ въ козаки [1]).

По учинившемуся между народомъ разглашенію, что паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь и что якобы каждого состоянія людямъ, не только свободно собиратся во оную, но даже и приглашаются всѣ, кто только пожелаетъ составлять оную, увѣряя одинъ другаго, будто и всѣ бывшіе запорожскіе земли отданы имъ будутъ, по прежнему, и словомъ—якобы возвращается и вся ихъ прежняя воля, а ктому присовокупляютъ и самое лестное для каждаго простаго званія обнадеживаніе, что пожелавшій записатся в Кошъ, гдѣ бы не былъ на жительствѣ, освобождается съ семьею и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей, а потому и помѣщичьи подданные, подкрепляемые писарями казенныхъ селеніевъ и самими подговорщиками, разъсѣявшимися повсюду, берутъ въ свою сторону силу указовъ, выпущенныхъ о записавшихся уже многимъ числомъ въ черноморскіе козаки бывшихъ запорожцахъ, отложась отъ послушанія своихъ помѣщиковъ и уклоняясь отъ должной ихъ повинности, и совсѣмъ не бывшіе никогда въ Запорожьи, оставляя свои домы, идутъ для записки въ козаки, съ тѣмъ только умысломъ, чтобы посредствомъ наименованія козаковъ, освободить въ силу означеннаго увѣренія семью и имѣніе, нажитое за помѣщикомъ, и здѣлать оные отъ него независимымъ, противу всей справедливости, и чтобы не быть добрымъ и полезнымъ государству и обществу поселяниномъ и не исправлять по званію своему своего ремесла, а прошататься въ праздности и тунеядствѣ, поколь возродятся зловреднѣе еще помысли бывшихъ запорожцовъ, и посему екатеринославскаго уѣзда помѣщиковъ: г на оберъ-провіантмейстера и губернскаго магистрата предсѣдателя Халчевскаго, прошедшаго марта противъ—24-го и 28-го числъ сего го-

[1]) Копія этого рапорта, безъ надписи и даты, озаглавлена рукою самаго Коховскаго съ замѣткою, что онъ присланъ ему Руденкомъ отъ 14 апрѣля 1789 года за № 9-мъ. Она, какъ и слѣдующія копіи, изготовлена для секретаря кн. Потемкина, Василія Степановича Попова.

ду, семнадцать человѣкъ, а г-на генералъ порутчика и кавалѣра графа Борха тритцать человѣкъ, да г-на секундъ-маіора Булацеля двенатцать человѣкъ, сего апрѣля противъ 13-го числа, ихъ подданныхъ, записанныхъ по ревизіи за ими въ томъ званіи и никогда не бывшіе въ Запорожьи, ушли къ подговорщикамъ для записки въ козаки, съ которыхъ перваго уже сѣмь человѣкъ возвратились съ билетомъ, даннымъ имъ войска черноморскихъ козаковъ отъ маіора Гулика, въ которомъ и написалъ онъ, будьто они всѣ въ Запорожьи служили и находились въ куреняхъ, въ томъ билетѣ означенныхъ, нынѣ же де паки служить желаютъ, то, для исправленія себя на службу, отпущены въ домы на три недели, и какъ такова записка не справедливая и разрушающая доброй порядокъ, то изъ числа тѣхъ пришедшихъ начальнѣйшихъ три человѣка отосланы къ суду въ уѣздной судъ, но сіе одно удержать ихъ не можетъ, ибо отъ многихъ послѣдовать имъ хотящихъ положено, какъ скоро тѣмъ ушедшимъ успѣхъ будетъ, то и протчимъ ихъ дорогою итти. О чемъ должностію поставляю донести вашему превосходительству и просить, не благоугодно-ли будетъ съ вашей стороны здѣлать тому преграды, дабы помѣщичьихъ подданныхъ, и особливо тѣхъ, кои никогда въ Запорожьи не были и не служили козаками, не подговаривали и не принимали и никакихъ билетовъ не давали, и для явнаго уничтоженія объявленныхъ несправедливыхъ разглашеній виновныхъ тому велѣть наказать, ибо безъ того могутъ въ совершенное разореніе притти всѣ слободы и послѣдовать можетъ упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а за тѣмъ въ казенной подати и общемъ исправленіи, но ктому еще и угрожаетъ своеволство и независимость своихъ началниковъ грабежемъ и разбоемъ.

III.

Всеподданнѣйшая просьба преобразованныхъ изъ б. запорожцевъ черноморскихъ козаковъ о поселеніи ихъ на Тамани [1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

---

[1]) Копія этой просьбы, сообщенная тѣмъ же генер. Коховскимъ тому же Василію Ст. Панову.

Всеподданнѣйше проситъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Алексѣевъ сынъ Чепега, войсковые старшины и всіо войско.

При начатіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскою компаніи, по всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію и покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣнію, мы изъ бывшихъ запорожцовъ и другихъ заграничныхъ мѣстъ, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ, такъ же и на флотиліи старшинъ и козаковъ двенадцать тысячь шесть сотъ двадцать два, служили вашему императорскому величеству до окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана устроены между нами старшины, яко то войсковые: кошевый, судія, писарь и есаулъ, полковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкарь, довбышъ и куренные атаманы; далъ намъ покойникъ булаву и перначей семнадцать, знамено большое бѣлое и праперовъ малыхъ четырнадцать, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе намъ отводъ земли обѣщалъ у вашего императорскаго величества изходатайствовать.

И до того какъ повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь нашъ съ разныхъ вашего императорскаго величества губерній и заграничныхъ мѣстъ на вновь пріобрѣтенную между рѣкъ Буга и Днѣстра, также и на Кинбурнской сторонѣ земли переселятся, то уже и переселилось на оную ста(рыхъ куреней?) сѣмъ сотъ пятдесятъ девять, а въ нихъ мужеска пять тысящь шестьдесятъ восѣмъ, да женска половъ четыре тысящи четыреста четырнадцать душъ, и завели себѣ хозяйство порядочно, яко то домостроительство, водяныя и вѣтренныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣсы, сады, винограды, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же таковыхъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскою войну отъ бывшаго Запорожья вашему императорскому величеству служили, оныхъ губерній, разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ прикащики, не взирая на данныя отъ насъ свидѣтельства, присваиваютъ непринадлежаще въ подданство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ женъ и дѣтей угнѣтая ежедневно работою, къ совмѣстному поселѣнію не выпущаютъ; а ежели всѣ служившіе съ ихъ сѣмействами будутъ выпущены, то соберется самаго мужескаго полу на двадцать пять тысящь.

Изъ числа переселившихся на вышеписанную землю отъ нѣкоторыхъ старшинъ и козаковъ взошли къ намъ жалобы, что при переселеніи ихъ изъ подъ-помѣщиковъ, оныя помѣщики и ихъ прикащики собственнаго ихъ имѣнія много безъвинно ограбили и не возвращаютъ, и какъ мы и потомки наши, будучи вашего императорскаго величества вѣрноподданные рабы, обѣщаемся и должны вашему императорскому величеству и наслѣдникамъ всероссійскаго престола служить вѣрою и правдою, и все, что къ пользѣ отечества касатися будетъ исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сыновъ всероссійскаго отечества требуетъ: прибѣгая подъ покровительство вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше рабски просимъ насъ войско во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерински принявъ, для поселенія на Таманѣ, съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвесть выгодныя земли такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть пріумноженіе сему войску безъ-нуждно помѣщатся могло, и на вѣчно-покойное потомственное оною владѣніе отправленному съ симъ, избранному отъ войска войсковому судіи, арміи полковнику и кавалеру, Антону Головатому съ старшинами высочайшую вашего императорскаго величества милостивую грамоту выдать, такъ-же и о выпускѣ изъ губерній служившихъ вашему императорскому величеству старшинъ и козаковъ съ ихъ семействами и имѣніемъ, и о возвратѣ заграбленнаго у таковыхъ имѣнія учинить милостивѣйшее разсмотрѣніе.

Февраля дня
1792 года.

IV.

Копія съ письма къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, по тому же предмету писаннаго, 24-го февраля 1792 года изъ Яссъ, Михаиломъ Коховскимъ.

Я имѣлъ честь при рапортѣ моемъ представить вашему сіятельству съ прошенія на всевысочайшее имя къ ея императорскому величеству войска козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги копію, съ которымъ на сихъ дняхъ отправится въ Петербургъ тогожъ войска полковникъ и кавалеръ Головатой. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ онаго, что просятъ они поселившихся между Буга

и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ казаковъ перевесть на Тамань. Симъ по мнѣнію моему позволить можно туда переселиться; но о прочихъ просимыхъ ими изъ губерніи не малаго числа людяхъ, кажется, нельзя приступить прежде, пока отъ губернаторовъ не присланы будутъ обстоятельныя вѣдомости о числѣ мужеска и женска пола всѣхъ прежде бывшихъ запорожцовъ, и по соображенію въ тѣхъ губерніяхъ по сему обстоятельствѣ.

При семъ имѣю честь препроводить карту съ означеніемъ на оной границъ просимой ими земли, которую если благоугодно будетъ ея императорскому величеству всемилостивѣйше имъ пожаловать, то не угодно ли будетъ вашему сіятельству изходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ при означеніи имъ границъ повелѣно было назначить оныя берегомъ Тамана по проливу яникольскому, такъ какъ черта границы онаго на приложенной картѣ; сіе послужитъ къ предохраненію могущихъ впредь произойти у нихъ съ яникольскими и керченскими жителями ссоръ за рыбную ловлю, и что черноморскимъ козакамъ и безъ сего пролива достанется много рыбныхъ мѣстъ.

Предъ симъ имѣлъ я честь упомянуть вашему сіятельству въ моемъ письмѣ о укрѣпленіи на Таманѣ и содержаніи тамъ двухъ баталіоновъ въ гарнизонѣ; но поелику теперь не малое число черноморскихъ казаковъ охотно туда переселиться желаютъ, то и найдутся они въ состояніи и безъ того сами себя защищать.

V.

Рапортъ бригадира Чепеги ген. Коховскому о дозволеніи черноморской войсковой депутаціи отправится въ Петербургъ и выдачѣ ей подорожней и прогоновъ [1]).

Рапортъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего войска, писанный къ генералу аншефу Коховскому отъ 21 февраля 1792 года подъ № 107-мъ.

Мы, имѣя намѣреніе для испрошенія у Ея Императорскаго Величества подъ поселеніе намъ на Таманѣ съ окрестностями оной отводу земли и прочаго отправить съ прозьбою, на всевы-

---

[1]) Копія изъ бумагъ В. Ст. Попова.

сочайшее ея императорскаго величества имя написанною, въ Санктпетербургъ избраннаго отъ насъ въ депутаты войсковаго судію, арміи господина полковника и кавалера Головатого съ шестью человѣкъ старшинами, вашего высокопревосходительства покорнѣйше просимъ, въ томъ намъ давъ позволеніе, о снабденіи его Головатого съ будущими при немъ на четырнадцать лошадей подорожною и прогонными деньгами, учинить милостивое разсмотреніе.

Февраля 26-го 792.

VI.

Писъмо генер. Коховскаго къ В. С. Попову по предмету переселенія черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государъ мой!
Василій Степановичъ.

Признательнейшую приношу вамъ мою благодарность за сообщеніе мнѣ въ трехъ пунктахъ примѣчаній вашихъ, касающихся до переселѣнія на Таманъ черноморскихъ казаковъ. Я тотъ же часъ по полученіи писма вашего послалъ за господами Чепегой, Головатымъ и протчими ихъ сотоварыщами; по прибытіи ихъ ко мнѣ невеговоря съ ними по дѣлу до нихъ касающемуся, не умѣдлю обовсемъ обстоятельно васъ увѣдомить. Я надѣюсь, что безъ малѣйшаго затрудненія переселятся они на Таманъ, такъ какъ и по первому отъ меня имъ предложенію обѣщали то здѣлать.

Депутація къ высочайшему Двору будетъ также отъ нихъ отправлена, но теперь ли оную должны они отправить, или по переселеніи ихъ на Таманъ, съ прошеніемъ и позволеніемъ тамъ сѣлиться и въ мѣстѣ просить о утвержденіи за ними тѣхъ земѣль, кои они для себя изберутъ, о чемъ покорнейше прося не оставить безъ увѣдомленія пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшаго слугу,

Михайлу Коховского.

13 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

P. S! Сейчасъ получилъ отъ господина Чепѣги отвѣтъ на мое къ нему писмо, которое при семъ прилагаю.

Ваше высокопревосходителство!

Милостівій батку;

Письмо вашего высокопревосходителства, писанное отъ 9 сего февраля о скорѣйшемъ мнѣ прибытіи въ Яссы, съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, за которое приношу вашему высокопревосходительству всенижайшую благодарность, и по оному вскорѣ вслѣдъ за симъ къ вамъ пребыть имѣю!

Впрочемъ пребывая съ истеннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда таковимъ.

Вашего высокопревосходителства, милостивого батка, всепокорнѣйшій слуга

Захарій Чепѣга.

7. 12 Февраля
1792 г.
Слободзѣя.

8 марта, 792.

VII.

Отвѣтъ ген. Коховского В. С. Попову съ дополнительными замѣчаніями о переселеніи черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Все по письму вашему ко мнѣ отъ 28 генваря съ черноморскими козаками сдѣлано. Они отправляютъ на сихъ дняхъ къ ея императорскому величесству съ прошеніемъ полковника Головатого и прочими. Съ рапорта ко мнѣ отъ бригадира Чепеги и прошенія къ ея императорскому величеству при семъ копіи прилагаю. Я писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, что полковникъ Головатый отправится отъсель въ Петербургъ. Съ писма моего къ его сіятельству прилагаю также ко усмотренію вашему копію. Съ коей изволити увидеть мои замѣчанія въ разсужденіи ихъ прошенія о выходѣ прежде бывшихъ запорожцовъ изъ губерній. Кажется, что вдругъ приступить къ тому нельзя; а чтобъ удовлетворить ихъ прозьбу, то слегка можно ихъ въ томъ обнадежить, а между тѣмъ преподать всѣ имъ способы къ скорѣйшему переселенію всѣхъ находящихся теперь между Буга и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ.

Я не упомянулъ въ письмѣ къ графу Николаю Ивановичу о просимой ими волной торговлѣ, не объясняясь и съ вами, не известенъ будучи, на какомъ основаніи въ Тавридѣ и во вновь приобрѣтенной области будетъ оная учреждена.

Имѣю честь быть съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Михаилъ Коховскій.

24 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

VIII.

Письмо ген. Коховскаго къ В. С. Попову съ извѣстіемъ о переговорахъ его съ представителемъ черноморской депутаціи полковникомъ Головатымъ по предмету переселенія ихъ на Тамань.

Милостивій Государь,
Василій Степановичъ.

Господинъ полковникъ Головатой прибылъ въ здѣшнею область. Въ десяти верстахъ отъ Коша простоялъ онъ нѣсколько дней въ лагерѣ, въ ожиданіи прибытія архіепископа Амвросія; въ 15 день августа имѣлъ онъ свой въѣздъ въ Кошъ при пушечной пальбѣ. Всѣ козаки и всѣ поселяне обоего пола собраны были въ Кошъ для сего всерадостнаго дня. Описаніе всей церемоніи и торжества, думаю, къ вамъ уже отправлено. Четвертаго дня онъ былъ у меня. Мы говорили съ нимъ о пути ихъ въ пожалованную имъ землю, о провожатыхъ отъ нижняго земскаго суда отъ Соколовъ къ Бериславлю, о продовольствіи ихъ въ пути провіянтомъ, о высылкѣ козаковъ изъ екатеринославской губерніи, о козакахъ, кои похотять здѣсь остаться, тожъ и о молдованахъ и волохахъ, живущихъ въ ихъ селеніяхъ, остающемся у козаковъ разнаго рода хлѣбѣ, о заготовленныхъ ими лѣсахъ и объ оставляемыхъ ими домахъ, мельницахъ и прочихъ строеніяхъ. Посудя съ нимъ о всемъ вышеписанномъ, иное мы разрѣшили, съ другимъ, что должно здѣлать, постановили. По полученіи отъ Коша на все вышеписанное письменнаго отзыва, не премину я донесть о всемъ въ подробности. Нынѣ же имѣю честь донесть вашему превосходительству, что всѣ казаки, бывшіе на дѣйствительной службѣ, идутъ въ Фанагорію охотнѣйше.

Не служившіе же, перешедшіе изъ екатеринославской губерніи подъ видомъ службы, и устроившіе здѣсь свои домы и имѣющіе лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы, не всѣ идутъ. Изъ молдованъ же и волоховѣ живущихъ въ селеніяхъ козачьихъ ни кто итти не желаетъ. О чемъ отъ трехъ селеній поданы ко мнѣ сего дня прозьбы. Надѣясь на благоразуміе г. Головатаго и его ко мнѣ довѣренность, уповаю, что поможетъ намъ Богъ все сіе устроить наилутчшимъ и полезнѣйшимъ образомъ.

Имѣю честь съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ быть, Милостивый Государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга.

Василій Коховскій.

Августа 28 д.
1792 г.
Дубосары.

Библіографія.

Памятная книжка кіевской епархіи (кіевскій епархіальный календарь). Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.

„Изданіемъ *Памятной книжки кіевской епархіи* редакція ея, говорится въ предисловіи, хотѣла-бы удовлетворить серіозной потребности. Въ общемъ составѣ русской церкви кіевская епархія представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ частей не только по обширности, но и по внутреннему значенію своихъ духовныхъ и религіозно-общественныхъ учрежденій. Статистика всѣхъ органовъ и учрежденій церковно-религіозной епархіальной жизни, начиная отъ первой всероссійской древнѣйшей святыни, кіево-печерской лавры, и отъ маститаго первосвятителя церкви кіевской до скромной сельской приходской церкви и ея смиреннаго служителя, эта статистика, соединенная съ краткими историческими свѣдѣніями о всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ, не есть, думаемъ, дѣло излишнее и безполезное. Календарная статистика эта дастъ сжатый, но по возможности всесторонній очеркъ епархіальной жизни во всей ея пространственной, количественной, такъ сказать, сторонѣ, а отчасти и во внутренней, качественной, насколько послѣдняя открывается изъ данныхъ, подлежащихъ статистикѣ".

„*Памятная книжка кіевской епархіи* раздѣляется на двѣ части. Въ первой содержатся историко-статистическія свѣдѣнія: 1) объ епархіальномъ управленіи, какъ центральномъ, такъ и уѣздномъ, 2) о кіево-печерской лаврѣ и всѣхъ монастыряхъ кіевской епархіи, мужскихъ и женскихъ, 3) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ кіевской епархіи и 4) объ обществахъ, имѣющихъ церковныя, религіозныя или нравственныя цѣли. Вторая часть содер-

жить статистическіе списки церквей кіевской епархіи по всѣмъ уѣздамъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ по возможности всѣхъ относящихся до церквей, духовенства и приходской жизни свѣдѣній. Въ заключительномъ отдѣлѣ представлены общія статистическія свѣдѣнія по всѣмъ, по возможности, сторонамъ епархіальной, церковно-религіозной жизни".

Конечно, для обиходнаго употребленія мѣстнаго духовенства „Памятная книжка кіевской епархіи" представляетъ незамѣнимую справочную книгу по всѣмъ отраслямъ епархіальной жизни. Но, кромѣ практическаго своего значенія, она имѣетъ и научное. Въ послѣднемъ отношеніи двѣ части „Памятной книжки" имѣютъ для насъ неравный интересъ. Первая часть книжки составлена преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и доступныхъ, занимающимся исторіею мѣстнаго края, тогда какъ вторая часть и дополнительный отдѣлъ заключаютъ церковно-статистическія свѣдѣнія, основанныя на малодоступныхъ источникахъ, именно клировыхъ вѣдомостяхъ за 1879 годъ и другихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1880 и 1881 годахъ. Мы укажемъ только нѣкоторые общіе итоги и выводы въ заключительномъ отдѣлѣ книжки.

Всѣхъ причтовыхъ церквей въ кіевской епархіи, со включеніемъ женскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, 1301; приписныхъ и кладбищенскихъ церквей 105. Изъ сихъ 1406 церквей каменныхъ 162, остальныя деревянныя и одна желѣзная. Изъ общаго числа церквей частными лицами, помѣщиками, купцами, духовными лицами и др. построено около 200 церквей; всѣ же прочія построены или возобновлены частію прихожанами, частію казною, частію прихожанами съ пособіемъ отъ казны. Построеніе церквей, прогрессивно возвышавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, значительно упало съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія и шло весьма медленно до 40-хъ годовъ. За все это время построено было всего 149 церквей, слѣдовательно менѣе 4 церквей въ годъ. Но съ 40-хъ годовъ, когда правительствомъ обращено было вниманіе на церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ, постройка церквей быстро усиливается, такъ что съ 1842 по 1861 г. построено вновь и возобновлено 325 церквей, т. е. болѣе 16 церквей въ годъ. Еще быстрѣе двинулось это дѣло съ 1862 г., когда къ заботамъ правительства, еще болѣе усилившимся послѣ польскаго мятежа, присоединился и свободный трудъ благодарнаго Богу и Царю освобожденнаго крестья-

нина. Съ 1862 по 1879 г., за 18 лѣтъ, построено и возобновлено уже 365 церквей, т. е. болѣе 20 церквей въ годъ.

По праздникамъ и святымъ, въ честь коихъ построены церкви, кіевская епархія представляетъ слѣдующія данныя. Церквей Покровскихъ 221, Рождество-Богородичныхъ 173, Михайловскихъ 161, Николаевскихъ 143, Успенскихъ 91, Троицкихъ 82, Іоанно-Богословскихъ 79, Димитріевскихъ 55, Преображенскихъ 44, Параскевеевскихъ 46, Воздвиженскихъ 25, Георгіевскихъ 23, Воскресенскихъ 20, Петро-Павловскихъ 17, Іоанно-Предтеченскихъ 14, Аннинскихъ 13, Ильинскихъ 12, Космо-Даміановскихъ 12, Александро-Невскихъ 10, Введенскихъ 9, Варваринскихъ 7, Казанскихъ 4, Борисо-Глѣбскихъ 3, Владимірскихъ 3 и проч. „Соображеніе этихъ данныхъ, говорятъ составители книжки, приводитъ къ выводамъ: 1) объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи въ прежнее время. Изъ древнихъ церквей епархіи нѣтъ ни одной, посвященной имени великороссійскихъ святыхъ, напр. Сергія Радонежскаго, или сооруженной въ честь особенно чтимыхъ въ Великороссіи чудотворныхъ иконъ— Смоленской, Владимірской, Знаменской и др. Нѣкоторое сближеніе начинается уже въ самое послѣднее время; такъ 4 церкви въ честь Казанской иконы Богоматери построены въ 60-хъ годахъ, Митрофаніевская въ 1841 году, всѣ Александро - Невскія сооружены въ честь достославнаго Царя-Освободителя, въ періодъ его царствованія. Замѣтны слѣды историческаго отчужденія нынѣшней епархіи и отъ самаго Кіева, святымъ коего изъ *древнихъ* церквей посвящены только три Варваринскія церкви. 2) Огромное большинство храмовъ посвящено праздникамъ и святымъ, которые приходятся въ осеннее время, отъ 15 августа до 1 ноября, и затѣмъ слѣдуютъ праздники, падающіе на конецъ весны и лѣта, тогда какъ праздникамъ и святымъ, память которыхъ падаетъ на зиму и начало весны, соединяющееся съ великимъ постомъ, посвящено сравнительно очень мало храмовъ. Здѣсь можно видѣть бытовыя черты народной жизни. 3) Обращаетъ на себя вниманіе множество храмовъ въ честь праздниковъ Богородичныхъ (501) и изъ святыхъ преимущественно чествованіе св. архистратига Михаила, св. Николая, св. Димитрія и св. Георгія. 4) Замѣчательно также сравнительно слабое чествованіе пророка Иліи (12 церквей) и Пантелеймона (1 церковь) и отсутствіе храмовъ въ честь такихъ святыхъ, какъ Власій, Флоръ и Лавръ; только значительно распространенное чествованіе св. Параскевы

(38 церквей) показываетъ, по видимому, тождество малороссійскихъ религіозныхъ представленій съ великороссійскими относительно нѣкоторыхъ святыхъ.

Общій составъ служащаго бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи: протоіереевъ 33, священниковъ 1297, діаконовъ 188, причетниковъ 1535, всѣхъ 3044; кромѣ того, просфорень 638. Въ мужескихъ монастыряхъ епархіи (кромѣ лавры, въ которой монашествующихъ 205) въ 1881 году состояло монашествующихъ 211, послушниковъ 171; въ женскихъ монастыряхъ состояло монахинь 200, послушницъ 305. О предосудительныхъ поступкахъ духовенства состояло въ консисторіи дѣлъ (съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ) 468, изъ коихъ окончательно рѣшено 346. По всѣмъ этимъ дѣламъ признано виновными и подвергнуто взысканію епархіальнаго начальства 40 лицъ. Наибольшія взысканія: низведеніе въ низшія должности (2 священника), исключеніе изъ клира (20 причетниковъ), эпитимія въ монастырѣ (5 человѣкъ). Въ средствахъ содержанія духовенство, кромѣ случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ, обезпечивается жалованьемъ отъ казны, церковною землею, церковными помѣщеніями и % съ принадлежащихъ причтамъ церквей капиталовъ. О содержаніи духовенства кіевской епархіи вообще нельзя не замѣтить, что, сравнительно съ содержаніемъ духовенства большинства великороссійскихъ епархій, оно представляется значительно болѣе удовлетворительнымъ и по высшимъ окладамъ жалованья, и по высшимъ пропорціямъ земли, притомъ по большей части черноземной, и по сравнительно болѣе общему обезпеченію церковными помѣщеніями.

Число и движеніе православнаго народонаселенія по кіевской епархіи за 1879 годъ было слѣдующее: въ Кіевѣ: муж. 12,970, жен. 12,065, обоихъ половъ 25,035; въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ муж. 981,122, жен. 1,007,683, обоихъ 1,988,805; всего 2,013,840. Браковъ было 24,679; умерло 79,503, родилось 117,527. Вѣдомости кіевской консисторіи о дѣлахъ бракоразводныхъ представляютъ слѣдующія данныя: съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ состояло въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ 1879 г. 268, въ 1880 г. 220, въ 1881 г. 181. Изъ этихъ дѣлъ отказано въ расторженіи браковъ въ 1879 г. по 31 дѣлу, въ 1880 г. по 37, въ 1881 г. по 61. Расторгнуто браковъ въ 1879 г. 188, въ 1880 г. 140, въ 1881 г. 122. Изъ общаго числа расторженій браковъ за три года (450) наибольшее число расторгнуто за безвѣстностію, именно 246, затѣмъ за ссылкою въ Сибирь на поселеніе 62, за прелюбодѣяніе

14, по неспособности 5, по близкому родству 2 и за вступленіе въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ 2. Всѣхъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія по епархіи въ 1879 г. было 1406, а въ 1881 г. 1579 душъ обоего пола.

Начало церковно-приходскихъ школъ относится къ эпохѣ, предшествующей освобожденію крестьянъ, и особенно быстрое распространеніе ихъ—къ первымъ годамъ по освобожденіи. Пользуясь пробудившимся въ народѣ стремленіемъ къ грамотѣ и удовлетворяя ему, митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій) 31 августа 1859 года сдѣлалъ распоряженіе, „чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества, и чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей“. Встрѣтивъ живое сочувствіе въ мѣстной гражданской власти, распоряженіе это сопровождалось значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ теченіе года открыто было 385 школъ. Еще съ большею ревностію заботился о школахъ митрополитъ Арсеній. Къ 1 янв. 1861 года открыто было уже 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было 16,269 мальчиковъ и 4,654 дѣвочекъ. Въ 1866 г. въ 1246 приходахъ кіевской епархіи церковно-приходскихъ школъ значилось 1360, въ коихъ учащихся было мужеска пола 34,128, а женскаго 8,898, всего 43,626. Колеблясь около этихъ крупныхъ цифръ, число школъ и особенно учащихся въ нихъ начинаетъ значительно падать съ 1878 года, такъ что въ теченіи трехъ лѣтъ число школъ убавилось на 186 и число учащихся въ нихъ мальчиковъ на 6,453, дѣвочекъ 2,263. Уменьшеніе это съ одной стороны, можетъ быть, показываетъ только болѣе точную и сообразную съ дѣйствительностію отчетность о школахъ, а съ другой объясняется и распространеніемъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ церковно-приходскихъ школъ.

Церковно-приходскія попечительства возникли изъ высокой идеи древнихъ братствъ—объединить приходскую общину въ дѣлѣ св. вѣры и церкви, привлечь участіе прихода къ попеченію о приходскомъ храмѣ, церковно-приходской школѣ, священнослужителяхъ, бѣдныхъ и больныхъ прихода и о нравственно-религіозной жизни прихода. Плодотворное учрежденіе это, опредѣленное „проэктомъ положенія объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ“ отъ 4 августа 1864 г., не могло не

привиться въ юго-западномъ краѣ, родинѣ древнихъ братствъ, гдѣ остатки ихъ еще сохранились. Въ 1865 году въ кіевской епархіи учреждено было 18 попечительствъ, въ слѣдующемъ году 33, въ дальнѣйшіе годы иногда еще болѣе, такъ что до 1879 года всѣхъ церковно приходскихъ попечительствъ открыто было по кіевской епархіи 294. Въ 1879 г. открыто было 20 попечительствъ, въ 1880 г. 13, въ 1881 г. 7. Многія изъ этихъ попечительствъ были и до настоящаго времени остаются номинальными, но многія сразу заслужили сочувствіе приходскаго общества и успѣли дать и даютъ доселѣ прекрасные плоды. За 1879 г. попечительствами пожертвовано: въ пользу церквей 41,967 р.; на церковно-приходскія школы 2757 р.; на содержаніе причта 1605 р. Средства попечительствъ составляются изъ пожертвованій членовъ, изъ оброчныхъ статей, отъ сыченія меда въ храмовые праздники, отъ сборовъ и пожертвованій существующихъ по мѣстамъ *молодецкихъ* и *сестричныхъ* братствъ, отъ славленія или колядованія въ праздникъ Р. Христова, отъ нарочитыхъ сборовъ по приходу или сборовъ во время исповѣди въ пользу попечительствъ, отъ работъ, плата за которыя жертвуется въ пользу попечительствъ, отъ устроенной при церквахъ продажи иконъ, крестиковъ и т. п., отъ штрафовъ за проступки и проч. Все это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ попечительствамъ значительныя суммы.

Штундизмъ, возникшій въ херсонской губерніи, занесенъ въ кіевскую херсонскимъ однодворцемъ Яковомъ Цибульскимъ, пріѣхавшимъ въ село Плоское, таращанскаго у., и особенно крестьяниномъ села Чаплинки, того-же уѣзда, Герасимомъ Балабаномъ, который, бѣжавъ въ херсонскую губернію и заразившись здѣсь штундизмомъ, въ 1871 году былъ водворенъ на жительство въ селѣ Чаплинкѣ. „Здѣсь онъ постепенно заражалъ умы неопытныхъ въ дѣлѣ вѣры крестьянъ, сосредоточивъ свою религіозную проповѣдь въ корчмѣ и привлекая прозелитовъ обильными угощеніями на значительныя средства, присылаемыя ему изъ херсонской губ. для пропаганды. Особенно успѣшно пошло это дѣло, когда къ штундизму присталъ волостной чаплинскій писарь Ляхоцкій и когда волостное правленіе обратилось въ мѣсто собранія штундистовъ. Здѣсь началась открытая дерзкая проповѣдь Балабана противъ церкви, ея ученія, обрядности и особенно противъ духовенства. Въ 1872 году эта открытая пропаганда лжеученія и публичныя оскорбленія церкви послужили основаніемъ къ привлеченію Балабана къ духовному суду кіевской консисторіи; но, ли-

цемѣрно показавъ себя православнымъ, расколоучитель былъ возвращенъ на родину и, ссылаясь на мнимое оправданіе своего ученія консисторіею, началъ еще съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ дѣло совращенія, распространяя штундизмъ и по сосѣднимъ съ Чаплинкою селамъ и деревнямъ. Только вслѣдствіе усиленныхъ стараній священниковъ, административныя власти обратили наконецъ вниманіе на распространяющуюся заразу и приняли рѣшительныя мѣры. За публичное издѣваніе надъ св. иконами самъ Балабанъ и нѣсколько фанатическихъ сектантовъ были заключены въ тюрьму и подверглись продолжительному заключенію. Вразумленные этими мѣрами, сектанты впослѣдствіи менѣе заявляли себя публичнымъ оскорбленіемъ святыни православной церкви".

„Совершенно несродное, по видимому, духу православнаго народа русскаго и въ особенности народа малорусскаго, выстрадавшаго и кровію отстоявшаго свое православіе, протестантское лжеученіе штундизма, какъ и всякое лжеученіе, имѣющее ревностныхъ пропагандистовъ, какъ фанатиковъ, распространяется, но оно распространяется далеко не такъ быстро, какъ представляется въ періодической печати, тенденціозно передающей объ этомъ общія и чрезмѣрно преувеличенныя извѣстія... По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1879 г. въ таращанскомъ, звенигородскомъ и сквирскомъ уѣздахъ, всѣхъ штундистовъ было 1223 души обоего пола. Нынѣ мы имѣемъ статистическія свѣдѣнія о штундистахъ за 1880 г., собранныя полиціею, и за 1881 годъ оффиціальныя свѣдѣнія консисторіи. По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1880 г. штундистовъ было: въ звенигородскомъ уѣздѣ 272 души обоего пола, въ сквирскомъ 55, въ г. Таращѣ 13 и таращанскомъ уѣздѣ 1140, а всего 1480 душъ обоего пола. По свѣдѣніямъ же консисторіи за 1881 годъ: 1) въ *таращанскомъ* уѣздѣ состояло штундистовъ въ селахъ: Чаплинкѣ 353, Косяковкѣ 269, Веселомъ Кутѣ 42, Жидовской Греблѣ 39, Попружнѣ 86, Плоскомъ 57, Малой Березянкѣ 68, Крутыхъ Горбахъ 32, Тиновкѣ 29, Разумницѣ 20,—всего 995; 2) въ *звенигородскомъ:* Вотылевкѣ 53, Шубиныхъ Ставахъ 17, Чижовкѣ 9, Яблоновкѣ 8, Каменномъ Бродѣ 112, Виноградѣ 43, Бояркѣ 39, Рѣпкахъ 28, Моринцахъ 21, Кобелянкахъ 14, Рыжановкѣ 8, всего 352 души; 3) въ *сквирскомъ*: Скибинцахъ 34, Курьянцахъ 12, всего 46; 4) въ другихъ уѣздахъ: *васильковскомъ* (въ д. Яблуновкѣ 6), *чигиринскомъ* (въ с. Топиловкѣ 11) и въ *каневскомъ* (въ селѣ Красногоркѣ 9), всего 26 душъ, а во всѣхъ уѣздахъ штундистовъ обоего пола 1420 душъ. Такимъ

образомъ штундизмъ хотя распространяется пространственно и охватываетъ новыя мѣстности [1]), но численно усиливается мало и даже ослабѣваетъ, или не распространяется болѣе въ мѣстахъ своего первоначальнаго появленія. Въ этихъ послѣднихъ отчеты показываютъ и случаи возвращенія къ православной церкви. Такъ, благодаря увѣщаніямъ и собесѣдованіямъ священниковъ и псаломщиковъ, въ 1879 году возвратилось изъ штундизма въ православіе 25 душъ въ с. Вотылевкѣ и 35 душъ въ с. Великомъ Кутѣ; въ 1881 г. въ Вотылевкѣ возвратились 14, въ Шубиныхъ Ставахъ 22, въ Моринцахъ 2 души. Въ с. Вотылевкѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ другими обратился къ православной церкви бывшій у штундистовъ діакономъ отставной солдатъ Іоакимъ Косый, пробывшій въ штундизмѣ 6 лѣтъ. По его собственному сознанію, онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, закоренѣлымъ штундистомъ и главнымъ распространителемъ штундизма въ с. Вотылевкѣ; но возникшее въ немъ желаніе посѣщать богослуженіе православной церкви и частыя собесѣдованія съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ (изъ окончившихъ курсъ семинаріи) привели его къ убѣжденію въ неправотѣ штундитскаго ученія и къ возвращенію въ православіе съ женою и 4-мя дѣтьми. По возвращеніи, Косый обратился къ покойному митрополиту Филоѳею съ просьбою о принятіи старшаго своего сына въ училище кіево-печерской лавры для утвержденія въ истинахъ православной вѣры, въ чемъ ему и не отказано. Въ видахъ успѣшнѣйшаго противодѣйствія штундизму, съ 1877 года назначено особое пособіе священникамъ и окончившимъ курсъ семинаріи псаломщикамъ, служащимъ въ зараженныхъ штундизмомъ приходахъ, а также даны особыя средства на покупку въ церковныя библіотеки учебныхъ пособій для собесѣдованій съ штундистами. При предубѣжденіи противъ священниковъ, штундисты съ большимъ довѣріемъ относятся къ псаломщикамъ".

Раскольники (старообрядцы) кіевской епархіи всѣ состоятъ изъ великорусскихъ переселенцевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ кіевской губерніи: въ Кіевѣ, Черкассахъ, м. Чернобылѣ и Бердичевѣ. По свѣдѣніямъ консисторіи за 1881 годъ, раскольниковъ въ кіевской губерніи 5776

---

[1]) Послѣ 1879 г. онъ распространился въ слѣдующихъ новыхъ мѣстностяхъ: таращан. у. въ Крутыхъ Горбахъ, Тиновкѣ и Разумницѣ; сквирскаго у. Скибинцахъ, Курьянцахъ, Капустницахъ; въ Топиловкѣ чигир. у. и въ Красногородкѣ канев. уѣзда.

душъ обоего пола. Изъ нихъ 2,265 принадлежатъ къ поповщинской сектѣ и 3,511 беззоповцевъ. По свѣдѣніямъ полиціи за 1880 годъ число раскольниковъ нѣсколько болѣе и простирается до 7,443 душъ.

Изъ иновѣрцевъ въ кіевской епархіи проживаютъ католики, протестанты и евреи. *Католиковъ*, по свѣдѣніямъ клировыхъ вѣдомостей 1879 г., (съ присоединеніемъ 10,409 католиковъ г. Кіева, по переписи 2 марта, 1874 г.) 56,016 душъ обоего пола; но по свѣдѣніямъ оффиціальнаго церковнаго католическаго календаря для слуцкой и житомірской епархіи число католиковъ кіевской епархіи простирается до 79,239 душъ обоего пола. Костеловъ и приходовъ 53, филій 22, каплицъ 115. *Протестантовъ*, по свѣдѣніямъ однодневной переписи г. Кіева 1874 г., въ Кіевѣ находится 2740 душъ; количество протестантовъ въ губерніи не выше этого числа. *Евреевъ*, по переписи 1874 г., въ Кіевѣ значится 13,803, за послѣдніе годы число это по крайней мѣрѣ удвоилось, принимая однако же указаніе „переписи" и показанія клировыхъ вѣдомостей за 1879 г., получаемъ общее число еврейскаго народонаселенія въ кіевской губерніи 300,057 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, общее число народонаселенія православнаго и иновѣрческаго по кіевской епархіи простирается свыше 2,450,000 душъ обоего пола.

Составители „Памятной книжки" сознаются, что они не располагали полными и точными данными для церковной статистики и это подтверждаетъ самая книжка. Подозрительными кажутся многія ихъ цифры, особенно о числѣ православнаго населенія г. Кіева, не всегда вѣрны и выводы ихъ. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ выводъ о слабомъ чествованіи пророка Иліи и св. Пантелеимона въ кіевской губерніи, такъ какъ сравнительно малое число церквей во имя ихъ восполняется обиліемъ народныхъ преданій объ этихъ святыхъ. Не можетъ также свидѣтельствовать объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи отсутствіе въ первой чествованія свв. мучениковъ Флора и Лавра, считающихся покровителями лошадей, такъ какъ обыкновенный рабочій скотъ въ Малороссіи—волы, а не лошади. Отдѣлъ о составѣ бѣлаго духовенства въ кіевской епархіи могъ-бы быть восполненъ по нашему мнѣнію другими не безъинтересными свѣдѣніями, кромѣ предложенныхъ. Интересно бы знать образовательный цензъ бѣлаго духовенства, особенно въ г. Кіевѣ, гдѣ, несмотря на существованіе академіи,

большинство священниковъ, говорятъ, состоитъ изъ студентовъ семинаріи, и даже не окончившихъ въ первомъ разрядѣ семинаріи и вовсе не бывавшихъ въ ней. Весьма важно знать, насколько привился институтъ псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, и какой процентъ они составляютъ въ общемъ числѣ причетниковъ. Не излишни были бы свѣдѣнія о проповѣднической и вообще учительной дѣятельности мѣстнаго духовенства, о положеніи причетниковъ, о такъ называемыхъ составителями книжки „случайныхъ доходахъ" духовенства, о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ, съ мѣста на мѣсто, статистикѣ рукоположеній, увольненій за штатъ, смерти и проч. Данныя по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ разсѣяны въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Далѣе, въ „Памятной книжкѣ" указано только общее число не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ, безъ указанія причинъ небытія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ могли-бы быть указателями предрасположенія прихожанъ къ церковному расколу, въ родѣ штундизма. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ, составители „Памятной книжки", совершенно упустили изъ виду прежнія церковныя школки, съ ихъ дьяками или бакалярами, служившія готовою почвою для новыхъ школъ, а инціативу этихъ послѣднихъ напрасно приписали тогдашней епархіальной власти, а не самому духовенству, какъ было на самомъ дѣлѣ. Для объясненія упадка церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы, необходимо было-бы знать, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, сами-ли священники, или причетники, или-же особые учителя, и съ какимъ образовательнымъ цензомъ; но объ этомъ ничего не сказано въ „Памятной книжкѣ". Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы при новомъ изданіи „Памятной книжки кіевской епархіи", если оно послѣдуетъ, по-больше было точности въ исторических свѣдѣніяхъ по кіевской епархіи и поменьше корректурныхъ ошибокъ, которыя, мѣстами, непріятно поражаютъ читателя въ настоящемъ изданіи. **Н. П.**

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.

Г. Чалый еще въ 1862 году помѣстилъ въ журналѣ „Основа" (№№ 5 и 6), подъ псевдонимомъ Савы Ч., нѣсколько ма-

теріаловъ для біографіи Шевченка и тогда-же приглашалъ своихъ земляковъ „поспѣшить обнародованіемъ мельчайшихъ подробностей изъ жизни нашего самобытнаго народнаго поэта“. Съ того времени немало уплыло воды въ Днѣпрѣ, и все таки къ тому, что́ было извѣстно въ печати о жизни поэта въ годъ его смерти, очень мало, или почти ничего не прибавилось. „Успѣвъ собрать еще нѣсколько матеріаловъ для жизнеописанія нашего незабвеннаго кобзаря,—говоритъ г. Чалый въ предисловіи къ своей книгѣ,—я спѣшу оказать посильное содѣйствіе будущему его біографу и помочь ему возсоздать во всей полнотѣ своеобразную личность этого замѣчательнаго человѣка, котораго смерть не даромъ совпала съ великимъ всероссійскимъ событіемъ 19 февраля, 1861 года. Вполнѣ сознавая несовершенство настоящаго своего труда, я не имѣлъ претензіи написать полную біографію художника-поэта Шевченка, достойную его славы: это не болѣе, какъ сводъ хронологически расположенныхъ матеріаловъ, частію уже извѣстныхъ читающей публикѣ, частію совершенно новыхъ“.

Сводъ этотъ въ книгѣ г. Чалаго раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ три заняты біографіей Т. Г. Шевченка, и только четвертая посвящена его произведеніямъ. Слѣдовательно, біографія поэта преимущественно предъ его произведеніями занимала г. Чалаго. Это, впрочемъ, и естественно, такъ какъ біографія Шевченка далеко еще не исчерпана не только другими его біографами, но и самимъ г. Чалымъ въ настоящей его книгѣ, тогда какъ кругъ произведеній Шевченка считается болѣе или менѣе опредѣлившимся и законченнымъ. Скажемъ нѣсколько словъ о біографіи Т. Г. Шевченка и объ его произведеніяхъ по книгѣ г. Чалаго.

„Краткая автобіографія поэта, заключающаяся въ письмѣ его къ редактору „Народнаго Чтенія“, говоритъ г. Чалый, имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма важныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатичной личности Кобзаря, какимъ мы его знали при жизни. Пробѣлы эти только отчасти восполнены немногими изъ его многочисленныхъ когда то поклонниковъ“. Кто восполнялъ эти пробѣлы, г. Чалый, къ сожалѣнію, не перечисляетъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что собирая матеріалы, уже извѣстные читающей публикѣ, авторъ разсматриваемой книги, совершенно игнорировалъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напр.,

онъ не воспользовался воспоминаніями Тургенева и Полонскаго о Шевченкѣ, приложенными къ пражскому изданію его произведеній, 1876 года, и новыми „матеріалами для біографіи Т. Г. Шевченка“ Е. А. Ганненка. А между тѣмъ эти уже извѣстные въ печати матеріалы не излишни были бы для г. Чалаго. Вотъ примѣры тому. Разсказавъ о покушеніи Шевченка жениться на горничной Лукерьѣ въ 1860 г., г. Чалый замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „послѣ этого, уже *послѣдняго* покушенія на женитьбу, поэтъ сдѣлался неумолимо лютъ на все женское племя до самой своей болѣзни“. Но изъ матеріаловъ Ганненка мы знаемъ, что и послѣ неудавшейся попытки жениться на Лукерьѣ, Шевченко не оставлялъ мысли о женитьбѣ и писалъ въ Полтаву къ старому своему товарищу Ѳедоту Т., прося его пріискать ему „полтавку киру черноbривку“. Г. Т. сваталъ за Шевченка дочь г. В—скаго. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Чалый, говоря о недостойномъ будто бы обращеніи графа Перовскаго съ Шевченкомъ, совершенно упустилъ изъ виду другой разсказъ объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку, переданный г. Тургеневымъ. Какой-то черезчуръ исполнительный генералъ, передаетъ г. Тургеневъ, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ В. А. Перовскому въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ *съ другой стороны* то, что̀ вы сказали!“ Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога. Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва-ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. О фактѣ такого обращенія г. Лѣсковъ слышалъ будто бы между прочимъ, отъ мужа своей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ?!

За небольшими сказанными исключеніями, сводъ печатныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ составленъ г. Чалымъ полно и обстоятельно. Доселѣ извѣстныя, большею частію отрывочныя свѣдѣнія

о жизни Шевченка приведены имъ въ хронологическій порядокъ и переданы въ связномъ разсказѣ. Но главное достоинство книги г. Чалаго состоитъ въ сообщеніи новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. Это большею частію—неизданная доселѣ переписка съ Шевченкомъ его друзей, воспоминанія послѣднихъ и личныя воспоминанія самого автора книги. Вслѣдствіе этого, книга отличается такимъ обиліемъ и полнотою біографическихъ свѣдѣній о Шевченкѣ, что она далеко превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя біографіи Шевченка и лучшую изъ нихъ, составленную покойнымъ Масловымъ. Особенною полнотою отличаются свѣдѣнія о жизни Шевченка съ того времени, когда онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своихъ земляковъ, т. е. приблизительно съ 1848 года, такъ что съ большею извѣстностію Шевченка увеличиваются и біографическія свѣдѣнія о немъ.

Впрочемъ, и въ этой лучшей части своего труда г. Чалый допустилъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недостатки, которые легко могли-бы быть устранены при наличныхъ средствахъ. Во первыхъ, г. Чалый мѣстами, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, допускаетъ не вѣрныя предположенія, которыя однако же облекаетъ въ форму положительныхъ извѣстій. На стр. 17-й онъ говоритъ, что лебединская мотронинская обитель „въ описываемое время замѣчательна была еще и тѣмъ, что „на цвинтарѣ“ ея, подлѣ церкви, похоронено много „коліивъ“, о чемъ свидѣтельствовали каменныя могильныя плиты, съ уцѣлѣвшими на нихъ надписями и что Тарасъ, тогда уже грамотный, удовлетворяя любознательности богомольцевъ, прочитывалъ эти надписи“. Лебединскій—вовсе не мотронинскій монастырь; гдѣ погребены „коліи“, про то вѣдали коденскій судъ, кіево-губернская и другія канцеляріи, предположеніе же, основанное на грамотности Шевченка и на существованіи якобы каменныхъ могильныхъ плитъ съ надписями надъ могилами „коліивъ“, можетъ лишь ввести неопытныхъ читателей въ заблужденіе. Во-вторыхъ, сводя различныя свѣдѣнія о жизни Шевченка въ одинъ связный разсказъ, г. Чалый не всегда подвергалъ ихъ строгой критикѣ и не устранялъ внутреннихъ противорѣчій между ними. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ хронологическихъ неточностей изъ періода жизни Шевченка между 1843—1847 годами. На стр. 41 г. Чалый говоритъ, что всю зиму 1844 года Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репниныхъ. А между тѣмъ есть основаніе думать, что въ самомъ началѣ 1844 года Шевченко не былъ уже въ Яготинѣ: поэма „Чигиринъ“ написана

имъ 19 февраля 1844 г. въ Москвѣ (Мосевкѣ?), а русская повѣсть „Наймичка“ окончена 25 февраля, 1844 г., въ Переяславѣ. Въ іюнѣ 1844 г. Шевченко является въ Петербургѣ, какъ видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“. Вообще въ подписяхъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ произведеній Шевченка есть нѣсколько указаній на станціонные пункты въ его страннической жизни. Хронологія же стихотвореній Шевченка даетъ понять, что онъ увлекся идеями кирилло-меѳодіевскаго кружка не въ 1846 году, когда онъ будто-бы познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, а годомъ раньше. Только въ 1845 году Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ, входившіе въ составъ кирилло-меѳодіевскаго общества, могли быть въ Кіевѣ вмѣстѣ.

Четвертая часть книги г. Чалаго, заключающая обзоръ важнѣйшихъ произведеній г. Шевченка, излагаетъ собственно содержаніе главнѣйшихъ произведеній поэта въ простомъ прозаическомъ разсказѣ и имѣетъ въ виду преимущественно читателей великороссовъ. Но въ концѣ этой части есть двѣ заново отдѣланныя главы: „О стихотвореніяхъ Шевченка, какъ матеріалѣ для музыкальныхъ произведеній“, и „О Шевченкѣ, какъ живописцѣ“. Изложеніе содержанія важнѣйшихъ произведеній Шевченка не представляетъ почти ничего новаго въ сравненіи съ подобнымъ же изложеніемъ барона Баттаглія и А. Т—аго, и даже уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что г. Чалый совершенно отказывается опредѣлить и установить хронологію произведеній Шевченка. „Соблюсти хронологически-точный порядокъ въ распредѣленіи произведеній Шевченка, какой старается удержать баронъ Баттаглія, говоритъ г. Чалый, по нашему мнѣнію, довольно трудно: самъ поэтъ не только не помнилъ времени созданія того или другаго стихотворенія, но подъ гнетомъ неблагопріятныхъ для свободнаго творчества обстоятельствъ, по возвращеніи изъ ссылки, иногда не узнавалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собственныхъ произведеній, написанныхъ въ раннюю, лучшую пору своей поэтической дѣятельности“. Махнувъ рукою на хронологію произведеній Шевченка, г. Чалый не обращаетъ даже вниманія на тѣ несомнѣнныя хронологическія даты, какія имѣются на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шевченка. Извѣстно, что въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г., помѣщено было десять стихотвореній Шевченка. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Чалый говоритъ, что они „*по всей вѣроятности*, написаны въ ссылкѣ“. А между тѣмъ въ „Хатѣ“ подъ каждымъ изъ этихъ стихотвореній есть

опредѣленная хронологичоская дата: они писаны между 1847—1859 годами, во время ссылки и послѣ нея. Конечно, довольно трудно опредѣлить и установить хронологію произведеній, но не невозможно. Она можетъ быть возстановлена, хотя приблизительно, на основаніи сохранившихся датъ подъ произведеніями Шевченка, обозрѣнія печатныхъ изданій произведеній Шевченка, указаній его дневника и воспоминаній его друзей, и проч. И только установивъ хронологію произведеній Шевченка, мы можемъ ожидать изложенія исторіи развитія самаго поэта и его идей, необходимой для его изученія и уразумѣнія.

Есть у г. Чалаго нѣкоторые пробѣлы и въ перечнѣ сочиненій Т. Гр. Шевченка. „Изъ произведеній", написанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, говоритъ авторъ книги, извѣстны въ печати только четыре: "Тризна" (1844), Дневникъ, „Нещастный" (1881) и „Музыкантъ". Мы прибавимъ съ своей стороны, что извѣстны также въ печати русскія произведенія Шевченка: отрывокъ изъ драмы „Никита Габдай", помѣщенный въ „Маякѣ" за 1842 годъ, и отрывки изъ повѣсти „Матрозъ", напечатанные въ газетѣ „Трудъ" за 1881 годъ.

Можно было-бы предъявить автору и нѣкоторыя другія требованія относительно изложенія произведеній Шевченка, именно: 1) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ, покрайней мѣрѣ слабѣйшихъ произведеній Шевченка устнымъ народнымъ произведеніямъ,—напр. поэмы „Петрусь" къ народной пѣснѣ о Петрусѣ; 2) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка къ другимъ украинскимъ писателямъ, напр. поэмы „Червець" къ „Чорной Радѣ" Кулиша (стр. 84—86 „Чорной Рады", 1857 г.) и 3) особенно, чтобы показано было вліяніе на Шевченка русскихъ поэтовъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, намѣченное въ общихъ чертахъ г. Кулишомъ. Послѣднее требованіе тѣмъ болѣе естественно, что книга г. Чалаго назначается и для великорусскихъ читателей и выполненіемъ этого требованія могла бы еще болѣе расположить ихъ въ пользу Шевченка. Но мы не предъявляемъ этихъ требованій какъ потому, что они не входили въ кругъ задачъ автора книги, такъ и потому, что не всѣ же требованія можно предъявить одному и тому же труженику науки. Большое спасибо г. Чалому и за то, что онъ сдѣлалъ для біографіи Шевченка столько, сколько никто другой раньше его. Книга его составляетъ необходимое пособіе для всякаго любителя и изслѣдователя украинской литературы,

и должно думать, что эта капитальная книга дастъ новый толчекъ къ критическому обзору жизни и произведеній Тараса Григорьевича Шевченка.

Н. П.

Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.

Это сочиненіе венгерскаго этнографа-историка состоитъ изъ шестнадцати небольшихъ главъ: 1) Вступленіе, 2) До-венгерское время въ Панноніи и Дакіи, 3) Древнѣйшія извѣстія о венграхъ, 4) Національное родство венгровъ, 5) Происхожденіе и прародина венгровъ, 6) Религія и духовная жизнь венгровъ, 7) Вліяніе тюркскихъ народовъ на венгровъ, 8) Вліяніе славянъ, 9) Христіанство и государство въ Венгріи, 10) Пришельцы въ Венгріи, 11) Географія и топографія, 12) Пѣсня о нибелунгахъ и венгерскія хроники, 13) Политическое и соціальное развитіе, 14) Духовное развитіе, 15) Современное положеніе и 16) Антропологическое мѣсто мадьяръ.

Первыя десять главъ составляютъ одно отдѣленіе, которое интересно и для русскаго, историка. Особенно важны для насъ главы: III, IV, V, VII, VIII и X.

Первоначальная исторія венгровъ связана съ южной Россіей. Константинъ Б. говоритъ, что они жили подлѣ Хозаріи, между Волгой и Днѣпромъ, и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ оригинальнымъ государствомъ. Авторъ приводитъ извѣстія этого писателя и арабскаго ученаго Ибнъ-Даста, который говоритъ, что венгры живутъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей, что они принадлежатъ къ тюркскому племени. Г. Унвальфи, какъ и слѣдуетъ, не признаетъ послѣдняго извѣстія араба. Однако же онъ приводитъ изъ него цитату, которая вполнѣ едва-ли къ намъ относится. Ибнъ Дастъ, жившій въ X в., уже не засталъ венгровъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ: все это пространство занимали печенѣги, бытовыя черты которыхъ и отнесены Ибнъ-Дастомъ къ венграмъ. Такихъ смѣшеній въ арабскихъ извѣстіяхъ мы знаемъ довольно. Чертами венгерскими могутъ быть признаны только, что ихъ государь называется Кенде, а собственное имя его Дусиле. Хозаре никогда не возводили укрѣпленій противъ венгровъ, а противъ печенѣговъ, или, какъ путаютъ нѣкоторые ара-

бы, противъ гузовъ. Тутъ авторомъ сдѣланъ промахъ. Нельзя также иначе смотрѣть и на отождествленіе г. Унвальфи узовъ и половцевъ. Византійскія хроники, арабскія сочиненія и даже наши лѣтописи—всѣ говорятъ противъ такого мнѣнія. Константинъ Б. не знаетъ куманъ-половцевъ, а говоритъ только объ узахъ и печенѣгахъ. Половцы, или кумане византійцевъ и венгровъ, выступаютъ гораздо позже на историческую сцену. Узы борятся съ ними и на берегахъ Дуная и на берегахъ Дона, какъ это извѣстно изъ нашихъ и византійскихъ лѣтописей. Здѣсь нѣтъ возможности приводить фактовъ, но стоитъ только просмотрѣть собраніе арабскихъ извѣстій Досеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арабы знаютъ нашихъ половцевъ или подъ именемъ кумановъ или кипчаковъ. Узы—это торки нашихъ лѣтописей.

Не принявъ мнѣнія Ибнъ-Даста о тюркизмѣ венгровъ, г. Унвальфи въ слѣдующей главѣ старается разрѣшить вопросъ о ихъ племенной принадлежности. Еще г. Европеусъ въ 1874 г., на основаніи сличенія языковъ венгерскаго съ финскимъ, пришелъ къ заключенію о родствѣ венгровъ съ племенами вогуличей, остяковъ. Г. Унвальфи представляетъ сравнительную таблицу языковъ венгерскаго, вогульскаго, финскаго и тюркскаго. Сначала идетъ таблица словъ, выражающихъ понятія частей тѣла, затѣмъ таблица, озаглавленная „Naturliches und sittliches Leben“, потомъ конкретныхъ понятій, родства и, наконецъ, именъ числительныхъ. Сравнивая числительныя имена, авторъ приходитъ къ выводу, что финско-угрскіе народы въ самое древнее время своей жизни считали только до 7, имѣли семиричную систему. Дѣйствительно слова, выражающія понятія чиселъ до 7-ми, совершенно сходны въ языкахъ венгерскомъ, вогульскомъ и финскомъ. Далѣе 7-ми слова совершенно различны. „Мы можемъ, говоритъ авторъ, принять время семиричной системы за самое древнее время или прапеpіодъ (Urzeit) финско-угрскихъ языковъ и народовъ“. „На сѣверѣ они простирались до Ледовитаго океана, съ юга ихъ ограничивали различные народы по великому пути. Области рѣкъ—Двины, Камы, Волги, Ялка, Иртыша, Оби и средняго и сѣвернаго Урала служатъ предѣлами родины этихъ племенъ, изъ которыхъ (предѣловъ) они распространились на западъ и югъ.

Во время совмѣстнаго жительства угро-финскія племена занимались охотой, рыбной ловлей; у нихъ была уже болѣе или менѣе развита семейственность и общественность; были занятія рукомеслами, употреблялись домашнія животныя, какъ лошадь и

собака. Все это явствуетъ изъ тождества словъ въ языкахъ угро-финскихъ племенъ для выраженія данныхъ понятій.

Опредѣливъ область распространенія угро-финскихъ племенъ въ періодъ ихъ сожительства путемъ лингвистики, г. Унвальфи старается очертить границы венгерскаго племени на основаніи извѣстій венгерскихъ лѣтописей. Онѣ называютъ двѣ рѣки, Тогату и Эстуль, Этель. Первую авторъ признаетъ за Иртышъ, впадающій въ Обь. Этель, конечно, Волга. На востокъ отъ Денціи и Магоріи, прародины венгровъ, по хроникамъ, простирается земля Юріанъ (Jurianorum). Эту Юріанію г. Унвальфи совершенно неправильно сближаетъ съ нашей Югрой, которую Іоаннъ IV покорилъ въ 1499 г. (?). Югра, покоренная русскими, и есть та самая Угрія, изъ которой произошли венгры, какъ нѣсколько выше утверждалъ и авторъ, намѣчая границы угро-финскихъ племенъ. Если вообще можно объяснить Юріанъ Туроца, то ихъ слѣдуетъ сблизить съ Югуріей, центръ которой былъ у верховьевъ Иртыша, которая занимала центральную Азію. Населявшій ее народъ были тюрки. У нихъ, по словамъ Рубруквиса, былъ источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчій. Еще Вивіенъ-де-С. Мартенъ предупреждалъ, чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Югурій, т. е. финской Угры, или Югры, съ тюркской Югуріей. Это-то сосѣдство съ тюркской Югуріей и могло имѣть вліяніе на языкъ венгровъ. Такъ съ южными животными венгры, по мнѣнію г. Унвальфи, познакомились чрезъ тюрковъ; съ продуктами земледѣлія, съ домашними орудіями, мебелью, предметами одежды, они ознакомились чрезъ тѣ-же руки, сюда-же нужно отнести религіозныя и духовныя понятія, всѣ они выражаются словами, заимствованными изъ языковъ тюркскихъ. Авторъ не допускаетъ, чтобы эти слова вошли изъ языковъ печенѣжскаго или узскаго: съ первыми венгры были во враждѣ, вторые не были ихъ сосѣдями. Особенно дружественныя отношенія были съ хазарами. Къ венграмъ переселились изъ Хазаріи кабары, которымъ г. Унвальфи и приписываетъ вліяніе на венгерскій языкъ, внесеніе въ него тюркскихъ словъ. Кромѣ кабаровъ, вѣроятно, долю вліянія оказали и печенѣги, а еще раньше и сосѣдство Югуріи. Скандинавскія саги сохранили память о борьбѣ угрскихъ племенъ съ тюрками. Саги знали эти племена еще до раздѣленія ихъ. Затѣмъ и враждебныя отношенія печенѣговъ начинаются только тогда, какъ ихъ потѣснили узы.

Кромѣ вліянія тюркскаго, венгры испытали вліяніе и славянства. Отъ славянъ, по мнѣнію автора, они заимствовали названія

церковныхъ и религіозныхъ предметовъ и лицъ, понятія и лица общественности и политики, растеній, земледѣлія, ремеслъ.

Отчего венгры не расплавились въ мѣстныхъ элементахъ? Это г. Унвальфи объясняетъ сравнительной ихъ многочисленностью при появленіи въ Паннонія и не высокой степенью культуры туземцевъ. Глава, въ которой авторъ трактуетъ о пришельцахъ въ Венгрію, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, по числу переселившихся въ Венгрію народовъ. Авторъ сначала ставитъ измаелитовъ, затѣмъ печенѣговъ, кумановъ, татаръ и нѣмцевъ. Каждому изъ этихъ племенъ посвященъ краткій очеркъ исторіи его въ Венгріи; это почти простое перечисленіе фактовъ, довольно сухое, не лишенное нѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ, хотя и не безъ мелкихъ промаховъ. Вообще одинъ изъ недостатковъ автора, это почти полное отсутствіе ссылокъ, незнакомство съ русскими источниками и даже отчасти съ арабскими. Но мы уже видѣли, насколько интересны первыя главы труда г. Унвальфи; не менѣе интересна и вторая часть, гдѣ авторъ рисуетъ политическое устройство Венгріи и взаимныя отношенія ея сословій. Мы должны еще воздать благодарность автору, что онъ употребилъ въ своемъ трудѣ доступный нѣмецкій языкъ, а не венгерскій.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1882 г. Іюля 18.

Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовый очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.

Предъ нами брошюра во сто съ небольшимъ страницъ, посвященная описанію никому неизвѣстнаго уголка Бессарабіи, п. Вилкова, близъ Киліи, въ устьяхъ Дуная. Поселеніе это бѣдное, исторія его не давняя, не богатая фактами, интересная, по видимому, для однихъ лишь вилковцевъ; источники для нея также скудные: документы мѣстной управы, записи церковныя, разсказы старожиловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Бахталовскаго не лишенъ значенія для людей интересующихся исторіей южной Россіи. Съ усердіемъ и любовію авторъ отдался своему труду, кропотливо и добросовѣстно собиралъ и разбиралъ скудные матеріалы и старался выжать изъ нихъ все, чѣмъ можно освѣтить исторію этого темнаго, заброшеннаго уголка и привести ее въ исторію края. Только подобными трудами можетъ пополняться и разъясняться

наша общая исторія, и нельзя не желать, чтобы такія изслѣдованія являлись у насъ чаще и чтобы люди, посвящающіе имъ свой досугъ, не смущались кажущеюся мелочностію тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены ими о близкихъ имъ почему-либо городахъ и городишкахъ. Посадъ Вилковъ—это одинъ изъ тѣхъ отпрысковъ Запорожья, которые оно дало отъ себя, погибая не естественною смертію и которые лишь теперь понемногу приводятся въ извѣстность. По мѣстному преданію, онъ основанъ запорожцами послѣ уничтоженія Сѣчи (въ 1775 г.), когда одна часть сѣчевиковъ не скоро нашла себѣ мѣсто на Кубани, а другая въ слѣдъ за разореніемъ роднаго Коша эмигрировала въ Турцію. Отдѣлившаяся горсть послѣднихъ, заняла то мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Вилковъ и которое принадлежало тогда Турціи. Кубанцы посѣщали своихъ братьевъ, поселившихся за предѣлами родной земли и, можетъ быть, въ честь ихъ одно изъ гирлъ Дуная называется у простонародья Кубанкой.

Занявъ пустынныя, частію болотистыя, частію песчаныя мѣста вблизи Дуная, набожные запорожцы прежде всего устроили себѣ здѣсь церковь изъ лозняка, камыша и глины. Можно вообразить себѣ по матеріалу для постройки, что это была за церковь. Но ими движетъ преданіе о дорогой Сѣчи и убогую свою церковь - мазанку они посвящаютъ имени Покрова Пресвятыя Богородицы, въ подражаніе сѣчевой, а при ней устроиваютъ колокольню. Это были истые сѣчевики; по старому обычаю жили они въ куреняхъ, наполняя свой составъ бѣглецами изъ Украйны, наводнявшими Бессарабію, и занимаясь рыболовствомъ.

Послѣ присоединенія Бессарабіи къ Россіи (въ 1812-мъ году, по букарестскому трактату), холостые вилковскіе запорожцы, по словамъ г. Бахталовскаго, „не желая оставаться въ россійскихъ владѣніяхъ, перешли за Дунай и поселились въ Турціи" (стр. 9—10). Уходя изъ Вилкова, они унесли съ собой два колокола отъ покровской, вилковской церкви, но зарыли ихъ въ землю въ старой Киліи. Впослѣдствіи вилковцы вырыли изъ земли эти „дзвоны" и перевезли ихъ обратно въ свое селеніе. Сперва жители Вилкова состояли исключительно изъ украинцевъ, но позже сюда мало-по малу стали стекаться и великороссы, главнымъ образомъ старообрядцы, убѣгавшіе отъ религіозныхъ притѣсненій на родинѣ. Элементъ великороссійскій превозмогъ малороссовъ, причемъ часть послѣднихъ совершенно выбралась изъ Вилкова, а большинство поселилось вблизи построенной запорожцами Покровской цер-

кви (стр. 10—11), такъ что теперь населеніе Вилкова состоитъ, выражаясь словами письменныхъ документовъ вилковской ратуши, „изъ двухъ породъ"—великорусской и украинской, къ которымъ пристала также „малая толика" вездѣсущихъ евреевъ (стр. 21). Великоруссы и малороссы существенно различаются здѣсь въ вѣроисповѣданіи, обычаяхъ и обстановкѣ жизни, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ „двухъ породъ" имѣетъ въ Вилковѣ свое особое кладбище и вообще сторонится другой.

Не безъинтересны, въ историческомъ отношеніи, сообщенія автора о томъ, какъ взыскивались съ вилковцевъ въ старину казенныя подати исправникомъ Копейкинымъ. „Копейкинъ, говоритъ авторъ, со словъ о. Гончарова (старика-протоіерея, разсказывавшаго ему о прежнемъ житьѣ-бытьѣ вилковцевъ), выбрался въ исправники изъ волостныхъ писарей и, съ цѣлью ускореннаго сбора податей, имѣлъ обыкновеніе натравливать жителей недалеко лежавшаго селенія Галилештъ на вилковцевъ; эти галилеяне врывались въ ихъ дома, ломали мебель, заливали огонь въ печи и чинили многія иныя пакости" (стр. 24).

Преданные мирнымъ занятіямъ рыболовства, вилковцы, однако, во время турецкихъ войнъ, иногда принимали участіе въ войнѣ съ бусурманами; такъ, въ 1828 году сорокъ лодокъ съ вилковцами участвовали въ переправѣ русской арміи черезъ Дунай, ниже Рени. Числясь казенными поселянами, жители Вилкова были надѣлены пахатной землей; но послѣдняя, какъ на бѣду, лежала отъ ихъ обиталищъ чуть не за тридцать верстъ и за нее нужно было платить налоговъ чуть-ли не больше, чѣмъ самая земля эта приносила дохода (стр. 29). Это обстоятельство подало поводъ вилковцамъ хлопотать о переименованіи ихъ селенія въ посадъ, каковыя хлопоты, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ въ 1840 году.

Пропуская исторію вилковской ратуши, не представляющую прямаго историческаго интереса, остановимся на разсказѣ автора о бѣглыхъ, искавшихъ пріюта и спасенія въ Бессарабіи. Одною изъ причинъ обѣдненія посада Вилкова и уменьшенія количества его жителей, говоритъ г. Бахталовскій, „должны быть признаны многочисленныя дѣла о припискѣ къ Вилкову бѣглыхъ или бродягъ, повлекшія за собою ссылку многихъ вилковцевъ въ Сибирь" (стр. 70). Всѣмъ извѣстно, какова была жизнь помѣщичьихъ крестьянъ во времена крѣпостнаго права; немногимъ лучше этого жилось и сектантамъ въ строгія времена Николая I-го. Тѣ и другіе, поэтому, искали спасенія за границей и вблизи турецкой границы; адми-

нистрація-же, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія къ прекращенію здѣсь бродяжничества. Бѣглецы получали, такъ сказать, права гражданства въ Бессарабіи различными путями: иногда бѣглецъ, подмазавъ, *гдѣ надо*, добывалъ себѣ изъ ратуши свидѣтельство о томъ, что онъ „значится въ числѣ приписывающихся" къ вилковскимъ, напримѣръ, мѣщанамъ,—иногда онъ принималъ имя и фамилію какого-нибудь умершаго обывателя и взносилъ за него подати, иной разъ бѣглецъ поступалъ въ члены какого-нибудь семейства и т. п. Такія продѣлки не всегда благополучно сходили съ рукъ вилковцамъ. Такъ въ 1843 г., за пріемъ и укрывательство нѣкоего бѣглаго, называвшаго себя Петлеваненкомъ, судили шестьнадцать человѣкъ вилковцевъ-малороссовъ, изъ числа которыхъ семь душъ понесли тяжелое наказаніе (ссылка въ Сибирь, наказаніе плетьми, тюремное заключеніе на семь дней и денежный штрафъ), а остальные девять человѣкъ оправданы.

Гр. Д—нъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТІЯМЪ XI ВѢКА?

Въ іюльской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ напечатана статья достопочтеннаго г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи XI вѣка", имѣющая цѣлію сообщить очень важное открытіе въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древняго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ устъ селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) разсказывается, что когда половцы съ большой силой обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князья изъ Кіева: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ и меньшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безладица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стугну утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владиміра Мономаха. „Половцемъ же осѣдящимъ Торцьскый, противящимся же Торцьскомъ и крѣпко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не пришлеши брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ лзѣ вкра-

---

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ".

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчь былъ очень силенъ и непріятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: поколотятъ ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья пришли на помощь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ разсказъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего ѣсть и пить: отвели, значитъ, воду, а сами приготовили пятдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбнаго зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчь: вотъ это и значитъ: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина, пытае.
У насъ, брате, товаръ дорогий...

Пѣсня, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ варіантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ варіантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же варіантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляетъ мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдователя и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотенъ Корній Валовый и не сообщилъ ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событіяхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событіе, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безъискуственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣтствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церквей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу съѣстнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ ввезенныхъ туда повозокъ съ запрятанными молодцами, Омелько здѣсь пріурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы биться объ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище старинного города, непремѣнно можно услышать такое же пріуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее къ разряду древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ онаго: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплеменною народностью. Когда сложился въ ней образъ народнаго міровоззрѣнія, представляющій взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потомъ самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятдесятъ или двѣсти пятдесятъ возовъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одиссея, введенный подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народнаго эллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скудна событіями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предлогами. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народнаго міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія событія, которыя безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи возовъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятно носитъ въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событій, порождаемыхъ силою обычнаго народнаго міросозерцанія; но напрасны будутъ усилія пріурочить ее къ какому-нибудь опредѣленному историческому событію въ томъ или дру-

гомъ вѣкѣ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій разсказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія козаками Палѣя изъ польскаго плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ разсказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложеніе его въ народѣ. Во всѣхъ варіантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ варіантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей козацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кремень (Исланъ—Кермень), Кишеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Изслѣдователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ варіантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводитъ въ городъ возы, что (говоритъ онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кіевск. Стар., іюль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой варіантъ, гдѣ говорится, что орда забрала волы и возы; о не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стоянову, желающему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о взятіи Торческа половцами. По смыслу этого варіанта выходитъ, что привезшіе товаръ говорятъ: завтрешній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братьтя,
Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ обняла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтѣ—забрала возы и волы. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному изслѣдователю. Онъ увлекается въ желаніи непремѣнно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеприведеннаго варіанта: „кому недостаетъ суконъ и золота, тотъ беретъ молодыхъ тур чокъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркеня=турчанка, здѣс начитъ—торкеня=обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркеня—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно умѣстно въ варіантѣ, гдѣ

дѣйствіе происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Болѣе правдоподобно гг. Рудченко (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варіанта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими козаками при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ; но это имѣетъ правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варіанта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще варіантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается объ ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные возы съ товарами. Пѣсни, какъ всѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особыя пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ чужой заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже внѣдряются части единственню по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говоровъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искуство въ этнографіи.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ разсказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней шолковый клубочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ прибѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтическій разсказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходитъ по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе объ ушедшей подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій много.

Изъ всего изслѣдованія многоуважаемаго г. Стоянова одно только представляетъ вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣстопо-

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, что̀ и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бъ археологи нашли возможнымъ поискать въ глубинѣ земли остатковъ его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Іюля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи", написанная мною по случаю истеченія ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго". Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованныя изъ дѣлъ архангельскаго губернскаго архива, всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войсковаго судьи Головатаго и войсковаго писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиѳею о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангеліи, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятникѣ, устроенномъ надъ могилой Кальнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковой писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, гдѣ и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю нелишнимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Исторіи Новой Сѣчи" А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ таковаго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Федоровымъ, въ поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ о войсковомъ писарѣ. Послѣднюю должность онъ, вмѣстѣ съ кошевымъ Калнишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣковъ не бывало". Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его принимающимъ участіе въ компаніи 1770 года, за которую онъ получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выдающимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр. 83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочиненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною Екатеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ Москвой, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола". Рѣчь эта, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1840 годъ (т. II, стр. 163), начинается словами: „Вся̑ премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть". Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечатлѣніе на императрицу, такъ что̀ она, по окончаніи рѣчи, „милостиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покровительствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припадшихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать къ рукѣ".

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и генеральнымъ судьею, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вины Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны были безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія". Кошевой Калнишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставлялъ уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы". Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василіемъ Бойко [1]). Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изрѣдка черными желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: к. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ чорной выбойкой; к. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганый на красномъ кумачѣ; к. штофу краснаго, стеганый на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; к. алой объяри съ травами, полы обложены тою-жъ объярою; к.

---

[1]) По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора перелицеванной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мироновичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожецъ, а впослѣдствіи капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ запорожскаго старшины Якова Легкоступа, строителя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ послѣднее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковскій соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мироновича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; к. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ позументомъ; к. синяго сукна безъ подкладки, вокругъ обложенъ золотымъ шнуркомъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ позументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по пóламъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисій, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, вѣсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловяные, большіе, плоскіе, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшіе; одинъ котелъ красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія водки, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байковой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (туруханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразные разсказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобъ узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотрятъ. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляетъ ею и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ разсказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника". Такимъ „характерникомъ" въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ съумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ разсказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ"; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю".

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника", то они очень различны и передаются не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украйну и о погребеніи я слышалъ самые разнообразные разсказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украйнѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него былъ привезенъ кто-то другой, другіе—что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи—что онъ самъ, какъ „характерникъ", помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу" не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарытъ привезенный гробъ. „Могила" эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходитъ въ народѣ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и разсказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный разсказъ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ; въ немъ лучше всего и полнѣе выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, що зъ нимъ нихто не мігъ зривняться. Іздивъ вінъ, кажуть, скризь по світі та збиравъ одъ панивъ разні листы—бумагы. Кажуть, шо якъ вінъ умеръ, то ёго привезли въ домовині звіткиль-сь зъ дáлека на Вкраину, бо якъ умиравъ, то сказавъ, шобъ ёго поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ ёго і привезли туди до Жидівського[1]), до теі роскопаноі могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймуть—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймуть, та мусіли прикликать зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли іі. Але-жъ якъ після роскрили іі, то вона була тілки повна разніхъ списівъ—бумагъ, а ёго самого не було; та такъ іі зъ тими бумагами і закопали. Кажуть, шо після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забрать списи (бо зъ ними можно було-бъ одібрать назадъ у людей ту землю, шо у панівъ забрали після панщины), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, шо робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, шобъ той давъ імъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, его впустили въ палатку; ввійшовши въ палатку вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоеі землі, шо підъ моею шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъіздивъ, а ні-де не бачивъ, шобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“...

Записано 1880 г. въ с. Гуссаковой, звенигородскаго уѣзда.

А. Смоктій.

ИСЧЕЗНУВШІЯ И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССІИ ЖИВОТНЫЯ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

[1]) Лѣсъ недалеко отъ села Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

которыя породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россіи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,— это были *дикія лошади*, по мѣстному *тарканы*. Послѣдній разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія *Новый Бугъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня“, близь села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Разсказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшаго росту, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непремѣнно была черная-же полоса. Дальше разсказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разсказамъ-же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миньятюрѣ идеалъ этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія „стаканчикомъ“. М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикія жеребцы повременамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобылъ. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикія лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе) въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленій, на которой малѣйшій предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстояніе. По словамъ Рубана (писателя прошлаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикіе кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнятъ и отъ отцовъ своихъ не слыхали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что объ этомъ вспоминаетъ и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи".

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Въ кіевской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (кіев. уѣз.) Тамъ было для нихъ приволье въ непроходимыхъ дѣвственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы разсказывали мнѣ, что лѣтъ 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направленію на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кіевской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысльскаго уѣзда по надъ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ волынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи позабирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончательно гибнутъ, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысльскомъ уѣздѣ (кіев. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни дикія свиньи составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медвѣди въ южной Россіи истреблены окончательно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кіевской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысльскомъ уѣздѣ я разспрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Волынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это дѣлаютъ всѣ селяне кіевскаго и волынскаго полѣсья.

Бобры. Объ изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей лѣсистой полосѣ южной Россіи показываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобрикъ, бобровица, и т. п.; въ радомысльскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, названіе которой указываетъ, что тамъ когда-то „жировали" бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго *литовскаго* бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. сереб. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лазаревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи" въ одномъ изъ селъ близъ г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ объ особомъ сословіи, о „бобровникахъ", обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кіевской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Кіевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Россомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, къ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ житомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кіевлянинѣ", года 4—5 тому назадъ. Въ радомысльскомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ россомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (Arctomys bobac) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ извѣстно только одно урочище въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польскій инженеръ Бопланъ, жившій въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ своемъ „Описаніи Украйны" говоритъ, что ночью опасно было ѣхать степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсуки тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкурки этого животнаго можно по

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ какого-нибудь полѣсовщика или вообще завзятаго охотника.

Сайги (Antilopa saiga) по украински „*Сугаки*“ еще въ прошломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надъ р. Бугомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встрѣчаются только въ степяхъ земли Войска Донскаго.

Даже *сарны* (Cervus capreolus), еще недавно составлявшіе довольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавщина“. Помѣщикъ М. И. Рахубовскій, жившій близь этого лѣса, разсказывалъ мнѣ, что въ началѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнъ, произвелъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про *зубровъ*, живущихъ, какъ извѣстно, въ Бѣловежской пущѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкѣ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозахъ* [1]). Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно разсказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнятъ, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссіи въ началѣ этого вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ шпанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза;* это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука

---

[1]) Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (Peropoda) родъ — *Eryx turcicus*, —такъ названъ въ зоологіи видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе разсмотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ позможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослаго человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые бо̀льшіе экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Найбольшаго сожалѣнія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода *запорожскихъ лошадей*. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣдой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „*строги*“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская-же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣздѣ—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоцѣнная порода „*Черкасскаго*“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшеніямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывшій помѣщикъ балтскаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился кажущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“ воловъ, выписалъ изъ

Венгріи племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у перваго сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человѣкъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшенія, а въ сущности—для порчи породы своего скота. **М. Левченко.**

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦІИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современнаго документа [1]), принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привиллегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ повидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украйны къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городскіе доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, напримѣръ, было всего 400 домовъ, считая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкуррировать съ пріѣзжими великороссійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственнаго сословія, которыя, выйдя въ чиновники или записавшись въ козаки, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобъ мы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ“. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства также способ-

---

[1]) Взятъ изъ румянцевской описи Малороссіи; *полкъ переясловскій.*

ствовали паденію городскаго быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались-же они почти исключительно по дворамъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую коммисію для составленія уложенія 1767 г. „А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; тѣмъ самымъ отъемлется у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, кто чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать" [1]). Такова въ общихъ чертахъ картина городскаго быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корнѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украйны; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украйнѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушала свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городскаго бла-

---

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиціи. Такъ граждане г. Глухова просятъ объ учрежденіи у нихъ городской полиціи, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиціи въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе" служитъ отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиціи можарной.

„Высокородному и высокопочтенному г-ну карабинерного полку маіору Александру Якубовичу отъ магистрату переяславского.

Представленіе.

.....Чтожъ принадлежитъ до полиціи, о которой требуется виправки, въ какомъ оная состояніи находится, то есть чиновники, такъ же инструмента, какие имѣются исправние и неисправние, и где содержатся, и сколко для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, такоже съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадѣ для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположение, и съ которого году, и почему та полиция учрежденна; то оной полиціи при магистратѣ содержать нѣ съ чего, для того, яко показаной магистратъ, хотя искони утвержденъ королевскими привилегіями и государственими грамотами и чрезъ многие года находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генералную войсковую канцелярию, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиция содержалась; но какъ въ недавнихъ годахъ полковою переяславскою канцеляриею оной магистратъ былъ (взятъ) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волностей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая переяславская старшина разними образи завладѣвши людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворкахъ, такъ и въ селахъ, магистрату переяславскому високомонаршою грамотою жалованыхъ и бывшими гетманами унѣверсалами наданихъ, наконецъ всехъ того прошлого 1759 году и бившие при ономъ магистратѣ для пожарнихъ случаевъ инструменти, а именно круковъ железнихъ четири, вилъ железнихъ трое, щитовъ повстянихъ, полотномъ подшитихъ, зъ пялцами деревянными, три, лѣствицъ деревянихъ болшихъ, саженей въ восѣмъ, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрими для возки воды пять, въ оную полковую канцелярию отобралы и *содержали до сего года ту полицию* при полковой канцеляріи, а сего году оная полиция, неведомо почему, переведена била за городъ, за браму илтицкую не за версту и препорученна была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицию, что учали были забирать силнимъ образомъ людей магистратскихъ, то, напослѣдокъ того, каковъ объ оной полиціи зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратѣ здешнемъ указъ, съ оного точную копию къ надлежащему усмотрѣнію вашему високоблагородию при семъ прилагаемъ".

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.
Бурмистръ Димитрій Тимофѣевъ.
Писаръ Артемъ Даценко.
Райця Ныколай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ **Дм. Багалѣй.**

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С." приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—*Савву Туптала*. Портретовъ его, писанныхъ масляными красками, намъ приходилось видѣть нѣсколько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и притомъ сдѣланы очень неудачно: копиисты видимо подкрашивали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кіевскою Стариною" портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіи, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ масляными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кіевскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное извѣстное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнемъ изданіи [1]), именно „Синбирскомъ Сборникѣ“, заключающемъ въ себѣ отписки кіевскаго воеводы, кн. Трубецкаго, къ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришолъ въ Киевъ выходецъ исъ полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарыщи сказался: бывалъ киевской житель, Савою зовутъ, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли ево въ полонъ Пивина полку поляки подъ местечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Полшу къ гетману Яну Собескому. И исъ Полши Сабеской съ полскими войски пошолъ къ Волоской земли войною противъ турского. А ево де, Саву, гетманъ Янъ Сабеской отпустилъ изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостями похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и нѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменьею кіевскаго іорданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе [2]), которое мы здѣсь кстати приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе *отческаго двора* завѣщательницы и вообще рисуетъ обстановку кіевской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, ігуменія монастыря іорданского, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ схорѣлую, еднакъ же при розумѣ зуполномъ зостаючи, напродъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и християнскому обиклому погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

---

[1]) Синбирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

[2]) Акты іорданскаго монастыря въ библіотекѣ церк.-археол. муз. при кіевск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, лит. Ж., № 16.

въ житіи оскорбила отъ мирского немирного пристрастія, отъ всѣхъ прощенія прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроецкаго кіевскаго, да по благоутробію своему позволитъ мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволитъ приняти до обители святой дворъ отческій власний близъ Притиского Николи стоячий, дабы за сіе поминано душу мою грѣшную. Еще извѣствую послѣднимъ тестаментомъ, ижъ зостаю винна долгу до обители святой іорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнику золотихъ сорокъ, старицѣ Аннѣ зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таляровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накритую, и раску соболюю, также луданомъ прикритую, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветъ, талѣрокъ шѣстьнадцать, сребраный роструханъ и кубочковъ два келейнии мои и келію новую продавши, поотдавать повини. Келію, которая моя давная и въ которой умирзю, исъ пекарнею и зовсѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудетъ до смерти; ложокъ одинадцятъ срѣбрнихъ на памятку сыну моему Іліи, до обители монастыря іерданского зол. 10, а такъ распорадивши, исъ тихъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецила келейнимъ моимъ и варую при семъ, абы сія остатная тестаментовая воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословеніемъ Божіимъ и подъ клятвою святихъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для болшой вѣри, якъ неумѣючая писать, крестомъ святимъ стверждаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що сукно чернятъ.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебного господина отца ігумена Кириловского Евстратія, при битности многихъ сестеръ и намѣсници въ товремя Анѳіи року 1710 мѣсяца іюня дня 16, отъ мене попа Григорія, попа святихъ и равноапостолнихъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывкахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и варіаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кіевской Старины". Трудно отыскать что либо лучше для представленія живой картины и эстетическаго облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють". Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающій за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркій полдень; изнуренный зноемъ и отсутствіемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздремнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чемъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява"—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участь стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ къ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вѣтру, что гуляетъ въ полѣ съ травою и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вѣтрѣ, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурная козачая жизнь и онъ вспоминаетъ недобромъ Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту". Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогающій, особливо когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта найбольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йшла долиною!..

---

*) *Куртою* называется собака—овчарка, имѣющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значитъ и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово является собственнымъ и въ какомъ переносным, рѣшить трудно.

Припѣвъ...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ моі вівці!..

Слѣдуетъ приграванье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся въ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..
Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ іого юрта!

Припѣвъ...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то якійсь, превражий сынъ,
Да покопавъ кінці!..

Припѣвъ...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаешь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваешь,
Зъ высокости у ті безды прозріваешь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моіхъ овець?

Припѣвъ...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляешь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаешь,
Перекоти-поле—те качаешь,
И те море розбиваешь,
Сиві-гривы пидіймаешь,
И съ тимъ моремъ розмовляешь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаешь,
И ті люльки, ті бурульки роскуряешь,
Шапки на бікъ заломляешь,
И ті чубы розвіваешь,

Горде дубье нагинаешь,
Брюховецькихъ пидвертаешь
И насъ біднихъ вызволяешь,—
Чи не бачивъ моіхъ овець?
Ня-ня курта, а дежъ мої вівці?
Ой зійду-жъ я на могилу,
Да на саму вершину
Да подивлюсь на долину,
А дежъ мої вівці!

Ой ты, батьку-Сірку,
Козацькій барвінку,
Та надівай шапку-бирьку,
Та вызволяй чабана-товаринку.
Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завывання" въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и припѣвъ „козачка": ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онъ де мріють,
Онъ де вівці (2)
Ня, курта-ня
Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная пѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнѣйшая кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софіи, въ теченіи долгаго своего существованія, представлялъ постепенное отклоненіе отъ своего первоначальнаго вида и только въ послѣднія сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движеніе, далекое еще отъ полнаго его окончанія. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софіи цареградской, кіево-софійскій соборъ, въ теченіи вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которыя во многомъ измѣнили его древнее величіе и красоту. Разновременно закрыты его наружныя галлереи, обращенныя въ паперти, закрыта была драгоцѣнная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрфосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются лишними и своею неуклюжестію закрываютъ и безобразятъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и, развиваясь постепенно, служитъ показателемъ ихъ развитія. Подъ вліяніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійскаго собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытія и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякій, войдя въ храмъ св. Софіи, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая сѣдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенныя печи съ пробивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служитъ найлучшимъ для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на сѣверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣе галлерея, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами сѣверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, скрѣплявшими ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время запустѣнія собора въ рукахъ уніатовъ, длившагося 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Могила, возвративъ православію св. Софію, очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегавшихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такія-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ сѣверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продольное углубленіе, впереди котораго по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытыя оконечности западной и южной папертей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.,—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи оной. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилинскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною рѣшеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій нашъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ огрѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное вліяніе производила температура въ соборѣ по прошествіи зимы. Вы точно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холодомъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устранятся и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній внѣшній ея видъ, и всѣ наружныя оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нынѣшняго настоятеля собора.

Съ начатіемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софіи.

Пожелаемъ, чтобы кіево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.